

«Петербургский дневник» представляет

Александр Рубашкин

В эвакуации автор жил войной,
сводками...
Первое стихотворение напечатал
7 ноября 1941 года в заводской
многотиражке «Сталинец».
Мог бы с этой даты считать
свой литературный стаж.

Голос Ленинграда

ЛЕНИНГРАДСКОЕ РАДИО
В ДНИ БЛОКАДЫ

Писатели на войне, писатели о войне

Александр Ильич Рубашкин
Голос Ленинграда.
Ленинградское
радио в дни блокады
Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481752
Голос Ленинграда. Ленинградское радио в дни блокады:
ISBN 978-5-91498-074-7

Аннотация

Книга критика, историка литературы, автора и составителя 16 книг Александра Рубашкина посвящена ленинградскому радио блокадной поры. На материалах архива Радиокomiteта и в основном собранных автором воспоминаний участников обороны Ленинграда, а также существующей литературы автор воссоздает атмосферу, в которой звучал голос осажденного и борющегося города – его бойцов, рабочих, писателей, журналистов, актеров, музыкантов, ученых. Даются выразительные портреты О. Берггольц и В. Вишневского, Я. Бабушкина и В. Ходоренко, Ф. Фукса и М. Петровой, а также дикторов, репортеров, инженеров, давших голосу Ленинграда глубокое и сильное звучание. В книге

рассказано о роли радио и его особом месте в обороне города, о трагическом и героическом отрезке истории Ленинграда. Эту работу высоко оценили ветераны радио и его слушатели военных лет. Радио вошло в жизнь автора еще перед войной. Мальчиком в Сибири у семьи не было репродуктора. Он подслушивал через дверь очередные сводки Информбюро у соседей по коммунальной квартире. Затем в школе, стоя у доски, сообщал классу последние известия с фронта. Особенно вдохновлялся нашими победами... Учительница поощряла эти информации оценкой «отлично».

Содержание

ДОМ РАДИО.	10
ОТ АВТОРА	11
ЛЕТО 1941-го...	17
СЛУШАЙ, РОДНАЯ СТРАНА!	41
ПРЕКРАТИТЬ ПЕРЕДАЧУ НЕЛЬЗЯ	58
ОБЩЕГОРОДСКАЯ ТРИБУНА	85
ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ	112
РЕПОРТЕР У МИКРОФОНА	133
К СОВРЕМЕННОКАМ И ПОТОМКАМ	146
«ПО ПРАВУ РАЗДЕЛЕННОГО СТРАДАНЬЯ...»	169
ACHTUNG! ACHTUNG! HORT UNS!	189
ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА	212
ПОБЕДА МУЗЫКИ	231
ЧТЕНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ	258
ГОРЬКАЯ ПРАВДА	279
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО	287

Александр Рубашкин
Голос Ленинграда.
Ленинградское
радио в дни блокады

Памяти Ольги Федоровны Берггольц

Ольга Берггольц.

Работа скульптора В. Трояновского на входе в Дом радио

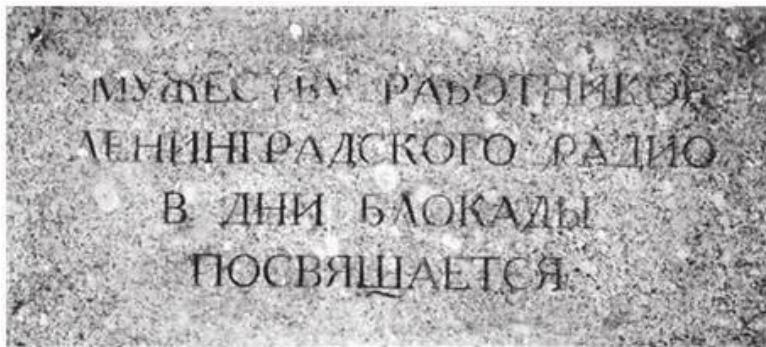
Надписи на памятнике О. Берггольц

*...и, спаяны сильнее,
чем кровью рода,
родней,
чем дети одного отца,
сюда зимой сорок второго года
сошлись – сопротивляться до конца.*

Ольга Берггольц («Твой путь»)

*...И даже тем,
кто все хотел бы сгладить
в зеркальной робкой памяти людей,
не дам забыть,
как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.*

Ольга Берггольц («Стихи о себе»)

Художественная премия «Петрополь» за 2012 год присуждена за книгу о блокадном радио «Голос Ленинграда» Александру Рубашкину

**ДОМ РАДИО.
НАЧАЛО XXI ВЕКА**

ОТ АВТОРА

Одна из фотографий блокадной поры запечатлела нескольких человек – военных и штатских – возле уличного громкоговорителя. Исхудавшие люди слушают внимательно, напряженно. Какую весть узнали они в эти минуты?.. «Нигде радио не значило так много, как в нашем городе в дни войны». Эти слова Ольги Берггольц подтверждены многими свидетельствами очевидцев. Сейчас, через десятилетия, уже нелегко говорить о тех давних передачах. Их тексты сохранились далеко не полностью, а звукозаписей осталось совсем немного – на четыре часа звучания. Остальные давно стерты – и людьми, и временем. В послевоенную пору были попытки стереть из памяти людей саму блокаду. В этих условиях невозможно было написать книгу, опираясь лишь на материалы архива¹ и существующую литературу. Главной поддержкой стали сами участники событий – те, кто вел передачи и готовил их в дни блокады. Еще до войны сложился коллектив Радиокomiteта, понимавший свою ответственность перед суровым, тревожным временем. Зимой 1939–1940 годов, в дни советско-финляндской войны, фронт ока-

---

¹ Все цитаты, за исключением особо оговоренных, даются по документам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ), ф. 7278 (затем 293), оп. 2. В книге о ленинградской блокаде город, естественно, всюду называется Ленинградом.

зался недалеко от Ленинграда, и работники Комитета по радиовещанию и радиофикации (так он официально назывался) стремились сделать так, чтобы в случае возникновения сложной обстановки радио слышали все. Радиофикация города, начавшаяся в 1934-м, продолжалась усиленными темпами. В 1940 году в квартирах ленинградцев стояли сотни тысяч репродукторов. В странах Западной Европы проводной сети для трансляции почти не существовало, считалось, что радиоприемники – надежное средство получения информации. Но, когда осенью 1940 года немецкие самолеты начали бомбить Лондон, а радиостанции английской столицы сообщали о приближении противника, они становились радиомаяками для вражеских самолетов и были вынуждены замолкать. Других средств для оповещения населения огромного города о воздушной тревоге англичане не имели.

Радиофикация в нашей стране дала возможность вести ежедневный разговор с городом, оказавшимся в осаде. Условия, в которых жил блокадный Ленинград, необычайно расширили задачи радио. Оно стало постоянным спутником, помощником, другом граждан фронтового города². Без радио, без ежедневных передач, без непрерывной системы оповещения нельзя представить себе жизнь и быт Ленинграда в дни его обороны. Уровень передач, их формы, воздействие на слушателей зависели от коллектива Радиокomiteта, писа-

---

² Ленинское определение радио – «газета без бумаги и «без расстояний»» – к концу XX века можно отнести и к интернету (плюс функции почты и др.).

телей, журналистов, деятелей искусства. То, что в Ленинграде радио продолжало говорить, то, что оно связывало между собой жителей города, а голос Ленинграда доходил до страны, – результат усилий сотен людей.

Прежде всего передачи ленинградского радио адресовались гражданскому населению и частям армии, находившимся в Ленинграде. Об этих передачах, шедших по городской сети, в первую очередь и говорится в книге. Но, кроме того, продолжали работать ленинградские радиостанции, которых город не слышал (все приемники в начале войны были сдааны). Эти станции вели передачи политического вещания для партизан и северо-восточных районов области, а также для флота. Особой формой политвещания стала работа по пропаганде среди войск противника. Некоторые передачи средневолновой станции «РВ-70» принимались далеко за рубежами страны. Отдельные передачи из Ленинграда доходили до слушателей Англии и даже Австралии. Необычайно широка тематика передач ленинградского радио военного времени, она отразила жизнь города, боевые действия у его стен. Задача книги – рассказать о наиболее существенном в работе радио блокадной поры, важнейших темах и формах передач.

Технические возможности радио позволили наиболее успешно связывать фронт с тылом, город со страной и миром. Радио дало бойцам почувствовать непосредственную поддержку со стороны Ленинграда, объединяло горожан.

Девятьсот дней продолжалась оборона города. Неисчис-

лимые трудности перенесли ленинградцы. Но были дни, недели, месяцы особенно трагичные – долгая зима 1941–1942 годов, самая голодная, смертная пора. Радио помогало выжить, человек, оторванный от других, чувствовал, что в холодной темной квартире он не один. Хотелось, чтобы читатель представил себе обстановку, в которой говорило (иногда – шептало) радио, услышал звук метронома в долгие часы воздушных тревог и обстрелов, завывание сирены, увидел ленинградцев, приникших к тарелке репродуктора зимой сорок второго.

Работа о ленинградском радио блокадной поры с самого начала не претендует стать историей. Меньше, чем хотелось, рассказано о техническом обеспечении передач, о людях, которые монтировали радиостанции в новых местах осенью сорок первого, и о строительстве мощной станции, вступившей в строй в 1943-м, и о том, как преодолевались помехи в передачах на страну. Причины такой неполноты объяснимы. К примеру, встречи с П. Палладиным, начальником радиовещательного узла, и особенно прочтение его рукописи обогатили автора, но и не позволили широко использовать этот материал. Петр Александрович сказал, что хочет завершить работу. Осталась рукопись, в 1991 году она частично опубликована. Теперь я могу на нее сослаться.

Выпускать такую книгу, которую назвал «Голос Ленинграда», в застойное время (1975, 1980) было трудно. Издательство требовало больше рассказывать о партийном руко-

водстве Радиокomiteетом, сетовало на слишком подробные главы о вещании художественном: «Что же вы ставите телегу впереди лошади?» Сейчас рукопись очищена от подобного вмешательства.

Некоторые материалы исчезли безвозвратно, другие, может быть, найдутся. Каждый отклик участников и свидетелей тех событий драгоценен. При подготовке настоящего издания автор стремился учесть советы, высказанные в рецензиях и читательских письмах, а также использовал новые материалы.

У автора работ такого рода всегда есть соавторы – те, кто своими воспоминаниями помог сохранить для будущего еще одну главу блокадной летописи. Без них этой книги попросту не было бы. Поэтому снова называю имена людей (почти все уже ушли из жизни), рассказавших о ленинградском радио военной поры. Я глубоко признателен за оказанную помощь В. Азарову, О. Берггольц, А. Булгаковой, А. Васильевой, Т. Воробьевой, Ф. Гоухберг, В. Гурвичу, А. Ден, З. Островской, С. Клебановой, Ю. Лазаку, З. Лифшицу, Л. Маграчеву, К. Меркульевой, М. Меланеду, П. Палладину, А. Пази, М. Петровой, Е. Прудниковой, Н. Рогову (Беляеву), А. Розену, Д. Славентантору, В. Смирновой, Л. Спектор, С. Тюльпанову, Ф. Фуксу, Н. Ходзе, Н. Чернявской, Н. Шумилону, А. Янкевскому, В. Ярмагаеву, а также сотрудникам Ленинградского государственного архива литературы и искусства (ЛГА-ЛИ), архива Музея истории Ленинграда, предоставившим

возможность изучить передачи ленинградского радио 1941–1945 годов, ученикам 235-й школы Ленинграда, создавшим музей «А музы не молчали», откуда взята часть приведенного в книге иллюстративного материала.

Особенно благодарен В. Ходоренко, Г. Макогоненко и Н. Свиридову, сделавшим ценные замечания, которые учтены в процессе работы; их отзывы помогли прохождению рукописи.

1975, 1980, 2005, 2011, 2015

ЛЕТО 1941-го...

Говорит Ленинград. Война началась.

Слушайте «Радиоохронику». «Соленые» частушки.

Выступления тети Даши. Грозная опасность.

Давнишняя радиопрограмма июня сорок первого года, пожелтевшая от времени, переносит нас в мирную эпоху – страна работала, отдыхала, строила планы на будущее. В праздничные и выходные дни радиорупоры включались в Ленинграде на площадях, в садах и парках. Радио приглашало поехать на Кировские острова, в Петергоф. В то «бестранзисторное» время пригородные поезда и автобусы, сады и пляжи казались спокойнее, чем теперь, но все-таки и в парке культуры до ленинградца, уехавшего с утра из дому, могли бы донестись слова испанской красавицы: «Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей...»

22 июня в полдень по ленинградскому радио должна была передаваться опера Бизе «Кармен». В то воскресное утро график передач был безнадежно опрокинут.

В 5 часов на радио вызвали главного диктора М. Меланеда, ему вручили обращение штаба МПВО к населению города, в котором содержались правила поведения во время воздушной тревоги. В 6 часов диктор начал чтение. Когда он закончил, раздались многочисленные звонки: просили объяснить, чем вызвана передача. Этого на радио не знали. В 9 ча-

сов 45 минут поступило распоряжение транслировать Москву. По всем радиостанциям страны звучала музыка. Полчаса. Час. Два часа сплошной музыки. Это было необычно, необъяснимо. А пока передавали марши, в Радиокomiteт срочно собирались редакторы, дикторы, артисты. Комсомольцы Радиокomiteта планировали экскурсию в Русский музей. Но ее отменили. И многое другое было отменено в то памятное воскресное утро. Передача, которая прошла в полдень, известила о новой главе нашей истории, военной главе. Тысячи, десятки тысяч людей застыли у репродукторов. Ленинград, страна, мир слышали горькие слова.

Мы знаем о внезапности вражеского удара. Тем неожиданной оказались прозвучавшие сразу же за речью В. Молотова стихи: «Наши пушки вновь заговорили. Враг напал. Мы выступили в бой». В течение дня эти строки Юрия Инге, поэта-балтийца, повторялись несколько раз. Между маршами, последними известиями и первыми гневными откликами на вероломное нападение. Казалось, стихи даже не написаны, а родились сразу, сейчас, у микрофона. Однако в тот день Инге не было в Ленинграде, он уехал в начале июня в Таллин, к месту службы, а за несколько недель до отъезда написал свою поэму-плакат «Война – началась»³. Поэт писал ее по просьбе работников ленинградского радио, ощущавших напряженность международной обстановки, реальную угрозу войны.

---

³ См.: Литературное наследство. М., 1966. Т. 78. Кн. 2. С. 598–602.

Один стихотворный плакат подготовить заблаговременно удалось. Но сразу перестроить работу редакций было невозможно. Все теперь пришлось делать иначе. То, что вчера казалось важным и значительным, ушло из передач надолго – до мирных дней. Не только программы менялись, менялся весь стиль радиопередач. Их диктовали события. Непременными материалами первых газетных полос стали фронтовые сводки – утренние и вечерние. В течение дня именно с них начинались многие передачи радио: «Слушайте последние известия. Передаем сообщение Советского информбюро». С тревогой, надеждой, болью слушали эти сводки. Гремела маршевая музыка, звучали призывные слова, звавшие на борьбу. «Радио было в те летние дни своеобразным штабом нашей бодрости и несгибаемости, – вспоминает артистка Радиокомитета М. Г. Петрова. – Дни проходили в каком-то высоком накале, достигавшем предела человеческой выдержки. Так было в июне, июле, августе».⁴ В летних передачах отразились известные иллюзии начала войны, искреннее убеждение, что враг будет разбит в ближайшее время. Это сказалоь и в работе центрального вещания, с которым в июне – августе 1941 года Ленинград был, как и прежде, тесно связан. Лишь после тяжких потерь лета стало очевидно: впереди долгий военный путь. По-иному зазвучали стихи и очерки, информация и репортаж – тверже, суровей. Они помогали реально оценить обстановку.

---

⁴ Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 264.

Все шире становилась аудитория радио. Его теперь не выключали, и можно было очередной выпуск «Последних известий» услышать повсюду – в парикмахерской, на трамвайной остановке. В своем дневнике Вера Инбер вспоминала, что знакомые слышали ее первое в Ленинграде выступление по радио, находясь в булочной. Ольга Берггольц написала в поэме «Твой путь»: «А тот, который с августа запомнил сквозь рупора звучащий голос мой, зачем-то вдруг нашел меня и поднял...» Радио стало вестником беды и надежды. Вопрос: что сказали по радио? – касался новостей в общежитийском смысле слова, он затрагивал каждого. Все больше людей подходило к микрофону: рабочие, ученые, бойцы, домохозяйки. Выступавшие говорили о готовности к борьбе с фашизмом, рассказывали о своем личном участии в этой борьбе.

С самого начала войны все средства массовой информации были подчинены общим задачам. 30 июня областной и городской комитеты партии создали для руководства текущей агитационно-пропагандистской работой специальную комиссию. В нее вошли секретарь горкома ВКП(б) Н. Д. Шумилов, секретарь обкома К. И. Домокурова и редактор «Ленинградской правды» П. В. Золотухин. Около двух месяцев К. И. Домокурова одновременно возглавляла Радиокomitee⁵.

---

⁵ В начале войны председателем Радиокomitee был Я. Нусимович, заместителем – В. Ходоренко. С июня 1941 года, после ухода Я. Нусимовича в армию, Радиокomitee руководила К. Домокурова. С конца августа 1941 до мая 1942 года исполняющим обязанности председателя являлся В. Ходоренко, при этом

Решения партийных органов немедленно находили отклик в печати и на радио. Сразу после создания Института политорганизаторов жилых домов (22 июля), после решения привести в полную боевую готовность все средства противовоздушной обороны (30 июля) соответствующие материалы появились в газетах, а представители МПВО и политорганизаторы выступили по радио. В июне горком партии утвердил писательскую группу при Радиокомитете, придав, таким образом, участию писателей в работе радио организационные формы: состав группы менялся, но для многих это стало главным делом военной поры.

Газеты, радио с начала войны – трибуна писателя. Раньше писатель мог уйти в творческий отпуск, неделями обдумывать новые замыслы. Теперь нельзя было молчать – бойцы ждали, что он скажет, как поддержит сегодня. Газетчиками, публицистами становились поэты, романисты, литературоведы. «Редакции газет, – заметил Илья Эренбург, – во время войны все чаще стали обращаться к писателю... Газеты отводят место не только статьям, памфлетам, призывам писателей, но даже стихам, рассказам, повестям, драмам. Это значит, что писатель может сказать то, чего не могут сказать другие. Это значит, что писатель умеет говорить так, как не умеют говорить другие».⁶

он не имел заместителя по вещанию. В мае 1942 года председателем стал И. Широков, а В. Ходоренко его заместителем.

⁶ Новый мир. 1943. № 9. С. 112.

Писатель мог сказать так, как никто иной. Писатель хотел, чтобы его слово сражалось. Вот в каких условиях в последние июньские дни в хорошо знакомый ленинградцам дом на улице Пролеткульта⁷ стали приходить даже те литераторы, которых раньше здесь видели нечасто. В архиве ленинградского радио сохранился список писателей, поэтов и журналистов – корреспондентов Радиокomiteта в период блокады. В этом списке шестьдесят семь имен, не считая штатных сотрудников. Среди них погибшие в дни войны Ю. Инге, А. Лебедев, Г. Суворов, О. Цехновицер. За время войны Ленинград пережил несколько этапов борьбы. Каждый месяц и день были неповторимы. Ленинградец, переживший всю блокаду – с сентября 1941 до января 1944 года, – мог сравнить разные периоды своей военной жизни. И, сравнивая их, он видел первое лето войны относительно спокойным: еще не бомбили и не обстреливали, еще не голодали, еще шли поезда через Мгу. Но аэростаты заграждения, затемненные окна домов, воздушные тревоги и пронзительно-горькие сводки напоминали: враг близко, он рвется к центру страны, он угрожает Ленинграду. Об этом же изо дня в день говорило ленинградское радио.

В архиве сохранились многие тексты передач 1941–1945 годов, в некоторых фонотеках есть записи отдельных выступлений – малая часть того, что тогда звучало. Остальное можно лишь прочесть. Читая эти передачи сейчас, нужно

---

⁷ Ныне – Малая Садовая улица.

представить, как они звучали тогда, их неповторимую интонацию. Рукописи сохранились случайно. Их не сразу сдали в архив, они лежали в кабинете председателя Радиокomiteта в то время, когда шло «ленинградское дело» и уничтожалось все, что было связано с репрессированными руководителями блокадного города (А. Кузнецов, П. Попков и др.).

С первых дней войны к согражданам по радио обращались видные представители ленинградской интеллигенции. 22 июня – академик А. Байков, 23-го – скульптор М. Манизер (в тот же день передавались стихи А. Прокофьева «Поход» и заметка писателя В. Ставского «Кронштадт на страже»), 25-го – академик И. Орбели. 24 июня артист Н. Черкасов, исполнитель роли Александра Невского в одноименном фильме, говорил: «Бесславные потомки немецких псоврыцарей забыли урок на льду Чудского озера. Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет земля Русская, земля Советская». 26 июня перед завершением вечерних передач радиодиктор впервые вместо обычного пожелания доброй ночи произнес: «Товарищи радиослушатели! В городе военное положение. Помните об угрозе воздушного нападения, не выключайте репродукторы. По радио передаются сообщения штаба противовоздушной обороны. Не выключайте репродукторы!» На следующий день предупреждение повторили. Но привычкой для горожан это стало не сразу. Лишь к осени, когда сообщения радио стали буквально жизненно важными, репродукторы оставались

включенными повсеместно⁸. В первую военную неделю в литературном отделе радио возник замысел особой ежедневной радиопередачи – «Радиохроника», которая выпускалась прежде всего писательскими силами. В отличие от довоенных литературных передач, она должна была стать не хроникой писательской жизни, а радиолетописью военных дней. Но все же, когда Я. Бабушкин, В. Гурвич, В. Волженин работали над первым номером, они и подумать не могли, что вместе с О. Берггольц, Г. Макогоненко, А. Половниковым уже в октябре будут отмечать выпуск сотого номера «Радиохроники» и, главное, в каких условиях отмечать. И конечно же, нельзя было предположить, что выйдут в свет и двухсотый, и трехсотый номера, что около пятисот раз, вплоть до лета 1943 года, ленинградцы будут слушать передачу, которая впервые 1 июля 1941-го начиналась словами: «Товарищи радиослушатели! С сегодняшнего дня мы начинаем ежедневно выпускать передачи, которые мы назвали „Радиохроника“. В выпуски нашей „Радиохроники“ будут входить статьи, рассказы, песни, стихотворения, фельетоны. Нужно бить заклятого врага не только оружием Красной армии, но и словом, бить словом так, чтобы вся мерзость, вся подлость и все коварство фашизма были беспощадно обнажены».

---

⁸ По свидетельству А. Крона, «самым страшным днем за историю блокады был тот, когда по техническим причинам радио целых три часа безмолствовало, не стучал даже метроном». С этим не соглашались некоторые работники радио (Н. Свиридов, П. Палладин), полагая, что речь идет об обрывах в сети, когда радио не могли слышать целые городские районы, но полного «безмолвия» не было.

«Радиохроника» по своему содержанию приближалась к общественно-политическому и художественному журналу, по оперативности – к газете. В специальном разделе передавалась последняя информация с фронта, новости культурной жизни, звучали голоса защитников города. Писатели сами читали только что написанные очерки и стихи, к микрофону подходили актеры – они знакомили ленинградских слушателей с лучшими статьями советских публицистов. Мужественные, призывные, гневные статьи Ильи Эренбурга и Алексея Толстого гремели над ленинградскими улицами. «Хроника» стала делом не одной литературно-драматической редакции – всего коллектива радио. Ведь ее материалы принадлежали и корреспондентам политвещания, они давали повседневную информацию. Музыкальное сопровождение, музыкальные заставки готовила редакция музыкальная. Позже, с осени, в «Радиохронику» стали включать репортажи, придавшие передаче динамичность, документальность. Разумеется, не все номера этого журнала одинаково удались. В первое лето «Хроника» лишь складывалась, да и слушали тогда радио эпизодически. У людей было множество других забот. Не пропускали сводки с фронтов, в которых, впрочем, о событиях говорилось в самом общем виде. Когда в июле появилось «Псковское направление», я гадал: где немцы? Оказалось, они на полпути к Луге... Почти пятьсот номеров были ежедневным журналистским, писательским и редакторским подвигом. Лишь в от-

дельные дни декабря 1941 – января 1942 года случались перебои в выпуске «Радиоохроники». Практически все ленинградские писатели и ведущие журналисты приняли участие в выпусках «Радиоохроники». При этом роль писателя на радио стала иной, чем до войны. Редакторы договаривались с литераторами о конкретных темах, жанрах, они практически давали заказ на то или иное произведение. В каждом случае учитывалась специфика радио, ограниченность времени звучания. Авторы стремились к законченности каждой сценки и эпизода, потому что многие могли услышать лишь часть передачи. «Радиоохроника» выходила вечером, в одни и те же часы, как бы подводя итоги прожитого нелегкого дня. На открытие ставили очерк или фельетон, иногда статью. Завершали «Хронику» чаще всего сатирические материалы.

Это была не обычная передача, не очередной литмонтаж. И хотя общий удачный замысел не всегда получал такое же конкретное воплощение, постепенно художественное своеобразие и политическая острота сделали радиожурнал неотъемлемой частью быта военного города.

Разговор о сегодняшнем становился жизненной необходимостью. Не было ни одного сообщения, заметки – какая бы редакция их ни готовила, – в которых не звучала бы тема войны, всенародной борьбы с врагом. Все было подчинено этому, все жанры – и рассказ, и статья.

Программы оценивались с одной точки зрения: «Что они дают фронту, как помогают воодушевить людей». Работники

радио ощущали себя прежде всего пропагандистами. В своей записке в Союз писателей руководитель литературно-драматического отдела радио Я. Бабушкин, имея в виду «Радио-хронику», отмечал: «Характер работы здесь ближе всего к газете: острая злободневность, сжатость, высокая оперативность, быстрый отклик на события». В этой же записке, относящейся к концу осени 1941 года, говорилось: «Литературными материалами радиовещания широко пользовались и пользуются: 1) оборонный сектор СП, 2) агитбригады ДКА, 3) агитбригады театра КБФ и центр[ального] ансамбля ВМФ, 4) театр ЛАНО, 5) издательство „Искусство” (выпустило несколько сборников), 6) газеты и литер[атурные] журналы (значительная часть после радио опубликована там)... В итоге материалами радио охватывается аудитория во много сотен тысяч человек»⁹.

Работа отдельных редакций Радиокomiteта всегда связана между собой. Передачи дня, недели планируются в зависимости друг от друга. В военную пору общие задачи еще более подчеркнули это обстоятельство. Летом 1941 года больше всего литературных материалов содержала «Радио-хроника», но литературно-драматический отдел широко пользовался помощью других редакций. В то же время писатели выступали и на политвещании, и в детском радиожурнале «Юный патриот» (только в июле – августе вышло двадцать его номеров).

---

⁹ Архив Музея истории Ленинграда. Д. 480.

Как стало ясно значительно позже, замысел «Радиоохроники» был поистине счастливым. Он учитывал возможности радио и вместе с тем позволял при сравнительно небольших актерских силах и музыкальном сопровождении делать разнообразную по форме передачу. Все это оказалось бесценным в блокадную зиму. Какие-нибудь сорок минут вещания вбирали в себя поэзию и публицистику, драматическую сценку и сатиру. А пока, у своих истоков, «Радиоохроника» завоевывала слушателей, становилась другом и спутником ленинградцев. Первый номер «Радиоохроники» открывался статьей писателя Михаила Козакова, затем передавались записки Ивана Кратта и выступление поэта Елены Рывиной «Вставляйте, советские люди!...». Зарисовки И. Кратта «На площади», «Улица» рассказывали о сплоченности, человеческом взаимопонимании. Они были написаны с внутренней сдержанностью. И. Кратт рассказывал о ночной работе, скорее даже утренней, потому что июньская ночь в Ленинграде коротка. Хронику заключали памфлеты И. Меттера и стихотворный фельетон В. Волженина «Цари». Хлестко писал поэт о претендентах на «русский престол», об их жалкой судьбе, о том, что они готовы были въехать в Москву с немецкими обозами. Материалы шли один за другим. Без объявления включалась песня «Грудью встань за Советскую землю». Стихотворный лозунг был мостиком от слов диктора к следующей за ним сатирической сценке. Номер третий вышел 3 июля, он начинался с отклика-передовой на извест-

ное выступление И. Сталина. Этой речи посвящались стихи, затем шли очерк О. Берггольц «Комендант» и новая «Песня Максима» (позднее тексты писались и на другие известные мотивы: например, 26 июля был передан военный вариант песенки Кости «Тучи над городом встали», а несколько раньше вариант «Гибели „Варяга“»). Поэты А. Гитович и В. Лифшиц сделали героя фильма «Выборгская сторона» нашим современником, который не только вспоминает о прошлом, но верит в скорую победу над фашизмом. Текст «Песни Максима» дает известное представление и о характере материалов «Хроники», и о настроении первых военных дней:

Десять винтовок на весь батальон,
В каждой винтовке – последний патрон.
В рваных шинелях, дырявых лаптях
Били мы немцев на разных путях.
Всю Украину он грабил и жег,
Так что за нами остался должок.
Час подошел, наступила война,
Время, друзья, расплатиться сполна.
Вот эта улица, вот этот дом
В городе нашем, навеки родном.
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не войти.
Пушки и танки фашистов громят;
Летчики наши на запад летят.
Черного Гитлера подлая власть
Крутится, вертится, хочет упасть.

Едва замолкла музыка, диктор произнес: «„Улицей этой врагу не пройти“, – поет Максим. „В дом этот светлый врагу не войти“, – поет Максим. Об одной такой улице, об одном таком доме – ленинградском доме – сейчас мы расскажем вам». Затем передавался очерк «Комендант». Именно после исполнения по радио эта незатейливая песня стала широко известна, она входила в репертуар фронтовых агитбригад, дала толчок к созданию новых импровизаций на знакомые темы.

В июле и августе Ленинград еще не был отрезан от страны. Передачи из Москвы, как и в мирные дни, транслировались ежедневно по городской сети. Вовремя приходили центральные газеты, работал междугородный телефон. Но ритм военной жизни сказывался уже на всем. Рабочий день становился длинней, тысячи жителей уехали на оборонные работы в сторону Луги и Гатчины. Шли на восток эшелоны эвакуированных. Десятки тысяч ленинградцев сражались в рядах армии и народного ополчения. В этих условиях мало кто мог прослушать целую передачу до конца. Одно несомненно – в Ленинграде, как и во всей стране, не пропускали тогда сводок Информбюро.

В этом смысле роль радио была здесь такой же, как и в других городах страны. «Радиохроника» стала одной из многих передач, и слушатели не сразу выделили ее среди других, но постепенно она все более отражала потребность времени,

в ней проявились важные черты военного радио, которое в дальнейшем сыграло в Ленинграде роль совершенно особую. «Радиохроника» привлекала не только отдельными, пусть и удачными материалами, но прежде всего единством замысла, законченностью целого. Случалось, что в ходе передачи совсем не называли авторов и лишь в самом конце объявлялись ее участники. Некоторые номера «Хроники» носили характер тематический.

Так, передача от 16 июля (Радиохроника. № 14) начиналась словами: «Слушай нас, Краснознаменный Балтийский флот» и морским сигналом: «Внимание!» После указа о награждении моряков Балтики читались письма краснофлотцам. Затем шла сатирическая сценка – разговор рыб на морском дне. Специальный выпуск для Балтфлота передавался и в августе. Среди его авторов – Николай Чуковский, Юрий Инге, Евгений Шварц, Борис Лавренев, Леонид Соболев. Письма на этот раз были обращены к защитникам полуострова Ханко. В «Словаре для фашистских мореплавателей» высмеивались «успехи» немецкого флота. Такие номера собрать из имеющихся материалов было нельзя, приходилось каждый готовить специально. Казалось, строгие временные рамки, оперативность, а порой спешка заставят авторов «Хроники» повторяться, ограничат их жанровые возможности. Между тем эти передачи поражают именно разнообразием жанров. Рядом со стихами, частушками, песнями здесь был очерк, статья или рассказ. Иногда очерк был

написан в стихотворной форме. В номере девятом, вслед за сообщением о подвиге летчика Гастелло, прозвучала поэма Анатолия Мариенгофа «Капитан Гастелло», едва ли не первый поэтический отклик на подвиг героя. Это была газетная оперативность.

Но говорить с Ленинградом нужно было каждый день. И здесь очерк, в том числе стихотворный, был явлением весьма примечательным. «Рабочий Сигачев», «Боец Исмаилов», «Капитан Гастелло», «Батарея младшего лейтенанта Чаплина», «Сеня», «Александр Самохин» – эти стихотворные очерки А. Мариенгофа¹⁰ не стали значительными художественными явлениями. Но потребность в такого рода конкретных, адресных вещах ощущалась. Подвигу нужна была гласность.

Люди слышали в стихах имена героев. А. Мариенгоф писал о машинисте, который, рискуя жизнью, обжигаясь, лез в еще не остывшую до конца паровозную топку, чтобы скорее отремонтировать паровоз и отправить состав к фронту, писал о первых летчиках – героях ленинградского неба, о пленном разведчике, не выдавшем врагу важных сведений.

Николай Тихонов написал «Балладу о лейтенанте танкисте Юхниче» (Радиохроника. № 7), Александр Прокофьев – «Балладу о красноармейце Демине» (Радиохроника.

---

¹⁰ А. Мариенгоф, М. Слонимский, Б. Лавренев, Л. Соболев и некоторые другие участники летних передач вскоре уехали из Ленинграда. Основная тяжесть литературной работы в Радиокомитете легла на плечи оставшихся.

№ 25), Борис Лавренев – о летчике Трубицыне (Радиоохроника. № 53).

Очерковый характер имели и немногочисленные рассказы, написанные в то время и передававшиеся по ленинградскому радио, в частности рассказы В. Каверина «Из дневника», «Трое», а также рассказ И. Кратта «Партизаны». Авторов прежде всего интересовала сама ситуация, описание подвига, а не характеры людей. Несколько иначе обстояло дело в рассказе В. Каверина «Прощальный салют» – истории подвига и гибели молодых бойцов. Раскрывая мысли одного из героев, автор стремился обрисовать его внутренний мир, рассказать о недавнем прошлом. Большинство рассказов остро публицистичны, мысли авторов выражены прямо. В лексике, композиции, в определенности конечного вывода проявлялась пропагандистская направленность всех видов искусства. «Мы» и «они», «свет» и «тьма», «жизнь» и «смерть» – не боясь повторений, не избегая лозунга, писатели говорили о самом главном.

И если верно, что все искусство в первые недели войны стало пропагандистским, публицистическим, то это прежде всего коснулось песни.

Уже в самом начале июля ленинградское радио неоднократно передавало «Священную войну» А. Александрова на слова В. Лебедева-Кумача, песню, написанную в первые же дни войны. В июле и августе, кроме ежедневно звучавших записей классической музыки, не проходило дня без песни

зовущей, призывной, боевой. Это были «Марш Народного ополчения», «Песня о часовом», «Песня о трех маршалах». И в «Радиохрониках», и в других передачах дня повторялись песни уже известные и написанные только что. Трудно назвать поэта, не писавшего тогда текстов на музыку молодых композиторов Н. Леви, В. Соловьева-Седого, В. Сорокина.

Выполняя заказ редакции, авторы песен стремились оперативно сделать свою работу. Но именно такие песни, как «Играй, мой баян» (музыка В. Соловьева-Седого), написанные для одной радиопередачи, становились популярными в народе. Песни первого военного лета говорили о сегодняшнем подвиге и подвиге отцов. Через много лет, в конце шестидесятых годов, вновь прозвучали песни, может быть, навеянные теми, давними. Например, «Комсомольской военной», которую написали В. Соловьев-Седой и поэт Никита Верховский:

Было грозное время, иные года,
Штормовая стояла погода,
И на фронт бить врага
Уходили тогда
Комсомольцы двадцатого года.

И пусть многие из этих песен прозвучали лишь по несколько раз, они оставили свой след в сердцах ленинградцев, уходивших в те дни в армию народного ополчения. А рядом с песнями, рожденными в Ленинграде, звучали через ра-

диорупоры и «Священная война», и «Песня смелых» на слова А. Суркова. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» – это слышали тогда и москвичи, и ленинградцы, и Киев, и Севастополь. Песня стала призывом и клятвой.

В то первое трудное лето нужен был не только голос бодрости, но и голос ненависти, презрения к врагу. Это чувство рождали частушки, песни, сценки, многие из которых впервые передало тогда ленинградское радио. И тут его работники выступили умелыми организаторами. Они, пожалуй, быстрее газетчиков поняли, как нужно людям острое слово именно в дни испытаний, и предложили темы сатирических произведений не только А. Флиту, Б. Тимофееву, В. Иванову, но и писателям, для которых сатира была новым жанром. Такая пришла пора, когда требовалось уметь делать все или почти все. Сатирические стихи, песни на знакомые мотивы писали практически все авторы «Радиохроники» – Елена Рывина («Все хорошо, клянусь тебе, мой фюрер...»), Владимир Волженин, Николай Тихонов и, наконец, Борис Лавренев, предложивший «Соленые частушки» для второго специального выпуска «Радиохроники», адресованного Балтфлоту: «Навостри, браточек, ушки! Струны, сыпьте серебром! Мы соленые частушки вам сегодня пропоем». Такие грубоватые, «соленые» частушки нередко звучали в те дни по радио. С захватчиком, жаждущим русского хлеба и сала, можно было говорить только одним языком: «Всем как есть отпустим вам отбивные по задам». Так оно и бы-

ло, захватчик получал угощение на нашей земле «со штыком стальным вприкуску, с меткой бомбой на закуску» (О. Берггольц).

Широко проявилось жанровое многообразие сатиры на радио. Басни и фельетоны, частушки и сценки передавались ежедневно. Изо дня в день писал их поэт В. Волженин. «Героями» его произведений становились брехуны из департамента Геббельса и союзники Гитлера («Волчья скромность», «Несгораемая корова», «История „непобедимых“ тевтонов», «Пейзаж»). На эти же темы писали Б. Тимофеев («На севере диком», «Четыре генерала»), В. Иванов («Румынские мальбруки», «Подарок итальянскому королю», «Румынский галоп»), В. Зуккау-Невский («Напрасная щедрость»). До середины сентября, почти до того дня, пока не был вывезен из Ленинграда, писал сатирические сценки для радио М. Зощенко («Скандал в благородном семействе, или Двuruшник Муссолини»).

Самыми значительными сатирическими произведениями ленинградского радио лета и осени 1941 года стали сказки и сценки Евгения Шварца. Каждый приход на радио этого большого художника становился событием не только потому, что в очередном номере «Радиоэроники» появлялись его новые вещи. Вокруг Е. Шварца всегда была обстановка творчества, доброжелательства. Включение в «Радиоэронику» таких сказок драматурга, как «Сон министра», «Дипломатическая конференция», «Союзники», заставляло тре-

бовательней отнестись и к другим материалам «Хроники». Хлестко и остроумно были написаны «Похождения фашистского черта» – история о том, как фашисты заключили договор с чертом по имени Фриц («самый хитрый черт»), который, вернувшись с Восточного фронта, отказался от договора. В сказке «Сон министра» говорилось о мечтах высокопоставленного расиста вывести породистых германцев на специальных заводах. В «разговоре» спящего министра со старой ганноверской лошадию высказана важная для всего творчества Е. Шварца мысль о неизбежной победе добра над злом, о конечном торжестве человечности. «„Что ты этим хочешь сказать?“ – спросил министр шепотом. „Кони – это кони, а люди – это люди, – ответила старая мудрая ганноверская лошадь. – И как ты ни старайся – время не повернет обратно и человек не станет зверем“»¹¹.

Конечно, далеко не все фельетоны, стихи и басни той поры пережили свое время. Лишь малая часть их была напечатана. Но, прозвучав, они становились оружием, помогали бороться с упадническими настроениями, вселяли в людей уверенность. Без боев июля и августа, без окопов, вырытых рабочими, студентами, домохозяйками, без армии народного ополчения трудно представить себе военный перелом сентября, когда враг, взявший город в осадное кольцо, был вы-

---

¹¹ Эти материалы (со стр. 22–23) «некорректно» использованы в книге «Позывные памяти» (СПб., 2009), созданной коллективом авторов из СПбГУ (см. «Вопросы литературы», 2011, № 1–2. С. 450–451).

нужден остановиться у его стен. Без пятидесяти трех номеров «Радиоэтики», без этих очерков, стихов, басен, репортажей нельзя понять дальнейшей роли радио уже осажденного города. Именно в летние месяцы начал мужать, набирать силу талант Ольги Берггольц. Сперва была просто работа, очень много работы.

Стихи были частью той работы О. Берггольц на радио, которая привела ее к высокому искусству. Перелом в ее творчестве начался уже в августе. Июль – август – время поисков, оно отразило некоторые особенности литературы первого военного лета в целом. В выступлениях «тети Даши», стихотворных агитках О. Берггольц, никак не узнать той «Дарьи Власьевны, соседки по квартире», которой посвящены стихи блокадной осени. Сначала был плакатный образ русской женщины, потом поэтесса обращалась ко много перенесшей соратнице по борьбе.

Стихи выполняли свою агитационную роль, но, конечно, как и многие материалы ленинградского радио и печати, не отражали сложности нашего военного положения. Это в июле – августе объяснялось объективными причинами. В официальных сообщениях не говорилось о прорыве наших позиций под Лугой, о том, насколько враг близок к Ленинграду. 21 августа Военный совет фронта обратился к ленинградцам: «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск». «Нависла непосредственная угроза...» «Навис-

ла угроза...» Слова обращения звучали теперь по радио каждый день. Они определяли тональность всех передач радио. Лишь с этого времени стал возможен открытый разговор о смертельной опасности, непосредственно угрожающей Ленинграду. Чем яснее становился масштаб событий и надвигающейся беды, тем глубже были передачи, которые вело ленинградское радио.

Ежедневно шли по городской сети и в эфир материалы вещания политического: по несколько раз передавались последние известия, регулярно – программы для молодежи. Каждый выпуск молодежной программы содержал материалы о лучших производственниках, молодых воинах, бойцах МПВО. Выпуск заканчивался напоминанием, что на исходе такой-то день Великой Отечественной войны. В молодежные передачи включались стихи-лозунги, стихи-призывы С. Спасского, В. Волженина, В. Зуккау-Невского:

Смертный бой не нами начат.
Лучше голову сложить!
Покориться – это значит
На коленях стоя жить.

Именно в августе О. Берггольц стала читать стихи, ознаменовавшие начало нового этапа в ее творчестве:

Вставал рассвет балтийский, ясный,
Когда воззвали рупора!

Над нами грозная опасность,
Бери оружие, Ленинград!

30 августа в пятьдесят третьем выпуске «Радиоэроники», на другой день после того, как враг перерезал последнюю дорогу, связывающую Ленинград со страной, Берггольц взволнованно говорила: «Ленинградец, сегодня семидесятый день Великой Отечественной войны. Стрелки часов движутся к десяти, в городе уже почти темно, все стремительнее бегут последние трамваи, и ты, ленинградец, ускоряешь шаги, торопясь к дому. Улицы пустеют и замирают, военная ночь вступает в свои права... Помнишь ли ты, ленинградец, что ты на фронте, что ты воин. Ты воин, ленинградец, где бы ты ни был – в цехе, в конторе или в своей квартире, – потому что ты в Ленинграде... Так спроси же себя, ленинградец, что сделал ты для фронта сегодня, спроси для того, чтобы завтра сделать еще больше...» Форма прямого разговора – вот тот ключ, который обрело ленинградское радио. Это был ключ к сердцам горожан. Но никто из них в первое военное лето не мог представить себе судьбы города и того, чем станет радио для Ленинграда.

СЛУШАЙ, РОДНАЯ СТРАНА!

Враг у ворот! «Будем защищать нашу музыку».

Граждане Лондона слышали. Когда решалась судьба.

Вместе с Москвой.

Город вступал в новый этап борьбы, все менялось на глазах, менялись и условия, в которых жил и работал коллектив ленинградского радио. О блокадном Ленинграде, особенно первой зиме, написано много. И во всех книгах, во всех документальных свидетельствах подчеркивается, что в девяностодневной осаде города была пора особенно трудная, когда жизнь в Ленинграде едва теплилась. Не сразу, не за один день стал город таким, каким он запечатлен на гравюрах и рисунках А. Остроумовой-Лебедевой, рисунках Я. Николаева, каким донесли его до нас кадры кинохроники, воспоминания, стихи, – пустынным, умирающим городом.

Война пришла в Ленинград в сентябре, вместе с осенью, хотя, казалось, еще продолжают летние дни: зеленела трава, солнце редко скрывалось за тучами. 4 сентября к уже привычным сигналам воздушной тревоги прибавились сообщения об артиллерийских обстрелах. 6 сентября на город упали первые бомбы. Массированный воздушный налет 8 сентября привел к большим разрушениям, а зловещий дым горевших Бадаевских складов стал серьезным сигналом надвигающегося голода: были снижены продовольственные

нормы. В сентябре началась блокада, в эти же сентябрьские дни враг стремился взять Ленинград штурмом. Бомбежки и обстрелы несли разрушения, еще больше действовали они на человеческую психику.

Из-под развалин домов вытаскивали убитых и раненых. В город шли и шли беженцы – теперь уже из Пушкина, Петергофа, Стрельны. Немцы считали, что судьба Ленинграда решена. Тут надо бы учесть состояние многих советских людей, переживших шок и от предвоенных репрессий, и от первых поражений в войне. Рухнули мифы официальной пропаганды о нашей силе, могуществе, о том, что «врагу никогда не гулять по республикам нашим».

Первые обстрелы заставили ленинградцев о многом задуматься. 12 сентября, написав «хорошее стихотворение», Ольга Берггольц далее заносит в свой дневник: «Кругом позор... позор в общем и в частности. На рабочих окраинах некуда прятаться от бомб, некуда. Это называлось „мы готовы к войне“»¹². 15 сентября город непрерывно, в течение 18 часов 32 минут, находился под огнем вражеской артиллерии. 19 сентября шесть раз объявлялась воздушная тревога. Немецкие самолеты сбросили около двух тысяч фугасных и зажигательных бомб. 23 сентября сигналы воздушной тревоги подавались одиннадцать раз. Выли сирены, сотрясались от взрывов дома. В переполненных бомбоубежищах плакали

---

¹² Ольга Берггольц. «Встреча». М., 2000. С. 322. Эти настроения сочетались у поэтессы со столь же искренней революционностью, верностью «идее».

дети... Но по-прежнему ленинградцы шли на работу, вставали на посты МПВО.

На заводах и фабриках работали для фронта по двенадцать часов в смену. Продолжалось движение транспорта. Вечером в тщательно замаскированных квартирах зажигался свет. Немцы знали о пожарах, разрушениях, жертвах. Они знали и о том, что паники в городе нет. В этих условиях перед ленинградским радио вставали задачи необычайной сложности. Когда тревоги продолжались по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, времени на вещание оставалось немного, в это время передач не было. Программы переносились с одного часа на другой или не доводились до конца. «Радиохроника» теперь нередко вместо вечерних шла в утренние часы.

И вот именно в эти сентябрьские дни работники радио, и прежде всего политического и литературного вещания, подготовили передачи, имевшие огромный резонанс в Ленинграде и далеко за его пределами. В конце августа – начале сентября немцы обстреляли и вывели из строя длинноволновую радиостанцию «РВ-53», оказавшуюся у линии фронта. Часть оборудования станции под обстрелом, буквально на глазах противника, удалось демонтировать и вывезти в город. Молчание Ленинграда встревожило Москву. Центральный Комитет партии обратил внимание ленинградских руководителей на огромное военное и политическое значение, которое могло бы иметь возобновление передач Ленинграда

на страну. Эту задачу ленинградские связисты выполнили в тяжелейших условиях.

В воспоминаниях начальника радиовещательного узла (РВУ) П. Палладина рассказано о том положении, которое сложилось в начале блокады: «Основные радиовещательные станции „РВ-53“ и „Островки“ прекратили свою работу... Осталась одна „РВ-70“ с ограниченной мощностью и небольшим радиусом приема. Ее приему также мешали создаваемые врагом помехи... Встал вопрос о создании радиовещания на коротких волнах, но таких передатчиков в Ленинграде не было... Начальник „РВ-70“ А. Миронов предложил переделать имевшийся УКВ телевизионный передатчик для вещания на коротких волнах. Намеченный к реконструкции передатчик выполнял совершенно иные функции и требовал больших и сложных изменений. В короткий срок работники станции... пустили передатчик в эксплуатацию».

Теперь средневолновая «РВ-70», оснащенная коротковолновыми передатчиками (вскоре был изготовлен второй), работала непрерывно, обеспечивая выход в эфир передач, получивших название «Говорит Ленинград». К тому времени почти все нити, связывающие город со страной, были оборваны. Радио первым прорвало кольцо блокады. Передачи из Ленинграда слышала страна, их слышали и немцы. Не укрылись от них и стометровые мачты, служившие хорошим ориентиром для бомбардировщиков.

По свидетельству инженера Ф. Кушнира, станция

«РВ-70» «в один из первых ночных налетов... подверглась основательной бомбардировке. На антенное поле, на крышу бассейна, на нефтехранилище посыпались сотни зажигательных бомб. На склад вместе с зажигалками сбросили бочку с горючим, которое вызвало огромный очаг пожара»¹³. Эта бомбежка, к счастью, не повредила мачты антенн. Очаги пожара были погашены еще до прибытия пожарных команд. И вскоре вновь радиостанции Москвы приняли из Ленинграда и ретранслировали на страну: «Говорит Ленинград! Говорит город Ленина!»

7 сентября «Правда» на первой полосе как о событии первостепенной важности, под заголовком «Говорит город Ленина» поместила большое сообщение о радиопередаче из Ленинграда. Приводились тексты выступлений рабочих, бойцов, секретаря горкома партии. Рабочий Кировского завода Казаков сказал: «Я хочу, чтобы меня сейчас услышали рабочие Москвы, колхозники Дона, шахтеры Донбасса...

Я хочу, чтобы все граждане советской страны узнали, как в дни грозной опасности живут и борются рабочие Ленинграда». В конце передачи, как сообщала газета, прозвучали стихи:

Слушайте нас, советские люди!
От стариков и до малых ребят.

---

¹³ Ленинградские радисты в дни Великой Отечественной войны. Машинопись, сост. Ф. Кушнир. 1944. С. 13.

В гуле моторов, в громе орудий
Вам говорит Ленинград...

В сентябре и октябре в «Правде» шли сообщения о каждой передаче: «Вторая передача из Ленинграда», «Никогда не бывать фашистам в Ленинграде», «Строители советских танков», «Говорит крейсер „Киров“», приводились выдержки из выступлений. Благодаря «Правде» об этих передачах узнавали и те, кто сам их не слышал. Слово из Ленинграда через газету доходило до фронта. Бойцы читали выступление одного из старейших ученых, академика А. А. Байкова: «Я старый металлург, я привык думать, что нет ничего на свете крепче стали. И сегодня я убедился в своей ошибке. Да, я ошибся. Есть, оказывается, материал, который еще крепче стали. Этот благородный материал – советские люди».

Работники ленинградского радио видели в этих сообщениях «Правды» высокую оценку своей работы. 11 сентября, после третьей передачи из Ленинграда, в передовой статье «Правды» «Защитники родных городов, родной земли» говорилось об обороне Ленинграда, Киева, Одессы. Газета, процитировав выступление по радио ленинградского рабочего, писала: «Мы слышим ежедневно голоса родных городов. В них уверенность и сила». 14 сентября была организована радиоперекличка Ленинграда, Киева и Москвы. «Правда» вновь дала подробный отчет. Страна должна была знать: «В трудных условиях ленинградцы, киевляне сдерживают

врага. Они знают, что с ними вся страна, они сильны всенародной поддержкой».

Сообщения о передачах из Ленинграда печатались в дни нашего отступления. 20 и 21 сентября в сводках сообщалось об «особенно ожесточенных боях под Киевом». 22 сентября – о потере столицы Украины. В этот же день под заголовком «Строители советских танков» шла информация о вчерашней передаче из Ленинграда. В сознании читателя газеты эти не связанные друг с другом события воспринимались вместе...

Случилась большая беда. Враг топчет улицы Киева. Но держится Ленинград. И рабочие-кировцы вчера сказали: «Победить или умереть – иного выбора у нас с вами нет». Конечно, эта информация носила характер одноплановый, народ не знал о плененных под Киевом многих тысячах наших бойцов, о масштабе неудач. Нельзя было расслабляться, и такие умолчания понятны. Но то, что не выплескивалось наружу, болью отражалось во многих сердцах.

Приведу еще одну выдержку из дневника О. Берггольд. На этот раз именно в связи с потерей Киева: «Я не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, тяжелого, щемящего, смешанного с дикой жалостью к нашему правительству...» Даже будь у Берггольд возможность сказать такое вслух, она бы не сделала это в час схватки с врагом. Не говорю уже о том, что ей грозило, попади эти записи в «компетентные органы».

К концу сентября из-за сильных помех Москве передачи из Ленинграда становилось принимать все труднее. Но было настолько важно в эти горькие для страны дни, чтобы все знали: Ленинград не сдастся, ленинградцы продолжают борьбу, что регулярные передачи еще некоторое время велись. В начале октября страна слушала репортаж с Ленинградского фронта, 18 октября защитники Ленинграда обратили свое слово к москвичам. Позднее, судя по архивам Радиокомитета и заметкам в «Правде», ленинградские передачи принимались в Москве менее регулярно, нечетко прослушивалась и Москва.

В дни штурма города передачи «Говорит Ленинград» были неоценимы и для страны, которая знала – Ленинград бьется, и для города, который видел – весь народ следит за битвой у берегов Невы. Около тридцати отчетов в «Правде» за сентябрь – октябрь 1941 года убеждают в этом. Первая передача ленинградского радио на страну стала известна нашим союзникам по борьбе с фашизмом. Вечером 8 сентября в передачу «Последних известий» было включено обращение британской радиовещательной компании к гражданам Ленинграда: «Слушай, Ленинград! Говорит Лондон. Солдаты, моряки, летчики, рабочие – граждане Лондона – слышали ваш мощный голос. С реки Темзы шлем вам ответ на Неву. Лондон с вами. Каждый ваш выстрел находит отзвук в Лондоне. Лондон приветствует героизм Ленинграда... Минувшей ночью много тонн английских бомб засыпали Бер-

лин. Ленинградцы, помните! В ответ на бомбы, сброшенные на ваш город, сбрасываются бомбы на столицу неприятеля. Победа за нами! Да здравствует Ленинград!»

16 сентября, в один из самых трудных дней ленинградской обороны, Ленинград передавал на английском языке: «Слушай, Лондон! Слушайте, граждане Лондона! Говорит Ленинград! Сердечно благодарим вас, дорогие друзья, за боевой привет... Будем же с запада и востока жестоко мстить врагу за невинно пролитую кровь жителей Лондона, Ковентри, Ливерпуля, Варшавы, Москвы, Ленинграда, Киева». Составители передач «Говорит Ленинград» готовили эту программу специально. Однако при этом они использовали и уже вышедшие номера «Радиохроники», и программы для молодежи.

В то же время многие выступления писателей, ученых, деятелей культуры, после того как их услышала страна, повторялись по городской сети. 17 сентября 1941 года, раньше, чем Ленинград, страна услышала историческую речь Дмитрия Шостаковича. «Два часа назад, – сказал он, – я закончил две первые части симфонического произведения». Композитор сообщал об этом, чтобы вся страна, весь мир знал: в Ленинграде не прекращается нормальная жизнь. В своем выступлении Дмитрий Шостакович говорил о напряженной работе над Седьмой симфонией. Это было в дни продолжавшегося штурма города. По свидетельству О. Берггольц, когда композитор ехал на машине в Радиокomitee, началась воз-

душная тревога. В студии Шостакович попросил у редактора лист бумаги. Ни редактор, ни композитор не заметили в тот момент, что на обороте листа был записан план передач на тему: «Организация уличных боев в Ленинграде». Передача началась словами: «Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград!» Шостакович говорил о своем городе, о своем любимом искусстве: «Будем же защищать нашу музыку. Музыка, которая нам дорога, созданию которой мы отдаем все лучшее, что у нас есть, должна так же расти и совершенствоваться, как это было всегда... И чем лучше, чем качественнее будет наше искусство, тем больше будет у нас уверенность, что его никогда и никто не разрушит».

Шостакович видел свой долг художника в творческой работе. Но он считал общественным долгом и это выступление по радио: «Я говорю с вами из Ленинграда в то время, как у самых ворот его идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся оружейные раскаты... Я говорю с фронта».

Потом, после сентября, особенно в первую блокадную зиму, Ленинград перенес куда более трудные и длительные испытания. Но в военном отношении сентябрь 1941 года был периодом высшего напряжения. И радио стремилось донести до сознания каждого всю меру опасности, помочь не дрогнуть в сложной обстановке. Это выразилось и в выступлении Д. Шостаковича, и в стихах В. Азарова – «Никогда, ни-

когда, никогда, никогда мы не будем фашистов рабами», написанных на мотив песни времен гражданской войны, и в словах обращения Краснознаменного Балтийского флота ко всем ленинградцам: «Мы даем вам священную клятву: пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие – не бывать фашистской сволочи в городе Ленина».

Организация и осуществление передач «Говорит Ленинград» – первый крупный успех ленинградского радио военных лет. Немцы пытались радиопомехами сорвать передачи, их приходилось вести в разное время. Но по-прежнему в осенние дни сорок первого мир слышал: «Говорит Ленинград!» Разговор со страной и миром, мысль о том, что Москва, Севастополь, Лондон слышат Ленинград, укрепляли волю его защитников. И здесь работникам Радиокomiteта помог летний опыт привлечения литературных сил. Передача «Говорит Ленинград» включала выступления писателей, при этом во многих случаях они выполняли прямой заказ редакций.

Конечно, в сентябре 1941 года еще нельзя было представить безмерную цену, которую придется заплатить блокаде, но публицистика тех дней передала ощущение подвига, совершаемого Ленинградом. В корреспонденции «На оборонной стройке» И. Меттер писал: «Все это войдет в историю. Весь мир, затаив дыхание, будет читать страницы истории, истории обороны Ленинграда. Сюда, на подступы города Ленина, будут приезжать экскурсии».

Испытания, выпавшие на долю города, были еще впереди. Это было сказано по радио за день до первой массированной бомбежки и через два дня после первого артиллерийского обстрела. Может быть, такое ощущение своей миссии и позволило ленинградцам выдержать то, чего, казалось, выдержать было нельзя. Изменилась, расширилась сфера писательской деятельности. Летом был введен порядок: постоянные авторы заходили с утра, получали заказ и тут же, в Доме радио, садились за работу. Некоторые делали ее дома, но к вечеру приносили написанное.

Существовали и более длительные заказы, когда к текстам писали музыку. На все это уходило два-три дня. Так создавалась «Радиохроника». В сентябре же стала очевидной необходимость индивидуальных писательских выступлений с расчетом на определенную аудиторию. В конце сентября, когда бомбежки и обстрелы не прекращались ни на один день, по радио выступала Анна Ахматова. Писатель П. Лукницкий свидетельствует: «Заходил к А. А. Ахматовой. Она лежит – болеет. С видимым удовольствием сказала, что приглашена выступить по радио». Ахматова говорила, обращаясь прежде всего к ленинградским женщинам, говорила как женщина, мать, патриотка своего прекрасного города. В этом городе прошла ее жизнь, здесь родились ее первые стихи: «Ленинград стал для моих стихов их дыханием и цветом». Ахматова по-своему сказала слушателям о своем Ленинграде. И в этом был смысл лучших писательских выступлений.

лений. Выражая общие чувства, она произнесла: «Я, как и все ленинградцы». Как и все ленинградцы, Ахматова верила в стойкость защитников города: «Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но с особой силой взоры их прикует ленинградская женщина... Город, возрастивший таких женщин, не может быть побежден...»

По своему характеру беседа писателя с жителями города отличалась от таких же выступлений в передачах «Говорит Ленинград». В обоих случаях глубоко индивидуальное выступление писателя обговаривалось в деталях. В Радиокomiteе имелись материалы, которых литератор мог не знать. Здесь слушали немецкое радио, сюда приходили письма ленинградцев. Наконец, писатель узнавал на радио о характере других выступлений и передач.

Днем 17 сентября начальник цеха одного из заводов, Соколов, обращаясь к ленинградцам, говорил, что «сейчас решается судьба родного города, решается судьба каждого из нас». В это время чаще других выступали по радио писатели В. Вишневский, Н. Тихонов, В. Кетлинская, О. Берггольц. Патетично и мужественно говорил о подвиге Ленинграда Н. Тихонов, напоминая, что радио помогает осажденному городу сказать о себе. «Голос Ленинграда звучит твердо и ясно. Сквозь темноту осенней ночи, покрывая гром орудий вокруг города, над ночью и битвой слышен громкий голос: „Говорит Ленинград!“ Весь мир слушает этот голос, говорящий:

„Всем, всем, всем! Ленинград бьет фашистские полчища! Ленинград всегда на страже! Его не возьмешь врасплох! Все-му миру говорит Ленинград: я был, есть и буду советским Ленинградом. И нет такой силы, что могла бы сломить меня“».

В публицистике Н. Тихонова ощущаешь напряженную интонацию его ранних баллад. В таком же стремительном ритме написана и его военная поэма «Киров с нами». 19 октября писательница В. Кетлинская делилась с земляками своими сегодняшними заботами и вспоминала о предвоенном времени. «Я жила счастливо и беспечно – теперь я это знаю, хотя тогда мне казалось, что в жизни много трудностей и забот. У меня была горячая, интересная, увлекательная работа, у меня были хорошие, любимые друзья... Я учила своего маленького сынишку первым, неуверенным шагам». Установив тон дружеской беседы, В. Кетлинская думала о своем слушателе – ведь и он растил детей, дружил, работал, жил мирной жизнью. Теперь к этому собеседнику обращала она, по прошествии семнадцати недель войны, слова о главном, чем жили тогда все. Так призыв исходил от одного из многих ленинградцев, живущих общей со всеми жизнью. «В эти дни поздней осени часто репродукторы приносят тяжелые, горькие вести, от которых больно и ненавистно сжимается сердце... Хороших вестей еще нет. Пока нет. Будем ждать – нет! – будем бороться, чтобы победа пришла».

Блокадный Ленинград не только пережил несколько раз-

ных периодов, но и каждый месяц, каждый день имел свое лицо. Это необходимо было учитывать редакциям радио. Они чувствовали: так, как говорили с жителями города в октябре 1941 года, уже нельзя было говорить в ноябре, передачи мая 1942-го несравнимы с мартовскими. Конечно, календарь событий не совпадал с обычным календарем. И все-таки если сентябрь – и в газетных статьях, и в передачах радио – можно назвать месяцем Ленинграда, то октябрь сорок первого стал прежде всего месяцем Москвы. Теперь и передачи «Говорит Ленинград» начинались обращением: «Слушай, Москва! Слушай, родная столица!» К Москве обращались бойцы и командиры Ленинградского фронта, моряки Балтики, о Москве говорили писатели. Достаточно прочесть сейчас эти выступления, чтобы, не зная сводки, не видя карты боев, понять меру опасности, нависшей над Москвой во второй декаде октября 1941 года.

Командир «энской» части Ленинградского фронта Дарьин в передаче «Говорит Ленинград» сказал: «Сегодня радио донесло до нас известие о том, что остервенелые фашистские орды на одном из участков фронта прорвали линию нашей обороны... Родная наша столица, товарищи москвичи, войска западного направления! В эти трудные минуты хочется передать вам с Ленинградского фронта слова горячего привета». Речь командира Дарьина и стихи О. Берггольц звучали в одни и те же часы. «Кровью, пламенем, сталью, словом задержи врага, задержи!»

Передачи «Говорит Ленинград» открывало обычно публицистическое вступление. Оно было безымянным – радиожурналисты Арон Пази, Яков Бабушкин, Георгий Макогоненко не представлялись слушателям. В октябре эти вступительные строки достигали высокого накала. 16 октября в обращении (автор – Я. Бабушкин) говорилось: «Дорогие друзья, граждане великой Москвы! Нет в советской земле уголка, где бы ни думали сегодня о вас, нет советского сердца, которое бы не билось единством с вами...»

18 октября во вступительной заметке Г. Макогоненко сказано об опасности, грозящей столице, всей стране: «Опасность эта стоит перед всеми советскими людьми неотвратимо и грозно. Взглянуть этой опасности прямо и открыто в глаза, понять ее глубину и силу и выдержать, не упасть духом, не поддаться отчаянию, собрать все свои силы – значит победить».

В мирные дни ленинградское радио транслировало передачи центрального вещания, широко использовались газетные материалы. Первой военной осенью большинство передач – оригинальные. Москву почти не удавалось принимать, а из газет, хотя и приходили они довольно регулярно, брали немного. Это объяснялось не отсутствием в нашей печати значительных статей, а необходимостью использовать специфику радио. Важно было не только содержание речи В. Вишневского или Н. Тихонова, но и то, что они выступали сами. И стихи в исполнении автора воспринимались иначе,

чем когда их читал актер. С другой стороны, в исполнении актеров многие очерки, статьи получали на радио дополнительные оттенки, которые трудно было уловить, читая статью в газете.

Из газетных материалов в программы включались лишь те статьи и корреспонденции, стихи и поэмы, которые благодаря своей остроте, призывности, динамичности выигрывали при исполнении. Такими были стихи Александра Прокофьева, обращенные к Москве: «Сегодня твоя оборона проходит сквозь наши сердца». Так звучали в октябре 1941 года статьи Алексея Толстого. «Ленинград с честью выполняет свой долг перед Родиной. Жребий славы и величия выпал теперь на Москву», – писал А. Толстой в статье «Москве угрожает враг» 16 октября.

Спустя несколько дней по ленинградскому радио прочитали и другую статью писателя – «Кровь народа». Вскоре обе статьи были выпущены отдельной брошюрой Политуправлением Ленинградского фронта. Осенью 1941 года ленинградское радио уже заняло особое место в жизни блокадного города. И редакторы, авторы, дикторы – весь коллектив Радиокomiteта – это чувствовали. Люди работали не покладая рук в сложнейших условиях осени, а затем и страшной зимы 1941–1942 годов. Об этих условиях, когда жизнь и работа слились в Доме радио, и пойдет речь дальше.

ПРЕКРАТИТЬ ПЕРЕДАЧУ НЕЛЬЗЯ

Письма председателя. «Жизнь – работа».

Яков Бабушкин. «Один оркестр чего стоил».

«Прекратить передачу нельзя». На пределе сил.

В очерках Александра Фадеева, прилетевшего в Ленинград в конце апреля 1942 года, приводятся слова одного из редакторов радио: «В сентябре замкнулось кольцо блокады. Ну и черт с ним, замкнулось – так разомкнется! Никто из нас не верил, что это может быть длительным. Нас тогда сильно бомбили с воздуха и начала обстреливать артиллерия. Ну и черт с ним! На то и война! Еще можно было зайти поужинать в „Асторию“, и там, черт побери, еще играл джаз! Потом все это внезапно кончилось, и пришлось потуже затягивать пояса. Но в конце концов все мы были здоровые люди, работы хоть отбавляй. Никто о желудке не думал. Стало меньше хлеба, нет мяса, есть только каша, каши становится все меньше, – но что же поделаешь, на то война. И вдруг на глазах стали выбывать люди, один работник за другим. Мне сейчас трудно назвать тот день, когда я сам почувствовал впервые, что у меня закружилась голова и что я не могу свободно подняться с этажа на этаж»¹⁴. Это было, видимо, в ноябре.

---

¹⁴ А. Фадеев. Ленинград в дни блокады. Соч.: В 5-ти т. М., 1960. Т. 3. С. 227.

Это в ноябре была введена минимальная хлебная норма. 19 ноября руководство Радиокomiteта обратилось к вышестоящим инстанциям с просьбой помочь установить в некоторых помещениях железные печки-временки. В декабре председатель Радиокomiteта Виктор Ходоренко посылает письма в Топливоно-энергетическое управление и трест «Главресторан». Вот первое письмо: «Убедительно просим дрова отпустить незамедлительно, так как в настоящее время полученные восемь кубометров уже использованы и отсутствие дров грозит полным срывом радиовещания». Срывом радиовещания грозили и перебои в электроснабжении.

Сотрудники Радиокomiteта с невероятным трудом передвигали ноги. 29 декабря 1941 года председатель Радиокomiteта писал начальнику «Главресторана»: «В столовой при Ленинградском радиокomiteте, обслуживающей четыреста работников, с 17 декабря нет вторых блюд. В результате, питаюсь одним супом, работники радиовещания, ведущие с первого дня войны напряженную круглосуточную работу, не имеющие выходного дня, – начинают выбывать из строя».

«Питаюсь одним супом...» Нужно знать, какой это был суп и что означало в те дни «выбывать из строя». Но те, кто еще держался в строю, продолжали работать. «Главное было в том, – говорила О. Берггольц А. Фадееву, – чтобы заставить себя забыть о голоде и работать, работать и поддерживать в твоём товарище этот постоянный огонь». Вот так и жили, работали в постоянно обстреливаемом здании, которое назы-

валось теперь «объектом» и было им по существу – потому что не случайно снаряды плотно ложились вокруг него.

*Здесь, как в бреду, все было смещено:
здесь умирали, стряпали и ели,
а те, кто мог еще
вставать с постелей,
пораньше утром, растемнив окно,
в кружок усевшись, перьями скрипели.
Отсюда передачи или на город —
стихи, и сводки, и о хлебе весть.
Здесь жили дикторы и репортеры,
поэт, артистки... всех не перечесть...*

О. Берггольц. «Твой путь».

О самой О. Берггольц и ее товарищах позднее написал А. Крон в своем романе «Дом и корабль». Автор передал здесь собственные впечатления: «То, что открылось Мите за дверью, весьма напоминало цыганский табор, раскинувший шатры в главном операционном зале крупного банка. Койки и раскладушки стояли вперемежку с конторскими столами и картотечными ящиками. Повсюду кипы скоросшивателей и горы газетных подшивок, среди этого разгрома два десятка мужчин и женщин, занятых кто чем: паренек с падающим на лоб чубом склонился над столом и торопливо пишет, пожилая женщина с заплаканным лицом стучит на машинке, кто-то спит, укрывшись ватником, видны только вылезающие из

рванных носков голые пятки, а в ногах у спящего лежит, свернувшись калачиком, девочка лет пяти и возится с куклой. Наибольшее оживление вблизи огня. Две раскаленные докрасна временки установлены посередине зала, здесь кипят воду и разогревают еду... стриженная блондинка читала сидящим вокруг нее женщинам стихи, вероятно, свои. Она слегка грассировала, лицо у нее было задорное и страдальческое...» В условиях, когда Дом радио стал военным объектом, а для многих и жилищем, все его сотрудники – дикторы, редакторы, техники, диспетчеры – оказались связаны между собой гораздо больше, чем прежде. Вместе дежурили на крышах, тушили пожары, работали на раскопке дома на углу Кирпичного переулка и улицы Гоголя. Пришлось ходить за водой сначала в подвалы Филармонии, а потом и на Фонтанку, убирать лед и снег в марте сорок второго на участке Невского между Садовой и Садам отдыха. Общий блокадный быт и общая работа сближали людей, давали примеры подлинного братства и взаимной выручки.

31 октября 1941 года диктор Антонина Васильева получила карточки на ноябрь. Она тогда жила еще дома, на Петроградской стороне. И вот, придя домой, А. Васильева карточек не нашла. На другой день обыскали с фонарем «летучая мышь» все комнаты рядом с дикторской – безрезультатно. И тогда работники «литдрамы» – Я. Бабушкин, К. Миронов, живший в Доме радио с женой за тонкой занавеской общей комнаты, – позвали А. Васильеву питаться вместе с ними.

Делились кусочками хлеба, давали кружку сладкого чаю. Все это – буквально отрывали от себя. Помогала вся литературная редакция – троим такая помощь была бы не под силу. Диктор Антонина Андреевна Васильева, с волнением вспоминая этот эпизод, говорила, что жизнь ей спасли товарищи.

Далеко ли от Дома радио до Филармонии? Мы говорим – рукой подать, метров триста-четырееста. Но эти метры казались очень длинными, когда приходилось уже ослабевшим людям тащить огромные котлы с водой (в подвале Филармонии водопровод замерз не сразу), которая расплескивалась по дороге. Встретив однажды таких продрогших на морозе женщин в вестибюле Дома радио, комиссар объекта МПВО Е. Прудникова сказала: «Нам диктор живой нужен, а не обледенелый». Времянки не могли согреть огромный дом, они и отогреться человеку не давали. С одной стороны ватник или пальто уже начинали тлеть, а с другой оставались холодными. Холод был как бы внутри голодных людей. Чтобы согреть – нужно было сначала покормить. Так говорили все, кто пережил в Доме радио первую блокадную зиму. Под крышей Дома радио, кроме сотрудников Комитета, всю войну находились связисты – военнослужащие роты одного из трех батальонов связи, созданных в Ленинграде. Они обслуживали радиовещательный узел¹⁵. Связисты имели свое на-

---

¹⁵ Эти батальоны обслуживали не только вещательные станции, но и станции связи (они не могли передавать речь, музыку), обеспечивавшие нужды фронта, промышленности. Передатчики находились в специально оборудованных подвальных помещениях в разных районах города.

чальство.

Комитету не подчинялись, но их деятельность и задачи РВУ были определены необходимостью сохранить вещание. Еще когда только возникла угроза вражеских бомбежек, решили рассредоточить оборудование узла, находившегося на пятом этаже радиодома. В подвале оборудовали за три дня резервный узел, а затем в течение месяца построили новый РВУ.

Все это требовало огромных усилий, как и обеспечение его работы в условиях, казалось, невыполнимых. По свидетельству инженера Ф. Кушнира, «осенью (1941 года. – А. Р.), как и впоследствии весной, отсыревшую в подвалах аппаратуру просушивали парикмахерским прибором „ФЭН“ для сушки волос. Зимой в помещениях аккумуляторной на потолочных балках образовался лед. Ежедневно техник Богоутов скалывал и выносил его. При 8 градусах мороза... оборудовали новую речевую студию для иновещания».

Трудно было жить в холодном доме (хотя где же они были – теплые дома в блокадном Ленинграде?), не легче пришлось и тем, кто совершал ежедневные походы к родным, семье. Н. Терebinская, сотрудница детского журнала «Костер», а с февраля 1942 года редактор передач «„Костер“ по радио», вспоминала, как, выходя во тьму Манежной площади, она только метров через триста, у цирка, начинала различать дорогу. А так – шла на ощупь, всегда по одному и тому же маршруту. Споткнуться, упасть было легко, а вот под-

няться ослабевший человек оказывался не в силах. Поэтому идти всегда предпочитали вдвоем.

Вспоминая те дни, чаще всего пишут именно о шестом этаже Дома радио, но жили и работали не только здесь. Когда начались налеты и обстрелы, многие переехали вниз, в подвал, который стал своего рода бомбоубежищем. Здесь редакторы литературной редакции встречали ноябрьский праздник сорок первого года, собравшись вместе за скудным столом. В подвале продержались до зимы, но оказалось, что времянку установить там не удастся, и пришлось подняться наверх. Этот шестой этаж нес с собой не только опасность бомбежек и обстрелов, но и множество бытовых трудностей. Ведь не было не только света, тепла, не было и канализации...¹⁶

На второй день войны комиссаром объекта МПВО стала Е. Прудникова (начальником объекта по должности являлась руководитель Радиокомитета), в ту пору молодая женщина, занятая повседневной работой в редакции «Последних известий». Она была энергична, требовательна, безотказна в делах, которым, казалось, нет конца. Комиссар приходила в столовую проверить распределение дрожжевого супа (на счету каждая тарелка), она назначала дежурных в многочисленные команды – пожарную, охраны порядка, связи, ей по-

---

¹⁶ Весной Г. Макогоненко оборудовал одну комнату еще выше. И стало поговоркой: «Хорош блиндаж, да жаль, что седьмой этаж». Об этом жилище вспоминала О. Берггольц в своем «Дневнике».

ручили организацию работ по расчистке соседнего дома от завала, и она сама старалась понять физическое и духовное состояние человека. Одного нужно было любыми средствами уговорить срочно уехать из города, другому разъяснить, что его место здесь, что именно здесь он принесет пользу. Когда первой зимой стал вопрос об отъезде К. Элиасберга (состояние дирижера было тяжким), Е. Прудникова доказала всем и больному музыканту, что уехать ему нельзя, что без него не быть оркестру, а ведь оркестр еще сможет звучать, он нужен городу... Карл Ильич остался, его роль в музыкальной жизни блокадного города общеизвестна.

В феврале сорок второго О. Берггольц прочитала комиссару отрывки из «Февральского дневника». На другой день комиссар собрала всех, кто был свободен от дежурства, слушать поэму. Автор сменила свой обычный ватник на черное платье, хотя недолго было схватить простуду. И. Прудникова поняла – это для О. Берггольц праздник вопреки всему. Ольга Федоровна сказала: «Об этом я буду читать так». Читать так – вопреки блокаде, холоду, голоду.

Радио поддерживало других, но сами работники радио нуждались в поддержке. Формы ее были разные. И тарелка супа, и кусочек сахара, и доброе слово, и доведенное до всех письмо рабочих Кировского завода, которые написали той зимой в Смольный, что они не просят хлеба – знают, его нет, не просят света – знают, и его взять негде, но они просят «Последних известий». Об этом письме ветераны радио го-

ворили мне, сдерживая слезы.

В дни блокады быт, борьбу людей за жизнь трудно было порой отделить от работы. Но все же оставались всегда дела глубоко личные (у одной умер муж, у другого погибала жена, дом третьего горел уже несколько дней – пожары в городе были затяжные), с ними обычно обращались к партийному секретарю С. Альтцигер. Она ушла с радио весной 1943-го, и многие об этом жалели. Человеком большой скромности, чуткости называют ее герои этой книги, те, благодаря которым всю войну звучал голос нашего города.

Коллектив Радиокomiteта потерял многих своих товарищей, но эти потери могли быть куда большими, если бы, сплывшая ленинградцев, объединенных общей целью, радио не создало собственного коллектива. Истощены были все: получали не самую высокую норму снабжения – карточки служащих, а определить степень истощения могли не у всех. Кризис наступал для каждого неожиданно. В этой обстановке на председателя Радиокomiteта В. Ходоренко легли обязанности сложнейшие. Мало того, что он в полном объеме отвечал за содержание и своевременность передач, ему пришлось спасать людей от голодной смерти. В. Ходоренко обращался за помощью в областной и городской комитеты партии, Военный совет фронта, писал председателю горисполкома. Убеждал, просил, доказывал. Он добивался для самых слабых замены карточки служащего на рабочую, он включал в списки эвакуируемых тех, кому необходимо бы-

ло уехать через Ладогу. Каждый день молодой председатель ходил пешком в Смольный. Обстановка менялась, и об этих изменениях лучше всего знали в обкоме партии и Военном совете фронта.

Виктор Ходоренко рассказал о тогдашнем партийном руководстве Радиокomiteетом: «Главные передачи просматривали в обкоме или прослушивали. Прямая связь со Смольным сохранялась все время, и там могли слушать даже репетиции. Это давало не только возможность контроля, но и вполне реальной помощи. Нам говорили о том, что сейчас наиболее важно. Иной раз на первый план выходили материалы об управхозе, а накануне прорыва блокады (операция „Искра“) советовали больше говорить о мужестве солдат. Часто соглашались с нашими предложениями.

Многие письма мы адресовали помощнику А. А. Жданова А. Н. Кузнецову¹⁷, который помогал решать конкретные проблемы, встававшие перед нами. Через него же были переданы тексты „Последних известий“ за декабрь 1941 года. Жданов прочитал тексты передач и сделал пометки на полях¹⁸. В целом положительно оценив нашу работу, он отмечал риторичность в освещении некоторых событий, считая, что нужно давать позначительнее и „погуще факты“. Эти

---

¹⁷ В Смольном было два ответработника – А. Н. Кузнецов и секретарь горкома партии – А. А. Кузнецов. При отсутствии инициалов указание дается предположительно.

¹⁸ Сам Жданов, по свидетельству работников блокадного радио и материалам архива, ни разу не выступил в блокаду перед радиослушателями.

требования мы стремились выполнить. На уровне областно-го и городского комитетов партии решались и организационные, и творческие вопросы – от бронирования наиболее ценных работников до первоочередного подключения Дома радио к энергосети, от обсуждения ответственных материалов до экстренной помощи ослабевшим товарищам».

Как только открыли стационар в гостинице «Астория», В. Ходоренко достал туда несколько путевок. В стационаре подкормили и подлечили Н. Ходзу, М. Меланеда, А. Любарскую, К. Элиасберга и других. Для некоторых помощь приходила поздно. Уже в стационаре умер Николай Верховский. Не смогли спасти В. Римского-Корсакова. Трагической оказалась судьба Л. Мартынова. Этот молодой корреспондент Радиокomiteта первым в конце октября начал опухать от голода. В. Ходоренко связался с медсанбатом, который обещал прислать машину, но лед на Ладоге еще был совсем слабый, и поездка задерживалась. Наконец машина пришла, и в этот самый момент в присутствии медсестры Леша Мартынов умер.

Руководство Радиокomiteта стремилось облегчить быт ослабевших людей. Проблемой было все: и что поесть, и где помыться, постирать. На воду приходилось растапливать снег и лед. Не стало дров – на растопку пошли пюпитры, потом добрались до стропил под крышей, они оказались из толстых бревен. Их использовали с большой опаской: как бы не повредить кровлю. Лишь после войны выяснилось, что запас

прочен и сэкономили напрасно. Весной В. Ходоренко удалось оборудовать в подвале парикмахерскую. Там можно было не только подстричься и побриться, но и вымыть голову. Парикмахерша справлялась со всем одна, клиенты выстраивались в очередь, но все-таки это был успех. Сняв ватники, надев обычную одежду, люди преображались не только физически; их вид действовал на тех, кто перестал следить за собой, опустился. Сам председатель всегда было подтянут, в ватнике его почти никто не видел. Судьба человека зависела от кусочка хлеба, луковицы, стакана полусладкого чая, которыми делились друг с другом голодные люди. Те, кто послабее, лежали в Доме радио или в стационаре, другие же, у кого еще были силы, отпраивались на задание, голодные шли через замерзший город ради заметки или корреспонденции с завода или переднего края. В этот же день свежая информация сообщалась по радио.

Ходоренко понимал меру усилий репортеров, корреспондентов «Последних известий», он настаивал на выдаче некоторым рабочей карточки: «Ввиду отсутствия транспорта, они посещают заводы и воинские части пешком и безотлагательно возвращаются в редакции, иногда по несколько раз в день. Понятно, что это требует большого напряжения физических сил». Так писал В. Ходоренко в марте 1942 года, на исходе первой блокадной зимы. Не забуду, как в конце шестидесятых я беседовал с Виктором Антоновичем у него дома, в скромной старой квартире одного из центральных

районов города. Он вспоминал о минувшем без той энергии, которая исходила в этом случае от Л. Маграчева и даже Е. Прудниковой. Только когда в комнату вошла Антонина Иосифовна Ходоренко, хозяин стал живей, общительней, напомнив мне, что это та самая стенографистка Антонина Булгакова, доказавшая: Дом радио – весьма опасная точка на карте Ленинграда. В. Ходоренко сказал о военно-производственной травме жены, раненной в голову осколком снаряда на своем рабочем месте.

Тут уж я вспомнил название книги Ю. Алянского, посвященной в основном искусству блокадного Ленинграда, – «Театр в квадрате обстрела». Вот в таком же квадрате находился и перекресток тогдашних улиц Ракова и Пролеткульта. Ходоренко говорил не о себе – о Ф. Фуксе, О. Берггольц, Н. Свиридове, П. Палладине, Н. Серове. Чувствовалось, что ему по долгу службы много приходилось иметь дело с инженерной частью – теми, кто помогал хоть как-то обеспечить Дом условиями для выживания. В этой связи возникла тема списков и обращений в «инстанции». До каких-то тем мы так и не дошли. Я не понял, почему после восьми месяцев в роли и. о. председателя Радиокomiteта В. Ходоренко уступил место другому, хотя для пользы дела остался на «хозяйстве» (заместителем) и был по-прежнему активен. Правда, новое назначение избавило его от муки – подписывать приказы об увольнении близких ему людей. А остановить произвол тогда никто не мог... Ходоренко не показался мне «бу-

мажной душой», но слово «списки» в разговоре возникало. Был список на помывку в подвале Дома, и другой – на тех, кто нуждался в немедленном лечении и, главное, подкормке. А еще на те крохи, которые отрывал он от своих обедов в столовой Смольного. Она носила номер 11, но это не значит, что столько их там и было. Важно, что обед давался без вырезки талонов, на столах лежали тоненькие кусочки хлеба. К чаю полагался сахар. Я читал об этом (последнем) у Г. Макогоненко, но он приводит другие компоненты порций от обеда. Я помню, что в одном случае речь шла о двух кусочках хлеба и куске сахара, а в другом – котлетке и кусочке хлеба. Это выдавалось очередному претенденту в списочном порядке – сегодня одному, завтра другому. А Ходоренко говорил, что одни его коллеги уже были дистрофиками, другие находились на пути к дистрофии. Сам председатель не знал, что для окружающих не прошло незамеченным, как он проделывает дополнительные дырки в своем ремне.

Между редакциями Радиокomiteта всегда была тесная связь. Блокадной (первой) зимой практически отдельных редакций не существовало. Те немногие передачи, которые шли в течение дня, готовили совместными усилиями. В «Радиохронику» включались материалы корреспондентов и репортеров, в командировку на передний край отправлялся редактор литературно-драматического вещания. Так, дважды, в декабре и январе, посылали в армию И. Федюнинского, за блокадное кольцо, Г. Макогоненко.

В декабре ждали, что эта армия вот-вот прорвет блокаду, и ленинградское радио надеялось дать подробное сообщение об успехе наших войск. Корреспондент ехал в обычную командировку на машине через Ладогу. По дороге бомбили, машина провалилась в большую воронку, чудом удалось выбраться и добрести до сторожевой базы на острове Малый Зеленец. Потом оказалось, что материалов об этих боях писать не нужно – блокаду тогда прорвать не удалось. Самопожертвование, героизм проявлялись в отсутствии героической позы, в труде повседневном, непрерывном. Прежняя редакторская работа теперь казалась курортом. Ведь редактор был еще и бойцом команды МПВО, и входил в состав рабочего батальона, и оставался курьером. Он «дежурил по отоплению», то есть ломал мебель на растопку, встречал и провожал выступающего, ему приходилось быть все время в движении – то идти к машинисткам, то в студию, то к главному редактору, а сил для этого оставалось все меньше и меньше. Не легче было и тем, кто, наоборот, не мог уйти со своего поста. Так, бессменно сутками сидела у радиоприемника стенографистка А. Булгакова. Она слушала сводки Советского информбюро. Радиостанция имени Коминтерна вела передачи из Куйбышева. Слышимость была скверной, текст повторяли трижды. Но еще до завершения третьего сеанса раздавались звонки из Смольного: «Ходоренко, где сводка? Когда город услышит сводку?..» Вскоре главный редактор получал от стенографистки текст «Последних известий», ко-

которые шли теперь по городской сети. Некоторые передачи записывали на шоринофон, а потом стенографистка расшифровывала их. Запись представляла сплошной шум и треск. Часть названий приходилось сверять по карте.

Для передач каждого дня нужны были новая информация, репортажи с места событий, стихи. Чтобы Ленинград продолжал говорить со страной, чтобы работала городская трансляционная сеть, понадобились усилия сотен людей. В начале войны на Ленинградском радио работало 540 человек. 156 ушло в армию и народное ополчение, некоторые эвакуировались. На первое января 1942 года в штате Радиокomiteта состояло 349 человек. Фактически работало еще несколько писателей. Вот на плечи всех этих людей и легла забота – не дать радио умолкнуть. Ведь его голос был голосом надежды.

Говоря о количестве людей, работающих на радио, нужно помнить, что многие из них зимой были совершенно нетрудоспособны. Те же, кто вопреки всему держался на ногах, жили в Доме радио, отдавая себя целиком делу. Так работал председатель Радиокomiteта и его ближайшие помощники – главный редактор политвещания А. Пази, художественный руководитель Я. Бабушкин, главный инженер Н. Свиридов, ведущие творческие работники, дикторы, операторы. За несколько лет до войны, после окончания университета, Яков Бабушкин пришел на работу в Радиокomiteт. Он сразу показал себя человеком энергичным и деятельным. Но

с июня 1941 года его организаторские способности проявились еще более определенно. Он чувствовал главное в работе, сам был прекрасным редактором.

Смелую, интересную идею Я. Бабушкин помогал вырастить, осуществить. Сначала Я. Бабушкин как начальник литературно-драматического отдела, а с осени 1941 года как художественный руководитель думал не только о создании новых программ – о качественно новой роли радио военной и блокадной поры. Маленький, худенький, сероглазый, Я. Бабушкин тихо говорил и внешне казался вяловатым. Но это его спокойствие, уравновешенность стали неоценимыми именно на радио с его вечной толчеей. Можно было утонуть в мелочах. С Бабушкиным этого не случилось. Он стоял у истоков многих важных начинаний. В декабре Я. Бабушкин уже болел дистрофией. Он старался не показать свою слабость – планировал новые передачи, критиковал «картонный пафос» некоторых чтецов, поддерживал товарищей. Ольга Берггольц писала о нем: «Мы отлично видели, что он очень плох, уже почти „не в форме“. Он давно отек, позеленел, уже с трудом поднимался по лестнице, он очень мало спал и очень много работал, и, главное, мы знали, что изменить это невозможно... (он тащил на себе столько людей, один оркестр чего стоил!)».

Об основном деле Я. Бабушкина – руководстве литературно-драматической редакцией – уже говорилось. Достаточно напомнить: на тексте каждого из номеров «Радиоэха»

стоит его подпись. Став художественным руководителем, Я. Бабушкин теперь отвечал и за музыкальное вещание, связал себя с судьбой симфонического оркестра Ленинградского радиокomiteта. История этого коллектива дает представление о жизни и работе на Ленинградском радио, особенно в течение первого военного года. Можно сказать, что из всех сотрудников Радиокomiteта на долю музыкантов радио выпали наибольшие испытания. О них вспоминали позднее дирижер оркестра К. Элиасберг, музыканты, а Бабушкин привел в одной из передач рассказ скрипача о выступлении оркестра перед фронтовиками осенью 1941 года. Сначала в этой записи говорится, что бойцы слушали оркестр хорошо, но особой теплоты не проявляли. Оркестр как оркестр. А когда начались беседы с артистами, все вдруг изменилось: «Вот играем в оркестре. Наш оркестр теперь один на весь Ленинград... Полтора месяца были на оборонных работах под станцией Батецкая... Живем в Радиокomiteте на казарменном положении... В пожарной команде состоим. На чердаках во время налетов дежуриим... Разбираем завалы в разрушенных домах, спасаем людей, зажигательные бомбы тушим. И тут граница какая-то стерлась между бойцами и оркестрантами... Война и заботы общие... Вот оно что значит – тыл и фронт едины».

Осенью оркестр возобновил выступления. Концерты транслировались по городской сети, шли в эфир. В начале зимы по радио музыку перестали передавать, прекрати-

лись концерты и в Филармонии, в промерзшем насквозь зале. С конца декабря оркестр совсем не работал, и это явилось самым сильным ударом для голодных, ослабевших людей. Оказалось, что, как ни трудна работа, она все-таки помогла людям держаться. Теперь же потеря следовала за потерей. По дороге в Дом радио упал и умер в штабе МПВО скрипач А. Срабов, простудился на вышке здания Дома радио и умер концертмейстер скрипач И. Кузнецов, погибли от голода ударник И. Вахрушев и контрабасист П. Гуляев. Двадцать семь человек не досчитал к весне 1942 года Большой симфонический оркестр. Сто двадцать три – такова цифра погибших работников Радиокomiteта.

И все же в холодном январе с одной мыслью просыпались люди в промерзших комнатах Радиокomiteта: радио необходимо каждому ленинградцу. Но в январе 1942 года случались дни, когда практически город его не слышал. Это воспринималось как огромная потеря, хотя потерь было уже не счесть. Вот записи П. Лукницкого из его дневника, очевидно, одно из самых подробных и достоверных свидетельств участника событий: «7 января. 5 часов утра. Электричества нет. Воды нет. Радио безголосо. Во всей квартире мороз... 7 часов 30 минут. Чуть слышно заговорило радио». Почти нет дня в январе, чтобы П. Лукницкий не отметил: «Радио безмолвствует», «Радио молчит» или, наоборот, с чувством облегчения: «Ночь на 20 января... Впервые за много дней заговорило радио. Правда, негромко, а таким чуть слышным

шепотом, что разобрать слова можно было только в полной тишине, прижав ухо к громкоговорителю». О молчащем радио даже писали стихи. 27 января П. Лукницкий записал в дневнике свое стихотворение, едва ли не впервые за многие месяцы: «А репродуктор молчит, как будто шар земной заглодел настолько, что и эфир весь вымерз вокруг него». Об умолкнувшем репродукторе несколько высокопарно сказала В. Инбер: «От раковин отхлынул океан». О тех же январских днях сорок второго О. Берггольц вспоминает: «... в тот вечер, третий вечер почти полного безмолвия в Ленинграде (10 января. – А. Р.), в Радиокomitee начали приходить люди с одним тревожным вопросом: почему замолчало радио? Скоро ли заговорит опять? „Нет уж... Знаете, – сказал один старик с палочкой в руке, пришедший откуда-то с Васильевского острова, – если что-нибудь еще надо в смысле стойкости... пожалуйста... еще... и даже с прибавкой можно ждать, но радио пусть говорит. Без него страшно. Без него лежишь, как в могиле. Совсем как в могиле“». Свидетельства П. Лукницкого, В. Инбер, О. Берггольц могут создать впечатление, что радио умолкло чуть ли не на весь январь. На самом деле это было не так, и слова П. Лукницкого: «Радио нигде не работает», – нуждаются в коррективах. Бывшие работники Радиокomitee А. Пази, П. Палладин, Н. Свиридов, В. Ходоренко, лучше знавшие действительное положение, утверждают, что аккумуляторные батареи позволяли вести передачи из погруженного во мрак Дома радио даже в те дни, ко-

гда их не слышали П. Лукницкий, В. Инбер и другие очевидцы событий. Не было дня, когда город полностью оставался без радио. Работали радиостанции, шли по городской трансляционной сети «Последние известия». И там, где оставалась электроэнергия (на некоторых заводах, в ряде госпиталей), голос диктора был слышен.

Верно другое: целые районы, отдельные дома и улицы по разным причинам (отсутствие энергии, обрыв сети) отключались на более длительные сроки. Вот почему работники Радиокomiteта иногда повторяли те или иные передачи специально для таких районов. Январь – самый тяжелый месяц блокады. Готовить передачи, организовывать выступления почти не удавалось. Пришлось главным образом пользоваться готовыми газетными материалами. Передачи за целый день составляли совсем немного времени. Читали сводку Информбюро, газетную статью, несколько информации. Это был голодный паек, но и за него приходилось бороться.

Вот еще один документ, письмо председателя Радиокomiteта в Ленинградский обком ВКП(б) от 25 февраля 1942 года: «Ленинградский радиокomiteт просит Вас распорядиться о предоставлении для радиовещания одного экземпляра газеты ц. о. „Правда“, получаемой обкомом ВКП(б). В силу ряда условий прием ТАСС'м и нами телеграмм, важнейших статей и сообщений затруднен. Записи, которые мы производим, часто не могут идти из-за того, что два-три слова не поддаются расшифровке».

Самое страшное – молчать. Это понимали в Доме радио. И поэтому даже в январе, пусть с перебоями, пусть не везде, радио говорило. Оно не умерло. Обессиленное – шептало слова надежды. То, что о радио писали литераторы, – понятно. Они сами были связаны с радио, через него общались со своими читателями и слушателями. Не менее важны свидетельства рядовых слушателей. Нет, пожалуй, ни одного блокадного дневника, где бы ни упоминались передачи по радио, ни давалась оценка роли радио в жизни города. В декабре 1941 года работница одного из заводов Е. Васютина, ставшая писательницей уже после войны, отметила в дневнике: «Я живу не одна. Репродуктор сейчас самое близкое живое существо. Он сообщает необходимые правила поведения в нашей сложной жизни... Он единственный питает меня рассказами, культурой, а главное – это вести с фронта».

Пройдет год. Много изменится в жизни города. Вторая блокадная зима не принесет людям стольких страданий, как первая. И все же, говоря о фронтовой жизни Ленинграда, другая ленинградка скажет о радио: «Ночью шла по городу. Тихо. Слышатся вокруг лишь звуки радио. О, верный друг ленинградцев! Спасибо ему. Спасибо работникам радио. Я просто с нежностью думаю о них и тревожусь. Ведь они на опасном посту».

Через много лет после войны поэт Глеб Семенов напечатал небольшой цикл стихов «Из воспоминаний о ленинградской блокаде». В одном из стихотворений поэт написал, что

непрерывный стук метронома успокаивал жителей города. Это означало, что враг не вошел в город, это вселяло надежду: не войдет.

Город каменными губами
Обеззвученно шевелит.
И один только стук метронома:
Будто это пульсирует камень —
Учащенно и неотступно —
Жив-жив-жив-жив.

Город жил. Ежедневная почта шла на радио. Это было сигналом: «Вас слушают. Вас ждут». И редакторы, дикторы, диспетчеры, звукорежиссеры знали: ослабевшие люди прижимаются ухом к тарелке радиорепродуктора, чтобы слышать. И они слышали знакомые голоса. Вместе с редакторами и корреспондентами несли свою военную вахту на радио дикторы и актеры. Им, опухшим от голода, нужно было не выдать свою слабость и, включив в точно определенное время микрофон, заставить себя говорить. Говорить как всегда, как будто не погибли их родные, как будто в студии тепло и светло.

Михаил Меланед, Нина Федорова, Давид Беккер, Зинаида Зубова, Екатерина Монахова, Мария Петрова... Через двадцать пять лет после войны одна из блокадниц, М. Прудонинская, прислала Михаилу Меланеду стихотворение «Диктор», написанное ею в апреле 1943 года. Оно о том, как зву-

чали по радио – на улице, в домах, на заводах – знакомые голоса. Вот строки из этого стихотворения:

Его мы никогда, ни разу не видали,
Нам все равно, красив он или нет,
Но голос без ошибки узнавали —
У микрофона диктор Меланед.

...

Мы пережили вместе бесконечно много,
И вспомним все. Не можем ничего забыть,
Пока не кончится последняя дорога,
Пока не оборвется жизни нить.

Дикторы Радиокomiteта военной поры навсегда запомнили волнующие эпизоды тех дней. М. Меланед вспоминал: «Както во время воздушного налета фашистских стервятников и артобстрела мы с Федоровой читали из радиостудии передачу для партизан Ленинградской области. Вдруг взрыв. Здание нашего Радиодома вздрогнуло, где-то совсем рядом упала бомба, разорвался снаряд. Мы продолжали читать. Взрывной волной выбило оконную раму в студии, осколок попал в дикторский пульт. Но прекратить передачу нельзя: нас слушают народные мстители...» «Прекратить передачу нельзя» – слова, ставшие как бы паролем Дома радио.

Умолкнувшее радио означало беду, случившуюся с городом. Во время сильных бомбежек и так называемых комбинированных налетов (обстрел и бомбометание сразу) люди спускались в бомбоубежище. Но всегда на месте оставался диспетчер – самоотверженный человек, который бесстрашно переносил самые сильные налеты, когда взрывы раздавались в нескольких десятках метров. Диспетчеры Татьяна Воробьева, Надежда Кудряшова, Надежда Кузьменко, Валентина Смирнова, звукооператор Мария Клеенышева – без их участия не проходило ни одной передачи.

Весной 1942 года немцы видели, как искрят дуги первых апрельских трамваев, они понимали, что удушить голодом ленинградцев не удалось. Пытаясь сломить непокорный Ленинград, фашисты ожесточили артиллерийские и воздушные налеты. Уничтожение «зондер-центра», как они называли радиостудию, оставалось одной из важных задач. Однажды диктор Екатерина Монахова и артист Константин Миронов должны были вести передачу «Письма с фронта и на фронт». К таким передачам внимание было особое: десятки тысяч людей, потерявших друг друга, надеялись услышать знакомые имена. И вот едва передача началась – обстрел. Снаряды ложатся все ближе по улице Ракова, попадают в соседние дома. Но передача продолжается.

И это не исключение – это будни блокадного радио. Во время литературной передачи, которую вел Владимир Ярмагаев, погасла маленькая лампочка, вмонтированная в пульт.

Казалось, передача не состоится. Стук метронома заменит голос актера. Но диктор, который был тут же, рядом, сделав лучину из сломанной табуретки, осветил ею пульт. Передача продолжалась.

Работа дикторов была невероятно трудной, потому что приходилось не только самим держаться через силу, но и призывать к этому других. Однажды руководитель Радиокomiteта раздраженно спросил диспетчера: «Почему читал не Меланед?» – «Он не в силах, весь опух». – «Как же так, ведь только вчера я дал ему полтора килограмма... столярного клея». Михаил Меланед упал в голодный обморок, закончив чтение клятвы балтийских моряков. Его сразу же увезли в стационар для дистрофиков. Там подкормили, и он вернулся в строй, вновь читал самые ответственные передачи. Главным делом своей жизни М. Меланед считал выступление перед микрофоном 27 января 1944 года. В этот день диктор зачитывал приказ войскам Ленинградского фронта и всем защитникам города о полном снятии блокады и салюте в честь победителей. Уже в блокадные дни об ушедших товарищах считали долгом сказать их коллеги. Ведь на какое-то время исчезло понятие похорон, прощания. В первый майский день в стенгазете Радиокomiteта появился первый за 1942 год некролог, на который обратил внимание А. Фадеев. Некролог как бы означал возвращение к норме.

В начале лета 1942 года В. Кетлинская в одном из выступлений по радио вспоминала о погибшем поэте-юмористе, че-

ловеке больном и несильном. «Он работал для радио, писал стихи, фельетоны, песни. Писал дома, в Лесном. И ежедневно к трем часам он вышагивал много километров от Лесного в центр города и приносил свою очередную радиопередачу. Иногда он шел под обстрелом, снаряды свистели над головой. Но всегда вовремя появлялся в Радиокомитете, получал задание и в ранних зимних сумерках выходил в обратный путь, чтобы к утру выполнить работу... Однажды, попав под сильный артиллерийский обстрел, он мне сказал: „Знаете, я вдруг подумал, что если бы об этом рассказать в Ташкенте или в Омске, там бы сказали: „Да это герой!“ А ведь у нас все так делают!“» Это был Владимир Волженин. В январе он был совсем плох. В феврале его не стало: успели вывезти за блокадное кольцо, но спасти уже не могли.

На пределе сил, теряя сотни тысяч своих граждан, перенес Ленинград зиму 1941–1942 годов. Разделяя судьбу ленинградцев, жили тогда работники Дома радио. Этот быт – голод, холод, постоянное нервное напряжение от бомбежек и обстрелов, которыми враг хотел заставить Ленинград замолчать, – во многом определил сам характер передач блокадного радио.

ОБЩЕГОРОДСКАЯ ТРИБУНА

Радиомитинг. Только по ГТС. 12 тысяч километров проводов.

Красноармейская радиогазета.

Фронтовые биографии. Коллективный организатор.

Из Таврического дворца 14 сентября 1941 года по радио из Таврического дворца транслировался митинг молодежи Ленинграда. На нем выступали слесарь Кировского завода, рабочий завода имени Ленина, краснофлотец, летчик-истребитель, секретарь городского комитета партии и писатель. Проведение такого митинга, получившего огромный резонанс, было делом очень рискованным: бомбежка или обстрел могли сразу уничтожить сотни людей. Транслировать митинги и многолюдные собрания стало нельзя, а потребность объединить ленинградцев возрастала. Тогда и возникла мысль о проведении радиомитингов, поддержанная городским комитетом партии. Эта важнейшая форма политического вещания родилась в блокадном Ленинграде.

О первом радиомитинге войск Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота и трудящихся города Ленина бывший секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Н. Шумилов рассказал автору этих строк: «Я хорошо помню, как готовились мы к празднованию двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции. Обычно накануне это-

го дня проводились собрания и митинги, а 7 ноября – демонстрация на площади Урицкого. Теперь праздновать пришлось по-другому. Вопрос специально решался в городском комитете партии. В результате появилось постановление горкома от 5 ноября 1941 года о проведении праздника в Ленинграде. Среди других мер было принято решение провести 7 ноября в 12 часов дня радиомитинг, на котором выступят партийные и военные руководители, а также представители трудящихся. Решение сразу стало известно в райкомах, партийных организациях. Поэтому в час, когда шел митинг, его специально слушали на всех заводах и фабриках, которые продолжали работать».

Как и в дни демонстраций, с радиомитингов раздавались громкие призывы: «Никогда не бывать врагу в городе Ленина!», «Слава героям Ленинграда!», «Да здравствует Красная Армия!». Митинги посвящались всенародным праздникам – майскому и октябрьскому, они проходили в годовщину начала войны и, конечно же, в дни самых памятных событий – дни прорыва вражеской блокады, взятия Берлина, в праздник Победы. В часы торжеств, как и в горькую пору, ленинградское радио было со своими гражданами.

Радиомитинг становился свидетельством единства армии и народа, его проведение в блокадном городе означало: мы не можем выйти сейчас на парад и демонстрацию, как в былые, мирные дни, не будет на улицах праздничных колонн. У нас боевой рабочий день – мы все на войне. Но и сейчас

мы демонстрируем верность своему делу и долгу. По радио на митингах выступали: командующий фронтом генерал Л. Говоров, секретарь горкома партии А. Кузнецов, командующий флотом адмирал В. Трибуц, председатель Ленгорисполкома П. Попков, генералы, ученые, писатели, уже знакомые ленинградцам по своим выступлениям.

Многие ленинградцы побывали в годы войны в Доме радио или встречались с репортерами. Так же как без журналистов и писателей нельзя представить себе блокадное радио без тысяч людей – летчиков, танкистов, бойцов МПВО, рабочих, ученых, которые выступали у микрофона. За первые двадцать месяцев войны ленинградцы услышали голоса трех тысяч фронтовиков, выступали сотни передовиков производства, многие хозяйственные и партийные руководители.

Конечно, дело не только в цифрах, но и они подтверждают, что радио не напрасно называли общегородской трибуной. Население города с этой трибуны чаще всего представляли женщины: после ухода большинства мужчин в армию они составили подавляющую часть рабочих на заводах и фабриках. 27 сентября 1941 года в течение дня горожане узнали об общегородском митинге женщин, услышали выступления работниц фабрики «Красное знамя», их обращение к ленинградцам. Выступления швейниц были записаны. Мария Проскудина сказала: «Фашисты, видя, что бомбежкой и обстрелом нас не запугать, посылают к нам сво-

их шпионов, шептунов, пытающихся посеять среди нас панику. В своих отравленных листовках гитлеровцы уговаривают жителей пропустить их в город. Не на таких напали, господа». В своем обращении «краснознаменки» призывали работниц Ленинграда: «Будьте нетерпимы к трусам, паникерам, шептунам, антисемитам. Разоблачайте и предавайте суду явных и скрытых пособников врага». В информации с общегородского митинга, где выступали рабочая и дружинница, артистка и ученая, приводились слова обращения ленинградских женщин: «Женщины города Ленина! Подумайте о близкой зиме. Готовьте для фронта теплые вещи. Организуйте кружки рукоделия. Шейте и вяжите в них белье для бойцов».

Работники политвещания делали все, чтобы в самую трудную пору как можно шире предоставить трибуну боевому и трудовому Ленинграду. Когда речь идет о тысячах выступлений, невозможно рассказать даже о малой их части, однако назвать наиболее характерное необходимо. О трудовой дисциплине говорил слесарь машиностроительного завода, о первом фронтовом заказе – ученик ремесленного училища, о качестве вооружения – директор завода, о противохимической обороне – военный комиссар штаба МПВО, о народных мстителях – редактор партизанской газеты. Главный архитектор города призывал заботиться о каждом доме, врач рассказывал о том, как предохранить себя от заболеваний. Старые питерские рабочие, депутаты первого Совета 1905

года, делились радостью: на собранные ими деньги куплен пулемет.

С радиотрибуны доносились голоса людей, которых разлучила война. Дважды в день шли передачи «Письма с фронта и на фронт». У них был вполне конкретный адрес, он менялся, и каждый раз ленинградцы ждали, что назовут их улицу, их дом. «Улица Марата, 73, квартира 18, Анна Лаврентьевна Бедарева, подойдите поближе к репродуктору. Сейчас вы услышите голос своего мужа с фронта...»; «Слушайте новогодние приветы защитников Ленинграда. К Лидии Ефимовне Шаровой обращается ее муж Сергей Александрович Ершов...»; «Говорит бывший агроном, ныне артиллерист Степанов: „Привет вам всем, земляки, и тебе, моя старушка, любимая мамаша, живущая в городе Борисоглебске. Будь уверена, что сын, воспитанный тобой, сумеет постоять за Родину“». Это из передачи на Москву, оттуда привет артиллериста Степанова пойдет дальше... Адреса – один, другой, пожелания, расспросы, слова верности. «Я часто думаю, что разлука учит больше ценить и любить близкого тебе человека». Письма в несколько строк и страницы, исписанные карандашом, детские каракули на открытке и четкий, уверенный почерк...

Тысячи людей обращались к помощи радио. Эти дружеские слова поддержки слышали защитники Эзеля, Гогланда и полуострова Ханко, продолжавшие бороться в глубоком тылу врага. В передачах для партизан письма читались

без упоминания фамилий: «Партизан Федор Яковлевич С.! Вам пишет ваша жена Антонина Ивановна. Повторяю». Тут же следовал дважды повторенный адрес отправителя письма. Диктор просил запомнить – от кого и кому отправлены эти письма, передать товарищам: «Весточка от близких людей обрадует их и вселит в них новые силы и энергию».

Письмам с фронта и на фронт не только посвящались отдельные передачи, порой они были частью какой-то большой программы, например концеранса к концерту для бойцов. В середине концерта ведущий зачитывал несколько писем. Некоторые из них шли с одного фронта на другой. Заместителю политрука энской части товарищу Судиковскому пришло письмо от жены, медицинской сестры Татьяны Рыбкиной, с энского военно-санитарного поезда. Письма говорили о суровом времени, о судьбах тысяч и тысяч. Поэтому-то они волновали не только их адресатов. Нередко журналисты комментировали письма: «Маленькое письмо – тетрадный листок, свернутый треугольником. Далекий путь оно прошло: из колхоза имени Ворошилова, Бухарской области... Маленькое письмо, говорящее о большой, кровной связи фронта и тыла, о дружбе наших народов». Письмо краснофлотцу узбеку Г. Даулатову напоминало бойцам из Средней Азии об их родных домах, о том, что и о них думают за тысячи километров от Ленинграда. Бойцы прислушивались: может быть, назовут знакомое имя.

Об этих передачах сохранились многие воспоминания.

«На рассвете возвращаюсь домой. Ненастье. Ревут водосточные трубы. У громкоговорителя несколько человек. Останавливаюсь. Рядом женщины в пестрых кацавейках и мужчины в резиновых плащах. Прочитаны все сводки с фронта, а люди не расходятся. Чего они ждут? И сразу вспоминаю: сейчас будут передаваться письма с фронта и на фронт. Величественная и торжественная переключка! Из конца в конец страны доносится родным знакомый и ласковый голос. Кто услышит сегодня о близких?» Так записал в своем «Ленинградском дневнике» Виссарион Саянов. Спокойный голос, входящий в квартиру, – письмо сына, отца, мужа, призывы с радиомитингов, репортажи – до скольких ленинградцев могли дойти все эти передачи, какова была аудитория радио? В конце 1924 года через первые два репродуктора – у Гостиного двора и на углу Надеждинской улицы¹⁹ и Невского ежедневно толпы людей в часы передач слушали музыку, новости. Летящие из рупоров звуки воспринимались как одно из чудес развития техники и науки. Через четверть века так же были восприняты зрителями первые изображения на телевизионном экране. Но к тому времени, когда телевидение только зарождалось, радиофикация Ленинграда достигла размаха огромного. К 1940 году ленинградцы имели в своих квартирах свыше четырехсот тысяч репродукторов. В самом начале войны радиофикация продолжалась: почти полмиллиона семей, практически весь Ленинград мог слы-

---

¹⁹ Ныне улица Маяковского.

шать радио.

На многих текстах передач есть резолюция: «Только по ГТС»; «Трижды по ГТС»; «Утром и вечером – ГТС». О чем же радио сообщало лишь по городской трансляционной сети? О внутренней жизни города, о том, что касалось жителей Ленинграда. Поэтому приходилось неоднократно повторять: «Товарищи радиослушатели! В городе военное положение... По радио передаются сообщения штаба противовоздушной обороны... Не выключайте репродукторы!» В июне 1941 года еще кому-то об этом нужно было напоминать. Потом такие предупреждения исчезли. Ленинградцы привыкли, что в любую минуту репродуктор может принести сообщения, важные для всех. В июне это было постановление о сдаче приемников, в июле – о введении карточек, в августе – приказ начальника МПВО снести деревянные заборы и постройки. Эти решения печатались в газетах, но переданные многократно, они были услышаны сотнями тысяч – дома, на улицах, в цехах, в булочных.

Сигналы штаба МПВО об очередной воздушной тревоге, постановления и приказы давались на радио для немедленного исполнения. Некоторые передачи носили характер напоминания, они предупреждали, подсказывали, советовали. Само появление бесед, например о том, где и как укрыться при воздушной бомбардировке, говорило о непосредственной угрозе налетов противника уже в августе 1941 года, когда город еще не бомбили. В эти же дни ленинградцы слыша-

ли многократно: «Будьте готовы на случай воздушного налета врага. Проверьте светомаскировку». В сентябре горожане узнали, что такое свистящий звук, вслед за которым раздается гулкой, грохочущий раскат. Едва разрывался первый снаряд, как вся радиотрансляционная сеть района, с сотнями километров линий, десятками тысяч репродукторов, мощными уличными динамиками и несколькими усилительными подстанциями, переключалась в распоряжение штаба МПВО.

И сообщения о воздушной тревоге, и оповещение об обстреле немедленно приносило радио. Сообщалось, какие площади и улицы обстреливаются, приостанавливалось движение. Жители получали указания о наименее опасных сторонах улиц. Подобная служба оповещения была исключительно делом радио. Других средств мгновенно поднять весь город к отпору не существовало. Радио сообщало о тревоге и артобстреле, и оно же несло «о хлебе весть» – слова, от которых зависела жизнь. В начале ноября 1941 года радио передавало предупреждения о том, что некоторые граждане небрежно хранят карточки, которые, в случае потери, не будут возобновляться. Извещения горторготдела за подписью И. Андрееенко передавали из уст в уста, их боялись пропустить. О первом повышении хлебной нормы 25 декабря большинство жителей узнало также по радио.

Все эти сообщения, приказы, напоминания не были просто информацией. Военный совет и городские власти благо-

даря радио зимой 1941–1942 годов могли поддерживать максимально возможный в этих условиях порядок в городе, облегчать хоть немного жизнь ленинградцев.

Но как же удалось сохранить двенадцать тысяч километров проводов трансляционной сети? Ведь рушились дома, летели с крыш железные стойки, на которых шла проводка, воздушные волны рвали проволоку и спутывали ее. И все же обрывы устранялись, аварийные бригады шли в зону обстрела, сутками не уходили с поста. Еще и еще раз осколок зенитного снаряда, бомба разрушали радиомагистраль, и снова радисты уходили на свою вахту. Случалось, на разрушенных домах каким-то чудом сохранялись опоры сетей без проводов, но добраться до них не было сил. Тогда приходилось вести линии по новой трассе. С сентября по декабрь 1941 года сеть была разрушена в 1177 адресах. Возле командного пункта дирекции Ленинградской городской радиотрансляционной сети (ЛГРС) прямым попаданием бомб ранило 148 и убило 98 человек. Пока был бензин, восстановительные бригады пользовались машинами, потом пришлось ходить пешком.

Во многих воспоминаниях о блокаде сказано, что радио говорило тихо и даже шептало. Так давал о себе знать энергетический голод. В декабре 1941 года Ленинград получил лишь десятую часть необходимой ему электроэнергии, в январе эта цифра упала до 4 процентов. Возникла серьезная угроза остановки усилительных подстанций. Тогдашний

главный инженер ЛГРС Н. Павлов пишет: «С помощью руководителей кабельной сети Ленэнерго Н. Ежова и Е. Лаврова удалось часть подстанций подключить к силовым фидерам, питавшим госпитали, хлебозаводы и наиболее важные промышленные объекты города. Произведенные перетрассировки... обеспечивали в новых условиях работу всей сети, но часть ее действовала при пониженном напряжении».

Вот почему радио стало шептать. Но, чтобы оно хоть шептало, требовались усилия сотен людей. По свидетельству Н. Павлова, электроэнергия на некоторые подстанции подавалась только в определенные часы суток, чтобы передачи сводок Совинформбюро звучали как можно громче. Это давало экономию энергии, но помещения стали промерзать, стены и аппаратура покрывались плотным слоем инея. До сих пор лишь в специальной печати²⁰ рассказывалось о подвиге, без свершения которого ленинградское радио могло замолчать на довольно долгое время. Подвиг этот совершил коллектив ЛГРС. Когда стало ясно, что город остался почти без электроэнергии, руководители сети (начальником был Н. Тарасов) приняли неотложные меры по созданию собственных энергетических баз. По ледовой трассе с Большой земли доставили в Ленинград дизели и генераторы и начали строительство собственных блок-электростанций. Конечно, это были небольшие сооружения, но все-таки пришлось класть фундамент, прокладывать кабели, монтировать оборудова-

---

²⁰ См.: Радиотехника. 1971. № 10.

ние. Кончился запас радиоламп. Решили заняться регенерацией старых.

Ленинградцы продолжали слушать сводки, городские новости, сообщения штаба МПВО, не подозревая даже, какая борьба шла за то, чтобы голос Ленинграда продолжал звучать. Пять электростанций были введены в строй в блокадном Ленинграде. Они обеспечили автономным электропитанием узловые подстанции центра города, Петроградской и Выборгской стороны, Васильевского острова, они позволили часть энергии отдать заводам, работавшим для фронта.

Радио продолжало свой разговор с ленинградцами и фронтовиками. Среди писем, приходивших на радио, все больше становилось солдатских треугольников без марок. Это означало, что близость фронта позволила десяткам тысяч воинов слушать передачи по городской сети. Их слушали не только в частях, расположенных в самом Ленинграде, не только в госпиталях, батальонах выздоравливающих, подразделениях МПВО, но и в Колпино, и на ближайших городских окраинах.

Так возникла в самом конце октября 1941 года «Красноармейская газета» по радио. Она стала своеобразной школой боевого опыта, рассказывала о лучших бойцах, предоставляла им слово. Газета была совместным начинанием радио и Политуправления фронта. Как и в «Радиохронике», в создании выпуска газеты участвовали журналисты и писатели, ее трудно представить без живых репортажей. Передо-

вая статья призывала бороться за высокое звание гвардейца или овладевать опытом наступательного боя, она посвящалась зенитчикам, летчикам, артиллеристам. Авторами этих статей были, как правило, те же самые журналисты, которые готовили передачи для молодежи или организовывали материалы для «Радиоохроники».

Начиная с ноября 1941 года все делалось совместно, людей в редакциях стало меньше, а работы больше прежнего. Газета для воинов строилась нешаблонно. Случалось, ее открывал репортаж, или шел указ о награждении, или читалась передовая «Красной звезды». В каждом номере назывались имена лучших бойцов фронта. Сотрудничавшие в «Красноармейской радиогазете» писатели работали по заданию редакции. Их очерки были органичны, они служили интересам газеты в целом.

Когда «Красноармейская газета» начала давать материалы о снайперском движении, Виссарион Саянов написал серию коротких очерков. Они передавались в двух номерах начала января сорок второго. Конечно, по своему стилю, образности очерки выделялись в радиогазете, но рассказывали они о конкретных людях – о снайпере Шубине, о действиях одиночного стрелка. Конкретность очерка не помешала писателю создать эмоциональное, взволнованное произведение: «По этим крутым холмам я хаживал поздними вечерами в прошлую зиму. Каким ярким был тогда отблеск далекого электрического зарева над снегами. Огни Ленинграда...

Их видел путник, шедший по узким лесным тропинкам, в их ровный, немеркнувший отблеск с волнением вглядывался пассажир дачного поезда... Теперь можно только догадываться, где они пылали тогда». Саянов рассказал об истребительной войне с фашизмом, погасившей огни наших городов, заставившей думать о прошлой мирной жизни с болью и тревогой.

Для «Красноармейской газеты» писал свои рассказы «О героизме и доблести» Е. Федоров. И эти писательские выступления были естественны рядом с корреспонденциями журналистов и политработников о товарищеской выручке и действии в бою пулеметной установки на лыжах. Из «Красноармейской газеты» слушатель мог составить представление о фронтовых биографиях многих командиров и бойцов. Вместе с военной печатью радио возвращалось не один раз к подвигам воинов подразделений и частей Федюнинского, Бондарева, Краснова, рассказывало о снайперах Пчелинцева и Смолячкове, экипаже подлодки командира Грищенко, летчиках, танкистах, саперах, отличившихся в боях. Многие улицы нынешнего Петербурга носят сейчас имена этих героев.

Радио неоднократно возвращалось к рассказу о людях, которых уже знали ленинградцы. Осенью 1941 года были переданы рассказы майора Краснова о боях на подступах к городу. Весной 1942 года передавались очерки о полковнике Краснове и его дивизии. Спустя несколько месяцев ленин-

градцы слышали по радио выступление гвардии полковника, а затем и генерала Краснова. Журналисты и писатели не только следили за успехами боевых командиров, своими выступлениями они поддерживали инициативу и решительность людей. Радио не могло пройти мимо трагической темы, оно отдавало долг погибшим бойцам. В двадцать девятом номере «Красноармейской газеты», 30 января 1942 года, передавалась корреспонденция «Воин-большевик» – о бойцах армии Федюнинского, о мужестве политрука Ивана Старцева, о письме его жены, которое он прочел перед своим последним боем... Такие очерки и корреспонденции укрепляли доверие слушателей к материалам радио. С весны 1942 года слушателей у «Красноармейской газеты» стало больше: 7 апреля председатель Радиокomiteта в письме в Политуправление фронта сообщил, что газета передается не только по городской сети, но и вышла в эфир и теперь «уверенно слышна во всех армиях Ленинградского фронта». Успешный опыт осенних и зимних передач 1941–1942 годов привел к организационным переменам.

Вот распоряжение по Радиокomiteту от 1 июня 1942 года: «Согласно решению Военного совета ленгруппы войск Ленфронта с 1 июня с. г. в Радиокomiteте организуется специальная редакция фронтового радиовещания. В ее задачу входит выпуск „Красноармейской газеты“ по радио, пропаганда военно-тактического опыта, организация документальных внестудийных передач и репортажей и вещание писем

с фронта и на фронт. Кроме того, военная редакция должна обеспечивать оперативной военной информацией выпуск „Последних известий“».

Ответственным редактором фронтового вещания был назначен прикомандированный к Радиокomiteту Политуправлением батальонный комиссар (затем капитан) Е. Поляков. Принятое решение отражало уже существовавшее положение дел. Радио, естественно, не могло только информировать. Оно развивало организаторскую работу. Не было в блокадном Ленинграде ни одного начинания, которое прошло без существенного участия в нем радиожурналистов. И, так же как приказы и постановления, звучавшие по радио, эти начинания характеризуют саму жизнь города на разных этапах блокады.

В конце января 1942 года одна из передач для молодежи называлась «Комсомол в быту». Секретарь комсомольской организации прядильно-ткацкой фабрики и другие участники передачи делились опытом помощи населению. Речь шла о самом насущном – топливе для квартир, работе столовой, теплом белье, поддержке больных. Слушателям не нужно было разъяснять, что эти больные – в основном дистрофики, каких в Ленинграде были сотни тысяч. В феврале и в марте, рассказывая об опыте бытовых отрядов, радио, по существу, организовывало их. Эта организационная работа проявлялась по-разному.

Репортажи с субботника по уборке города и передача

очерков «На улицах Ленинграда в дни марта» и «Преодоление испытаний» показывали горожанам, что стало сейчас первоочередной задачей. В перерывах между передачами звучал лозунг-призыв, в котором тоже подчеркивалась главная тема дня: «Ленинградец! Ты помог войскам Ленинградского фронта остановить врага, отстоять родной город... С такой же настойчивостью и упорством борись за преодоление трудностей, вызванных блокадой».

Решение Ленгорисполкома «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города» было принято 26 января 1942 года. Речь шла о спасении жизней десятков тысяч ленинградцев. День за днем в выпусках «Последних известий» (чаще всего с пометкой «только по ГТС») шли сообщения о работе управхозов, об уборке лестниц, о санитарных комиссиях. 21 февраля корреспондент радио сообщал, что в одном из домов на улице Марата «в двух теплых светлых комнатах устанавливается 11 кроватей. Здесь больные будут получать уход и питание». В следующей корреспонденции рассказывалось о сессии Свердловского райсовета, обсуждавшей те же проблемы; и снова звучало обращение: «Товарищи! Быстрее наведем чистоту и порядок на улицах, во дворах и домах Ленинграда».

Достаточно было услышать хотя бы часть сообщений в выпусках «Последних известий» (из семи на протяжении дня), чтобы понять, каковы сейчас самые неотложные задачи. 20 февраля корреспондент А. Пятницкая сообщала о шефстве

парторганизации завода над домохозяйствами: «Рабочие отремонтировали в доме кипятильник, комсомолцы завода повседневно заботятся о больных – носят им дрова, воду, кипятят чай».

Обнадеживающе звучали эти сообщения в голодном Ленинграде середины февраля сорок второго. Конкретная информация мобилизовывала людей. Смысл всех этих известий был таков: да, еще умирают наши близкие, еще занесены сугробами улицы и холодно в домах, но вот где-то на Боровой, на Лиговке, Большой Московской пущена в ход прачечная, установлен кипятильник для общего пользования, оборудована специальная теплая комната для больных. Сделай то же и в своем доме.

Слово «голод» не произносится, но дыхание голода ощущается в каждой из этих заметок, передаваемых «только по ГТС». Без пафоса и надрыва 26 января 1942 года, в один из двух дней, когда из-за отсутствия электроэнергии остановились хлебозаводы и смертность была наивысшей, радио сообщало о подвиге, совершенном рабочими энской фабрики, которые «без электроэнергии, применяя ручной труд, наладили выпуск продукции и организовали бесперебойную работу ведущего цеха». Спустя несколько дней тот же коллектив справился с перебоем водоснабжения: «В свободное от основной работы время рабочие доставили на фабрику сотни ведер воды...» В будущей летописи блокадного города, очевидно, найдется место и заметке о расширении сети об-

щественного питания, переданной 20 февраля: «Стахановцы – повара и кулинары – настойчиво работают над изысканием дополнительных источников питания. На фабриках-кухнях, пищекомбинатах и в крупных столовых налажено массовое производство фруктового желе, студня из яичного порошка, разных изделий из казеина. Кроме того, развивается производство глюкозы и витамина С из хвои».

12 февраля корреспондент обращался к директору треста хлебопечения с просьбой рассказать о работе хлебопекарной промышленности. 16 февраля в корреспонденции М. Фролова говорилось о заведующей булочной. 17 февраля тот же журналист сообщал об открытии при одной из фабрик детского дома для детей погибших воинов.

Все эти материалы поддерживали дух ленинградцев, звали людей, еще сохранивших свои силы, работать в санитарных комиссиях, помогать более слабым, наводить порядок в жилищах. Особое место в передачах политического вещания на протяжении всей блокады занимала тема боевого братства ленинградцев и воинов-фронтовиков. В информации «Последних известий», в корреспонденциях и репортажах шли сообщения о поездках делегаций заводов и фабрик на передовую. Корреспонденты сообщали о подарке, походной кухне, за которой прибыли на завод представители воинской части, о шефстве над госпиталями, о варежках, посланных бойцам молодежью Дзержинского района. Радио рассказывало о том, что комсомольцы Ленинского района помогают

в подшефном госпитале стирать белье и ухаживать за ранеными.

Конкретность, документальность материалов оказывали большое эмоциональное воздействие на слушателей. «Как помогают шефы вашему госпиталю?» – с таким вопросом обратился к комиссару одного из госпиталей Сибиркину корреспондент «Последних известий». Эта беседа состоялась 9 февраля 1942 года. Рубрика «Город – фронту» в передачах становилась постоянной, она способствовала размаху этого движения: сбору денег и подарков, медикаментов и теплых вещей. По радио передавалась телеграмма бойцам-федюнинцам от коллектива энской фабрики, информация о поездке на боевой корабль делегации Октябрьского района.

Главное же, все эти материалы посвящены были «человеку с ружьем», окруженному всеобщей заботой. В одной из передач 1942 года прозвучали слова из письма генерала Федюнинского, обращенного к своей семье: «За смерть Василия отомщу немецким бандитам». Из письма было видно, что известный в Ленинграде военачальник потерял близкого человека. Отправляя письмо через радио, поверяя согражданам свое, глубоко личное, генерал тем самым подчеркивал: у нас общие беды, общее горе и борьба.

На новом этапе борьбы ленинградцев осязаемей стало практическое руководство Радиокomiteетом со стороны городского комитета партии. Оно отразилось в документах,

среди которых особое значение имело постановление горкома ВКП(б) от 23 марта 1942 года «О постановке радиовещания в Ленинградском радиокомитете». Вспоминая об этом постановлении, Н. Шумилов и В. Ходоренко подчеркивают, что оно принято в переломный момент, когда главные трудности зимы остались позади. В этой обстановке нужны были решительные меры во всех сферах экономики, культуры, быта.

«Мы требовали от работников Радиокомитета, – рассказывает Н. Д. Шумилов, – улучшить качество передач, больше привлекать к выступлениям партийно-хозяйственных работников. Мы считали, что теперь на радио должны прийти все художественные силы города. Если в конце осени, в обстановке усиливающегося голода, мы рекомендовали воздержаться от музыкальных передач, то теперь в постановлении горкома прямо говорилось: музыку нужно передавать чаще, до четырех-шести раз в течение дня, не ограничиваться тонфильмами и грамзаписью, а привлекать ансамбли и другие художественные коллективы. В постановлении специально поднимался вопрос о необходимости шире вести передачи не только по городской сети, но и в эфир, за пределы блокадного кольца».

Вдумаемся в эти решения, представим себе, сколько забот было у городского руководства в марте 1942 года, и мы поймем значение работы радио в те дни. Передачи политического вещания отразили все текущие проблемы, которые встава-

ли перед блокадным городом. В октябре 1941 года, сразу после принятия решения о всеобуче, последовали выступления на эту тему, весной и летом 1942 года по радио регулярно велась пропаганда сельскохозяйственных знаний, рассказывалось об организации огородов. Постоянно выступал с беседами главный агроном Горземотдела. Руководитель объединения огородников одной из фабрик сказал: «Разведение овощей – сегодня тоже оборонная работа». Рядом с боевыми сводками шли сообщения: разбит огород на месте детской площадки на улице Каляева, начался сев в Московском районе. И опять главный агроном Михайлов советовал, как выращивать скороспелые овощи. Десятки информации, бесед, корреспонденции об индивидуальном огородничестве помогли ленинградцам собрать урожай с городских земель.

Большая часть организационной работы приходилась на долю редакции «Последних известий». Имена редакторов и корреспондентов радио М. Фролова, М. Мерник, С. Альтцигер, А. Пятницкой, З. Лифшица, Е. Озолиной, Х. Шуффер редко назывались, но то, что они писали, слышали все. «Передаем последние известия» – по несколько раз в день повторялись эти слова. Утренний выпуск, дневной, вечерний... Люди невольно поворачивались к репродуктору, когда диктор обращался к ним: «Слушайте последние известия».

В каждый выпуск старались включить хоть небольшой репортаж, без него известия теряли документальную основу. Поскольку больших, масштабных событий на Ленинград-

ском фронте не происходило, стремились сообщать о фактах, которые могли подтолкнуть к обобщению. В известиях говорилось о снайпере, уничтожившем сотни врагов, о летчике, протаранившем фашистский самолет, о бойце, заслонившем командира от вражеской пули. Это была информация организующая, зовущая. Также прозвучали интервью с пятнадцатилетним рабочим одного из ленинградских заводов и короткий рассказ девушки, которой удалось вырваться с оккупированной территории.

На протяжении всей блокады велись специальные передачи для молодежи. Здесь были беседы, репортажи, информация. Многие трудности жизни фронтового города отразились в этих материалах. Ведь на плечи молодежи легли бытовые отряды, заготовка топлива в преддверии второй блокадной зимы, шефство над ранеными воинами. «Молодые стахановцы военного времени», «Что ты делаешь для фронта?», «Дружинницы города Ленина», «Молодежь – на лыжи», «Комсомол в быту» – таковы лишь некоторые направления работы радио с молодежью. По существу же к ней были обращены и многие другие передачи. Большую часть воинов – и флота, и армейских частей – представляла молодежь. Тысячи комсомольцев отличились в боях, в отрядах МПВО. Их имена звучали по радио, они выступали как в программах для молодежи, так и в других передачах.

Особую роль сыграли передачи «„Смена“ по радио». Их появление связано с теми сложностями, которые возникли

при выпуске газеты из-за перебоев электроэнергии. В декабре 1941 года «Смена» выходила трижды в неделю, формат ее был уменьшен, до нескольких тысяч сократился тираж. И все же бывали случаи серьезных опозданий и задержек с ее выходом в свет. В книге «Вечный огонь Ленинграда» бывший редактор газеты А. Блатин пишет, что первая передача «„Смена“ по радио» состоялась 25 декабря: «Мы договорились с В. А. Ходоренко, в прошлом активным комсомольским работником, о выпуске „Смены“ по радио»... Передачи были небольшими – минут пятнадцать, тем не менее мы успевали рассказать о текущих задачах – в передовой статье и сообщить информацию о комсомольской жизни».

Выпуск газеты по радио был одобрен партийным руководством города, и в течение целого месяца, с 9 января по 8 февраля 1942 года, когда удалось лишь однажды напечатать газету, ее устный выпуск был фактически единственным органом информации и пропаганды ленинградской молодежи. Нужно сказать, что эти материалы были необходимы и самому радио, которое в январе – феврале имело ограниченный запас информации для весьма кратких в ту пору передач. Организаторская работа радио не носила характер случайный, не походила на скоропалительный отклик, быстро проходящую кампанию. Радиожурналисты точно улавливали потребности ленинградцев, большие и малые проблемы.

Среди передач детской редакции обращает на себя внимание радиорассказ о школьниках, которые продолжали учить-

ся зимой 1941–1942 годов. Они собирались на одной из квартир; на очередные занятия пришла девочка, только что потерявшая свою мать. В апреле 1942 года радио обращалось к ребятам с призывом помочь разнести письма, накопившиеся за зиму.

Многое было сделано радиожурналистами для создания в Ленинграде бытовых отрядов и пропаганды лучших из них, особенно осенью 1942 года. Наступала вторая блокадная зима, и хотя она оказалась гораздо легче первой, все же это была зима в блокадном городе. В разгар Сталинградской битвы по радио передавали «Рассказ о большом сердце», написанный журналисткой М. Мерник. Журналистка писала о девушках из бытового отряда Приморского района, которые помогали пожилым людям заготовить дрова, принести продукты. В очерке М. Мерник упоминается фамилия одного из героев Сталинградской битвы – полковника Гуртьева, ставшего широко известным после выступлений в «Красной звезде» писателя В. Гроссмана («Направление главного удара»). Журналистка рассказала, как девушки из комсомольского отряда помогли матери Гуртьева, живущей в Ленинграде. Слушатели невольно связывали события, происходившие за сотни километров друг от друга: помогая ленинградке, матери героя, комсомолки укрепляли дух и волю защитника Сталинграда.

Начиная раздел передачи для молодежи, который назывался «Трибуна бойцов бытовых отрядов», ведущий гово-

рил: «Товарищи бойцы и командиры Красной Армии! Петроградский райком комсомола попросил нас сегодня представить трибуну бойцов бытовых отрядов Тамаре Арсеньевой. Отец Тамары до войны работал механиком на Кировском заводе. Сейчас он воюет с фашистами на фронте. Товарищ Арсеньев Леонид Дмитриевич, слушайте вашу дочь Тамару Арсеньеву». Тамара, обращаясь к отцу, говорила о своих делах, о ленинградской жизни: «У нас теперь живет Зоя Васильева. Помнишь, я с ней все дружила, еще когда войны не было. У Зои все умерли, и мама взяла ее на воспитание... А еще, папочка, я теперь начальник бытового отряда. Это такой отряд, который помогает семьям фронтовиков».

Удивительный документ. В обыденном тоне девочка-ленинградка говорит о своей подруге, у которой «умерли все». Для Ленинграда, потерявшего каждого третьего жителя, в этих словах – констатация сурового факта. И то, что девочка могла быть начальником бытового отряда, а пятнадцатилетние подростки стояли у станков, никого не удивляло. Это будни фронтового города. Самое важное в этой передаче – прямое обращение к фронтовику. Леонид Дмитриевич Арсеньев мог и не услышать слов дочери, но тысячи отцов крепче сжимали оружие, слушая выступление Тамары. Ведущий обращался затем к бойцу Савельеву: «Слушайте, товарищ Савельев, как комсомольцы заботятся о вашей семье». Затем выступала командир бытового отряда Володарского района Нина Смирнова. Такие передачи несли добрую весть, заме-

НИТЬ ИХ НИЧТО БЫ НЕ МОГЛО.

ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ

Памяти журналиста. «Нам сейчас нелегко».

Математика в бою. Семья Плотниковых.

«Я обращаюсь к Вам, королевский астроном...»

«Все увидеть самому». От имени Сани Григорьева.

Политическое и художественное вещание в годы войны выполняло общие задачи. Поэтому важно не столько подчеркнуть различие между ними, сколько указать на то, что их объединяло. Характер всей нашей пропаганды в дни войны изменился. Раньше трудно было представить себе, что буквально в каждом номере «Красной звезды» станут появляться писательские статьи, а «Правда» предоставит газетные полосы для пьес К. Симонова и А. Корнейчука. Деятельность писателя не могла тогда ограничиться какой-либо одной формой литературной работы. Когда летом 1944 года при освобождении Эстонии погиб писатель и журналист Юрий Севрук, видные советские литераторы написали о нем в некрологе: «Он делал все, что должен делать настоящий писатель-фронтовик: писал рассказы, очерки, корреспонденции, стихи, фельетоны, военные статьи и заметки». Обратим внимание: «рассказы и заметки», «стихи и военные статьи». Таков был диапазон работы фронтового писателя. Он отразил особенность времени, и эта особенность сказалась на всей деятельности редакций ленинградского ра-

дио. Теперь политвещение не могло обойтись без жанров, которые обычно шли «по другому ведомству», – без очерка или писательского выступления; с другой же стороны, «Радиохронике» потребовался повседневный информационный материал, который, казалось, естественней было слышать в очередном выпуске «Последних известий».

В рамках «Радиохроники» возник раздел «Ленинградский блокнот». Его материалы готовили совместно журналисты и писатели. Авторы информации, корреспонденций, интервью каждым своим словом поддерживали ленинградцев, вместе с тем они понимали ценность этих материалов и для будущего. Действительно, на страницах «Ленинградского блокнота» отразилась картина жизни и борьбы жителей города. В «Блокнот» попадали самые разнообразные материалы. И заметка, и стихотворный отклик на какое-нибудь событие, и письма. Писатели и журналисты организовывали выступления свежие, оригинальные.

В декабре 1941 года профессор Б. М. Эйхенбаум говорил о работе над инсценировкой «Войны и мира» в Театре имени Ленинского комсомола. Казалось, можно ли думать о литературе, музыке, искусстве, когда хлебная норма была «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам». Но профессор, один из крупнейших знатоков Толстого, развивал мысль о драматургической природе творчества великого писателя. Б. Эйхенбаум сказал: «Это не инсценировка, а работа совсем иного и нового типа, иного масштаба, иного

идейного, общественного и художественного значения. Созданный театром сценический вариант, помимо всего другого, обнаруживает драматургическую сущность или основу в композиции „Войны и мира“, которой до сих пор не замечали и не учитывали, воспринимая роман Толстого произведением исключительно эпическим, повествовательным...» Профессор утверждал, что работа над спектаклем «заставляет заново поставить или пересмотреть вопрос о драматургии Толстого вообще – не только о его пьесах, но и его драматургических принципах и возможностях, частично осуществленных в романах». Запомним дату: 14 декабря 1941 года. Сам факт выступления знаменателен. Сущность его, как и самой работы над спектаклем, выразил режиссер М. Чежегов: «Пусть знают враги – Ленинград живет, ленинградский театр ставит „Войну и мир“...» Спектакль поставлен не был. В конце зимы театр эвакуировали. Но репетиции шли, люди работали. И если не все, то многое удавалось осуществить людям искусства в блокадном городе.

В одном из выпусков появилось «Радиописьмо к другу ленинградцу», с которым в январе 1942 года обратился инженер-химик Николай Дмитриевич Залевский: «Здравствуй, дорогой товарищ! Я не знаю тебя в лицо, не знаю твоего имени... Нам с тобой сейчас нелегко. Это письмо я пишу при свете коптилки. И не только это письмо. При свете коптилки я, старый инженер-химик, пишу свой научный труд. Вдобавок у меня мерзнут руки, и мне хочется есть. Мне несколь-

ко не стыдно говорить об этом, ибо не один я живу в таких условиях. Так живешь и ты, мой друг ленинградец». Письмо было написано в том же ключе, что и другие передачи радио, обращенные к согражданам. Ведь сам Залевский был одним из сотен тысяч радиослушателей.

А рядом с письмом ленинградского инженера шло выступление молодого рабочего, который две смены провел в цехе, делал снаряды. И еще – заметки, интервью, беседы. Например, заметка о детских новогодних праздниках: «С пятого по седьмое января (1942 года. – А. Р.) в лучших театрах нашего города проводились общегородские елки для школьников. Особенно хорошо провел это мероприятие Театр музыкальной комедии. В этом театре на елке были организованы соревнования учащихся на лучшую разборку винтовки, пулемета, проводились консультации по военным вопросам». Обычный, будничный тон. Но, кажется, само время писало заметку. Школьникам, к счастью, не знающим, что такое война, хорошо бы сейчас услышать о зимней елке первого военного года.

Естественно, без каких-то попыток «оживить материал» давалась едва ли не вся информация «Ленинградского блока», будь то беседа, документ, обращение. Например, интервью с руководителем фронтового театра миниатюр: «Ведущий: „И часто вы уезжаете на фронт?“ – Артист А. Д. Бениаминов: „Наоборот. Мы очень редко выезжаем в Ленинград. Находимся все время на фронте. Там же готовим но-

вую программу“» (январь, 1942). Или телеграмма из приуральского села Монастырка: «Срочная, Ленинград, Фонтанка, 76, райком партии и отдел наробразованя Фрунзенского района. Передайте родителям, что все дети 26-го интерната здоровы. Работайте спокойно, крепите оборону Ленинграда» (июнь, 1942).

Все это – и военизированная елка, и фронтовая работа театра, и забота о спасенных от голода детях – страницы истории блокады, документы, мимо которых не пройдут ее будущие летописцы. Уже в дни войны радиожурналисты отобрали лучшее и составили рукопись небольшой книги, которую так и назвали: «Ленинградский блокнот». На титульном листе они написали фамилии всех авторов, с тем чтобы представить труд как коллективный. Работа, которая так и осталась рукописью, была посвящена «памяти журналиста Леши Мартынова». Вот фамилии, стоявшие на обложке: В. Ардаматский, Я. Бабушкин, О. Берггольц, Д. Славентантор, М. Тевелев, Евг. Домбович, И. Кратт, Л. Мартынов²¹.

Из «Блокнота» (значительная часть вошедших в него материалов не печаталась) можно узнать, как жили ленинградцы, как они работали, защищали свои жилища от бомб, устраивали в блокадную зиму выставку дипломных работ в Академии художеств. В «Блокноте» были беседы и интер-

---

²¹ В «Радиоблокноте» также появлялись материалы Н. Вагнера, Г. Макогоненко, В. Дружинина, М. Жестева, С. Марвича, Д. Левоневского, Н. Паперной, А. Половникова, В. Тресвятского и других.

вью, выступления, очерк о трамвае, идущем на фронт, и короткая эмоционально напряженная зарисовка «Хирург», имеющая свой законченный сюжет. Вот она (ее написал И. Кратт): «Известный хирург, ученый с европейским именем, сидит у большого стола с разбитой стеклянной доской. Оконная рама вырвана взрывом, и холодный октябрьский ветер врывается сквозь щель, заложенную книгами. Поджав ноги, кутаясь в плед, согревая дыханием зябнущие пальцы, ученый пишет учебник для студентов. Время от времени он встает, невысокий, плотный, быстро ходит по комнате. Затем снова садится за стол. Он только что сделал три ответственных операции, через час предстоят новые. А между операциями он пишет, старается использовать каждую минуту свободного времени. Ему предложили эвакуироваться вглубь страны, и он ответил словами великого Пирогова: «Хирург едет на фронт, а не с фронта»».

Информационный раздел «Радиохроники», ее «Блокнот», не содержал художественных произведений. Но, казалось бы, разрозненные сообщения создавали целостную картину. Вот почему эти материалы одинаково интересны и историку, и художнику, автору повести или романа о блокаде. Ведь эти интервью – часть духовной жизни Ленинграда. Они волнуют и своим содержанием, и самим фактом: это было в ноябре, декабре, январе страшной блокадной зимы.

Пожалуй, самой главной особенностью «Блокнота» была широта, с какой он отражал ленинградскую жизнь зимних

месяцев. Так, в начале декабря изо дня в день рассказывалось о мужестве рабочих, железнодорожников, дружинниц. И тут же журналисты сообщали о флотском ансамбле песни и пляски Якова Скомаровского, о работе композитора В. Богданова-Березовского.

Много дополнительных трудностей вставало перед журналистами. Нельзя было назвать точного заводского адреса – это был военный объект. Что говорить об адресах предприятий, если в очерке А. Фадеева сказано: «Рыбинская, 5. Название этой улицы и номер дома – вымышленные: я пишу эти строки в дни, когда город еще доступен артиллерийскому обстрелу. Это – квартира Тихонова». Приходилось «зашифровывать» продукцию или умалчивать о возрасте рабочего. Записи коротких выступлений переносили слушателя в заводской цех, на объект МПВО или же на боевой корабль. Выступали комендант общежития, начальник цеха, профессор литературы.

Никогда радио мирных дней не привлекало так часто к сотрудничеству рядовых граждан. Раньше чаще всего подходили к микрофону лучшие, известнейшие – стахановцы, писатели, деятели искусства. Теперь же домохозяйка, управхоз, пожарник стали заметными фигурами – и они были на переднем крае борьбы. В кратких интервью, в небольших заметках была не просто информация. Факт становился значительным, он отражал необычность времени.

Вот корреспондент Всесоюзного радио в Ленинграде В.

Ардаматский говорил о демонстрации фильма «Чапаев» в одном из рабочих клубов, вот сообщалось о выставке дипломных работ в Академии художеств. Можно представить себе, что ощущали ленинградцы, слушая в декабре 1941 года об этой выставке и о демонстрации фильма. Радио говорило ленинградцу об испытаниях, которые выпали на долю всех, о том, что в стороне от борьбы сейчас не может остаться никто.

Молодой ученый, двадцатилетний лейтенант Юрий Линник, вспоминал о своей профессии – математике: «Война ворвалась в мою жизнь еще в начале моей научной работы: два года назад я прервал подготовку своей диссертации, в которой разрабатывались проблемы высшей арифметики в приложении к кристаллографии, и отправился на фронт... Войну с финскими фашистами я провел на фронте в качестве командира артиллерийского метеорологического поста, а весной сорокового года защитил диссертацию. Я приступил тогда к новым важным и увлекательным изысканиям. Но когда совершилось гнусное предательское нападение на нашу страну, я понял, что нацистские бандиты угрожают не только моей Родине, но и ее культуре, ее математике, занимающей одно из первых мест в мире... Теперь я командир взвода топографической разведки артиллерийской части – вместе со мной и моя математика заняла свое место в бою». Так говорил ученый 6 ноября 1941 года, выступая в сто тринадцатом выпуске «Радиоэтики». Его слушатель мог ни-

чего не знать о кристаллографии, но одно он понимал хорошо: нет сейчас дела важнее борьбы с фашизмом. Во имя жизни, во имя науки.

В октябре шестьдесят восьмого года я показал текст этого выступления академику Юрию Владимировичу Линнику, и он сразу вспомнил и место расположения взвода, и командира полка Сергея Корпачева, и поездку в Радиокomitee с фронта у Средней Рогатки, и журналиста Сергея Цимбала, который подготовил его выступление. Казалось, мы говорим о событии совсем недавнем. В «Радиоблокноте», который журналисты хотели собрать в единую книжку, как правило, не указывалось авторство отдельных материалов. А вот в тексте передач перед каждой беседой или репортажем «Радиохроники» стоят фамилии. Речь идет об огромной организационной работе журналистов. Это они привлекали к передачам и руководителей ленинградской обороны, и ее рядовых участников.

Журналистскую работу приходилось вести даже тем редакторам радио, которые были прежде от нее далеки, имели обычно дело с литературными материалами. Редактор детского вещания писательница К. Меркульева вспоминает, как, ослабевшая, ходила в один из южных районов города собрать материал о ребятах, тушивших зажигалки. Писательница В. Кетлинская в корреспонденции для Совинформбюро рассказала об одном из посещений Дома радио: «Присаживаюсь у редакционного стола и читаю наметку будущей

передачи. Моя роль в этой передаче – „черная“, надо организовать и отредактировать выступления других, продумать общий план, представить слушателям выступающих. Мы все делаем много черновой работы...»

Журналисты радио были пропагандистами и организаторами. Они искали новые формы передач в условиях, когда, казалось, и обычное вещание вести становилось невозможно. Писатели В. Дружинин и Л. Кронфельд предложили политевещанию большой цикл передач, основанных на обобщенном материале. Герои (семья Плотниковых) были вымышлены, но обстоятельства их жизни – вполне реальны. Плотниковы работали на заводе, жили, как и все, в промерзшем доме, дежурили на крышах, тушили зажигалки.

По мысли авторов и редактора А. Пази, этот рассказ о типичной ленинградской семье призван был передать атмосферу блокадной жизни. Конечно, такие передачи не могли стать преобладающими – обычно в основе были факт, документ, прямой репортаж, но рядом с ними, очевидно, могло быть и подобное обобщение.

В большей своей части «Радиохроника» строилась на документах. Среди них было множество писем. И тех, что приходили на радио как непосредственный отклик слушателей, и тех, которые получали ленинградцы с фронта и с Большой земли. Адресаты охотно передавали письма радиожурналистам, понимая их общественное значение. Так, на одной из страниц «Ленинградского блокнота» появилось пись-

мо профессора Всероссийской академии художеств, знатока древнерусского искусства Михаила Константиновича Каргера. Профессор писал с фронта одному из своих учеников: «Пошел третий месяц моей походной жизни... Должен сказать со всей решимостью, что я вернусь к своей привычной работе только после полной и окончательной победы. Как ни заманчива мысль о научной работе, как ни тоскливо бывает иногда без книг, я выполняю здесь скромную и абсолютно необходимую работу и стараюсь выполнять ее как можно лучше... Привет всем студентам. Пусть не забывают о древнерусском искусстве. Новгород, Псков и Киев потребуют специалистов по реставрации древнерусских городов. Если вернусь, будем вместе, не покладая рук, работать над восстановлением этих замечательных городов».

Напомним о времени, когда профессор писал свое письмо: поздняя осень сорок первого. Враг тогда стоял под Москвой, Киев и Псков были глубоким немецким тылом, в Лондоне и Нью-Йорке подсчитывали, сколько еще продержатся русские. Искусствовед Каргер мечтал о реставрации древнерусских городов, математик Линник гордился местом своей науки в бою. Оба они думали о будущей победе, верили в нее, отстаивая Родину, защищали науку и искусство. Журналисты ленинградского радио помогли им встретиться со слушателями, сказать о самом важном деле жизни, о самой жизни, которой угрожал враг.

Во всех этих случаях радио, конечно же, не оставалось

только посредником. Радиожурналисты помогали готовить выступление Линника, с ними советовался профессор К. Огородников, прежде чем обратиться, в частности, к английским коллегам. Пожалуй, резонанс от речи К. Огородникова был наибольшим. В ту пору портрет профессора-красноармейца появился в печати, а работники Радиокomiteта сумели вызвать Огородникова на самое короткое время в город и попросили сказать несколько слов у микрофона: «Товарищи! Всю жизнь я был сугубо штатским человеком... занимался отвлеченными вопросами звездного неба. Скажу откровенно – мало когда приходилось держать в руках винтовку». Профессор говорил о потрясших его событиях. В той части речи, которую он произнес по-английски, ученый не только напомнил королевскому астроному Спенсеру Джонсу и профессору Смарту о совместных научных интересах, он объяснял, что заставило его на время оставить занятия астрономией. «На моих глазах, дорогие коллеги, пылало на днях... здание знаменитой Пулковской обсерватории, подожженной фашистскими бомбами». Разумеется, наука, которой занимался Огородников, решала не только «отвлеченные вопросы». После войны, в наступившую космическую эру, астрономия в союзе с математикой и физикой подняла в воздух невиданные прежде корабли, позволила им найти верный курс. Но все это было потом, а в 1941 году приходилось брать в руки винтовку и ученым.

В зимние месяцы 1941–1942 годов «Радиохроника» во-

брала в себя результат усилий многих работников Радиокomiteта. Однако, наряду с этой регулярной передачей, ежедневно и по городской сети, и в эфир шли корреспонденции, очерки, статьи, подготовленные политическим вещанием. И здесь нередко авторами или организаторами материалов являлись журналисты и писатели, уже знакомые нам по «Хронике».

Самыми важными материалами считались в редакциях сообщения военных корреспондентов. Их в самом Радиокomiteте было всего несколько человек, поэтому новостей с фронта всегда не хватало. Фронтовые газетчики, политработники, бывая в городе, обычно приходили в Дом радио. Корреспондент ТАСС П. Лукницкий изо дня в день вел дневник, который составил трехтомную летопись блокады. Часть этих записей передавалась по радио, они, помимо прочего, раскрывали принцип журналистской работы: «Все увидеть самому». В октябре 1941 года в своей корреспонденции П. Лукницкий приводил запись, сделанную в бою. Было получено задание: обстрелять врага прямой наводкой. И корреспондент вместе с бойцами отправился на это задание. «Одно дело, – замечает он, – писать, пользуясь расспросами бойцов и командиров, другое – посмотреть на все глазами непосредственного участника».

П. Лукницкий был верен этому принципу. С явным удовлетворением он записал в дневнике 31 октября 1941 года: «Вчера в 9.30 вечера – мое „выступление у микрофона“ (пе-

редавали записанный рассказ „На корректировочном пункте“). Как раз между двумя налетами!» Лукницкий писал и о трудных оборонительных боях, и о первой блокадной зиме, и о наступлении января сорок четвертого. Он написал о блокаде документальную работу, не стал на ее основе создавать художественное произведение, знал, что и воспоминания, и документы пригодятся для будущего.

Другой военный корреспондент, А. Розен, автор очерков, корреспонденций и рассказов, нередко выступал перед микрофоном. Он был связан с радио, выполнял прямые задания Радиокomiteта. Писатель вспоминал, как журналисты радио «угадали» его возможности, помогли раскрыть себя. В очерках А. Розен чаще всего писал о бойцах и командирах одной дивизии, с которой был связан. Но, кроме того, выполняя задания Радиокomiteта, он работал над корреспонденциями о других героях фронта, о знатных снайперах, встречал партизанский обоз и вместе с партизанами ездил по частям 55-й армии, побывал в Аварийном восстановительном полку.

Случалось, разные очерки А. Розена передавались по несколько раз в течение недели. Зимой 1942 года Александр Розен начал писать не только корреспонденции, но и рассказы, в которых раскрывал психологию ленинградцев, нашедших силы спасти себя, не дать голоду убить в них людей. Спустя четверть века после тех первых рассказов А. Розен выпустил книгу «Разговор с другом». Эта мемуарная проза – достоверное свидетельство очевидца подвига Ленинграда

и одновременно авторская исповедь. Есть в ней, среди прочих свидетельств того, как рождается литература, интересные соображения журналиста и литератора о выступлении по радио: «Нельзя представить себе, что книгу твою читают строчка за строчкой одновременно сто, двести или тысяча человек. Даже самый популярный газетчик не может рассчитывать, что тысячи читателей в одну и ту же минуту и все вместе вцепились в одну только, пусть самую сенсационную, заметку. По радио тебя одновременно слушают, строчка за строчкой, самые разные люди, которым ты обязан быть близким».

Вот почему так спешили журналисты, писатели прийти на радио сразу после возвращения с передовой или из глубокого немецкого тыла. Журналист и поэт Л. Равич, вернувшись из партизанского края, выступил в одном из номеров «Радиохроники». Поэт Б. Лихарев три недели провел у партизан. Он выступал в передаче «Для партизан и временно оккупированных районов». «„Мы еще увидимся – или здесь, или в городе Ленина, – говорили мне партизаны, – мы дорогу знаем...“ Тотчас после возвращения я воспользовался возможностью по радио передать вам горячий свой привет из Ленинграда». Лихарев прочитал свой очерк «В гостях у партизан» и несколько стихотворений. Сразу же после выступления писателя передавалась информация о боевых делах народных мстителей.

Передачи для партизан проводились регулярно по со-

гласованию с Политуправлением фронта. Обычно в них включались, кроме последних известий, обзоры событий на фронте и боевые репортажи. Эти сообщения широко использовались в работе среди населения захваченных врагом районов. Ленинградцы стали свидетелями повседневной журналистской работы многих литераторов. Передавались фронтовые записи Г. Мирошниченко и очерк Л. Славина о летчике Хлобыстове. Выступления носили вполне конкретный характер, объясняли, как вести себя в сложных военных обстоятельствах. Такими были корреспонденции Н. Вагнера «Истребители бомб» и Д. Славентантора «Так обезврежена бомба». Очерки В. Ардаматского, И. Крагга, С. Спасского рассказывали о боях под городом, Н. Михайловский писал о морях Балтики. Благодаря широкому охвату событий радио раскрывало перед слушателем картину борьбы жителей города и бойцов фронта, сообщало о Кронштадте и Малой земле (очерк Л. Успенского), давало советы и отвечало на вопросы, поставленные временем. В военной обстановке заметка в несколько строк при каких-то обстоятельствах могла сегодня оказаться важнее очерка, написанного на другой день.

По-разному складывалась и судьба произведений, которые писались фактически в момент свершения событий. В ноябре 1941 года военный журналист Владимир Рудный рассказал ленинградцам о подвиге ханковцев. Эта передача была продолжена в последующие дни. Так начиналась его бу-

дущая книга «Гангутцы». В ноябре – декабре ленинградское радио пригласило к микрофону писателя Рудольфа Бершадского, передавало очерки Владимира Беляева, автора знаменитой «Старой крепости», Вениамин Каверин выступил по просьбе работников радио с обращением к молодым балтийцам от имени героя «Двух капитанов» Сани Григорьева. В. Каверин вспомнил об этом случае, выступая по радио через много лет, в августе 1972 года. Он тогда рассказал, как сомневался, можно ли так поступать, ведь Саня Григорьев в какой-то степени плод его творческой фантазии, хотя она и опиралась на вполне реальные факты. Но радиожурналисты стояли на своем, зная, что молодежь тридцатых годов любила этого героя В. Каверина. Она тоже хотела «бороться и искать, найти и не сдаваться». Можно сказать, что выступление В. Каверина было для него одним из толчков к продолжению «Двух капитанов».

Было бы неправильно думать, что в разнообразной деятельности политвещания писатели играли роль меньшую, чем журналисты. Они сами все были журналистами, делали одно общее дело. Каждый в меру своих способностей и таланта. Ведь именно писатели в дни войны подняли журналистику на высоту, доселе небывалую. Наверное, каждый из писателей – военных корреспондентов мог бы составить о войне собственную книгу, и она бы не повторяла работы его коллег, как не повторяли друг друга передачи О. Берггольц, Н. Тихонова или А. Прокофьева.

Л. Радищев, писатель и журналист, рассказывал о том, как 30 декабря 1941 года, где-то в конце Московского проспекта, невдалеке от переднего края, он услышал свое собственное (записанное) выступление, в котором, в частности, говорил, что «жители ленинградской окраины ясно слышат глухой стук пулеметных очередей». Корреспондент видел воронки от бомб и снарядов, слышал пулеметные очереди. Находясь на городской окраине, он в то же время был на общегородской трибуне, в студии Радиокомитета, откуда звучали его слова: «Фронт еще близок к Ленинграду, но все же сейчас, на седьмом месяце войны, на пороге нового года, немецкие войска бесконечно далеки от нашего города».

В архиве Радиокомитета сохранилось немало корреспонденции и очерков писателей, которые, к сожалению, не выпустили книг, обобщивших их фронтовой опыт. Не успел подготовить ее Л. Радищев, нет такой книги у С. Кары, хотя отдельные его очерки выходили брошюрами еще в 1943 году. «Люди на войне» – назвал один из очерков, прозвучавших по радио, А. Садовский. Так, очевидно, мог бы он назвать и свою книгу. Речь идет, разумеется, не об издании всего написанного тогда – многое устарело, – но есть в этих очерках и корреспонденциях и такое, что звучит сегодня.

Через десятилетия очерк Д. Славентантора, написанный для радио, воспринимается не как информация или отклик на события, – как эпос. «24 ноября на лед спустились первые машины с грузом. Вдали на горизонте шоферы увидели

низко стелющийся дымок. То пробивался сквозь льды, воло-
ча за собой баржи с грузом, последний пароход». Потом бы-
ли написаны поэмы и книги о Дороге жизни, но что может
сравниться с суровой прозой этого первого очерка... Неред-
ко писатели и журналисты даже не подозревали, что их кор-
респонденции и очерки передаются по радио. Н. Чуковский,
Л. Успенский, В. Василевский, А. Тарасенков, С. Варшав-
ский и Б. Рест выполняли задания редакций газет, их посы-
лали в боевые части и на корабли Политуправления фронта
и Балтийского флота. Да и слушатель не всегда мог отличить,
что написано для газеты, а что специально для радио, когда
передача подготовлена литературным вещанием, а когда по-
литическим: он ждал вестей с фронта и получал их.

Для самих же авторов это был бесценный опыт – он при-
вел многих журналистов в литературу, стал первоосновой
будущих повестей и романов. Очерк А. Крона «Интеллиген-
ция корабля» (он прозвучал по радио) прямо перекликает-
ся с его пьесой, а рассказ «Я держу мой флаг», который ав-
тор считал «беглой зарисовкой, недалеко ушедшей от обыч-
ной газетной корреспонденции», был, по признанию писате-
ля, тем семечком, из которого проросли и пьеса «Офицер
флота», и роман «Дом и корабль». Многими нитями связа-
ны военное и послевоенное творчество журналистов, лите-
раторов. Весной сорок второго в Ленинград приехал А. Фа-
деев. Он много ездил по Ленинградскому фронту и немало
времени провел на Балтийском флоте. На радио Фадеев при-

шел не только чтобы выступить, но и самому увидеть, чем оно стало в те дни. Очерк «Что я видел в Ленинграде» Фадеев прочел сам, а через день передавался другой его очерк – «На переднем крае». Военные корреспонденты сообщали о событиях в полках и ротах, о боевой разведке, об удачном артиллерийском налете на вражеские позиции. Порой их работа казалась незаметной – не так-то легко говорить о героизме обороняющейся армии.

В дни нашего наступления слушатели и читатели старались не пропустить ни одного сообщения корреспондентов. Эд. Аренин писал о боях за Шлиссельбург, П. Лукницкий запечатлел начало прорыва. А. Розен вел репортаж из наступающих частей. Он писал о первых наступательных боях еще в декабре 1941 года, а в январе 1944-го рассказывал о боях, освобождавших Гатчину. Все эти корреспонденции передавались по радио. Не осилили бы радиожурналисты тяжелой военной ноши, если бы остались одни, если бы не пришла к ним на помощь вся «пишущая братия» – журналисты военных газет, ТАСС, «Ленинградской правды».

Но и при этом в трудную пору декабря – января материалов не хватало. Сохранившиеся рукописи «Радиохроник» лишь частично напечатаны на машинке. Тут же идут газетные вклейки, карандашная и чернильная правка. Машинистки были не в силах вновь перепечатывать материалы. Радио, естественно, использовало газетные статьи, но нередко важнейшие материалы попадали в Радиокomitee немедленно, до

газетной публикации, потому что и в обкоме партии, и в Военном совете 88-го фронта знали – это самый кратчайший путь в ленинградские квартиры, на заводы и фабрики.

Известная статья «Враг у ворот», опубликованная 16 сентября в «Ленинградской правде» в качестве передовой, была еще до выхода газетного номера передана по радио. Радиожурналисты получили ее непосредственно из Смольного. Огромное значение для поднятия морального духа ленинградцев имела беседа с председателем Ленгорсовета П. С. Попковым в январе 1942 года, когда он сказал, что самые тяжелые дни остались уже позади. Эта беседа также передавалась по радио за день до публикации в газете. Трудно переоценить роль печати блокадного города. Многие журналисты-газетчики были награждены боевыми орденами. Но обстоятельства сложились так, что в течение нескольких месяцев, когда газеты не доставлялись вовремя и, разумеется, не расклеивались по городу, радио стало главным источником информации, главной связующей нитью граждан Ленинграда. И радиожурналисты чувствовали эту свою ответственность.

РЕПОРТЕР У МИКРОФОНА

Первая «репортажка». «Внимание!

Мы говорим с фронта!» Фронтная бригада.

Тихвин – свободен. Поезд с Большой земли.

Граждане фронтного города жили под обстрелом и бомбежками, тушили зажигалки на крышах, спасали раненых. Описание всего этого, уместное в других условиях, порой оказывалось ненужным. Важно было перенести микрофон на место событий – пост МПВО, боевой корабль, передний край. Долгое время деятельность репортеров сдерживалась несовершенством и громоздкостью аппаратуры. В частности, поэтому в довоенную пору репортажи чаще всего велись из театров и концертных залов, со стадионов.

Во время войны положение изменилось. В конце августа в Ленинграде появился пригнанный из Таллина автобус, оснащенный новейшей немецкой звукозаписывающей аппаратурой. Командование фронтом передало автобус в распоряжение Дома радио. Главный инженер Радиокomiteта Н. Свиридов, его товарищи А. Сафронов и П. Палладин, обеспечивавшие техническую сторону вещания, сразу поняли, какие возможности открывает перед Ленинградским радио репортажная машина. Правда, сначала она была лишь средством передвижения. Еще незнакомый аппарат звукозаписи – магнитофон – оказался без ленты. И тогда в машине установили гро-

моздкий шоринофон. Он-то и позволил уже осенью 1941 года готовить оперативные репортажи, входившие в передачи для фронта и флота, в выпуски «Последних известий» и «Радиохронику». Их использовали все редакции, они звучали по центральному вещанию. Многие репортажи неоднократно повторялись. В городе стали привычными передачи, которые начинались словами: «Внимание! Внимание! Мы говорим с фронта...» И, слушая голоса людей, которых отделяли от фашистов несколько сотен метров, ленинградцы ощущали дыхание близкого боя.

Выбор места репортажа, его первоочередность определялись существенными обстоятельствами. Узнав от товарищей из отдела контрпропаганды, что генерал Дитрих объявил о потоплении крейсера «Киров», репортеры готовили передачу с «потопленного» крейсера. Моряки-балтийцы встречали смехом заверения Дитриха, и этот смех слышали в Ленинграде и в Берлине. Через несколько месяцев группа партизан Ленинградской области перешла через линию фронта в Ленинград. Один из партизанских командиров, выступая по радио, говорил о том, как слушали в немецком тылу этот репортаж с крейсера: «Что тут с нами было – мне не рассказать! Живы и Ленинград, и флот... Мы тотчас наших агитаторов в села, рассказывать, что не сдан Ленинград и не сдается». Так репортаж опровергал гитлеровскую брехню.

Фронтовая бригада работала самоотверженно, а красно-белый автобус хорошо знали защитники Ленинграда.

Всего за час добирался он до переднего края, а потом на десятки метров приходилось тащить в траншею микрофонный шланг. Так было до тех пор, пока не разыскали в одном из научных институтов магнитную ленту. Целых восемь тысяч метров пленки! Всего восемь тысяч – на всю войну, на всю блокаду. Но теперь репортеры становились поистине вседушными. В одном из отчетов о работе фронтового вещания говорилось: «Редакция проводила передачи из окопов, огневых позиций артиллеристов, наблюдательных пунктов, с самолета, находящегося в воздухе, с танка, с аэродромов, с кораблей, со дна Финского залива, где работали водолазы, с боевых аэросаней».

Возможно, нынешний читатель, избалованный достижениями науки и техники второй половины двадцатого века, видевший прямые репортажи с Луны, спокойно отнесется к сухим строкам отчета, но бывший фронтовик оценит их по достоинству: каждый из этих репортажей мог стать для журналиста последним. Мы говорим об автобусе, магнитофоне, пленках. Все это важные вещи. Но они были лишь предпосылкой успеха. Главными оставались люди. Их труд в сложнейших условиях войны и блокады. Руководил фронтовой бригадой корреспондент Моисей Блюмберг. О нем его товарищи вспоминают как о человеке большого мужества и обаяния. Чтобы взять интервью у одного из командиров на передовой, М. Блюмбергу пришлось около километра ползти по насквозь простреливаемой автоматным и пулеметным огнем

дороге. Позже М. Блюмберг полетел на самолете-торпедоносце, устроившись в его крыле: хотел записать звучание боевой атаки. Рядом с М. Блюмбергом был его товарищ, корреспондент Лазарь Маграчев, который, казалось, рожден, чтобы стать репортером. Сгусток энергии, журналист, не способный сидеть на одном месте, наверное, и без «репортажки» сумел бы проделать большой путь по дорогам войны. Л. Маграчев не просто работал, он творил у микрофона, искал формы радиорепортажа.

«Голос фронта» становился неотъемлемой частью передач ленинградского радио. Эффект документальности действовал безошибочно. Репортаж из явления эпизодического, каким он был вначале, все более превращался в важнейшую часть работы всего Радиокomiteта. Автобус непрерывно выезжал на боевые рубежи, он прошел по Ладожской трассе, он появлялся на аэродромах и боевых позициях, и ленинградцы становились свидетелями волнующих событий. Когда Герой Советского Союза летчик Харитонов вторично протаранил вражеский самолет, радиомашинка находилась в расположении аэродрома, где приземлился летчик. Он тут же выступил у микрофона и рассказал слушателям подробности необыкновенного сражения.

Справедливо считая Ленинград фронтом, репортеры фронтовой бригады сделали немало оригинальных репортажей из заводских цехов и госпиталей. Репортаж М. Блюмберга и Л. Маграчева «Снова в боевой строй» представлял со-

бой записанную беседу комиссара госпиталя с выздоравливающими бойцами. Репортаж передавал нетерпение воинов вернуться на фронт, их веру в нашу победу. Краткий репортаж Л. Маграчева позволил услышать, как проверяет свою продукцию – автоматическое оружие – работница одного из заводов Женя Никитина. В другом случае репортер запечатлел выход тяжелых танков из цеха после ремонта. Однажды репортеры пригласили радиослушателей на городскую окраину, где упал фашистский самолет. Зенитчики рассказывали, как он был сбит.

Но, конечно, основные репортажи шли с фронта. Один из них, поистине уникальный, был сделан из осажденной врагом крепости Орешек, расположенной на маленьком островке в истоке Невы. Осенью 1942 года Л. Маграчев и А. Сафонов были переправлены на лодке в Орешек. С собой пришлось взять магнитофон и автономное энергоснабжение. Десять дней прожили они среди защитников крепости, в ста восьмидесяти метрах от левого, немецкого берега. Вся запись шла на фоне непрерывной артиллерийской и ружейно-пулеметной стрельбы. Когда репортеры вернулись, их поздравили с большим успехом: Орешек был одним из самых горячих участков фронта. Радио трижды в течение нескольких дней повторило репортаж.

На «репортажке» стоял первый в нашей стране магнитофон. Такой связи с фронтом радиовещание еще не знало. Работники ленинградского радио были пионерами фронтового

репортажа, и это придавало им силы в голодную зиму. Наряду с корреспондентами должны быть названы и члены бригады, которые обеспечивали техническую сторону дела, – инженеры Н. Свиридов и А. Сафронов и оператор звукозаписи Л. Спектор. Любовь Спектор – единственная в бригаде женщина – переносила все тяготы полукочевой жизни. Приходилось заниматься не только звукозаписью (часто под огнем противника), но и порой быть просто грузчиком. Второго оператора не было, поэтому, когда часть группы выезжала на специальные задания, без Л. Спектор обычно не обходилось. Однажды на обратном пути из Кронштадта катер начал тонуть. Спектор вместе с двумя матросами держала магнитофон на вытянутых руках. К счастью, катер не затонул. Она летала и в партизанский край. На обратном пути самолет чудом не разбился, летчики сказали об этом Радиолюбушке, как они ее называли, уже совершив посадку.

Ряд репортажей Л. Спектор подготовила с корреспондентами радио В. Петушковым и Е. Поляковым. С первым на торпедных катерах она побывала на одном из островов Финского залива, вместе со вторым ездила в дивизию генерала Краснова, когда ей вручали гвардейское знамя – первое на Ленинградском фронте (запись сохранилась). На Пулковских высотах Л. Спектор и Л. Маграчев приехали в расчет полковой артиллерии, состоявший из пяти братьев Батюковых. «Побывала», «ездила», «приехали» – нужно помнить, чем в ту пору были Финский залив, Пулково, Ладога. Это

был передний край ленинградской обороны. Под Пулковом машина стала заметной мишенью, и противник бил по ней прямой наводкой. Но журналистов, казалось, заботило не это, а несовершенство микрофонов, которое делало запись близких разрывов похожей на хлопки. Думали не о грозящей опасности – о магнитной ленте. Устранить плохо звучащие места – значило прибегнуть к монтажу. Тогда целые метры ленты могли пропасть. Ленту экономили, резать не хотели, она должна пригодиться для дальнейших записей. В таких условиях работа все же была доведена до конца. Репортаж из Пулкова состоялся.

Репортажную машину называли филиалом Дома радио. Обладая автономным энергопитанием, она позволяла делать записи на самых отдаленных от города участках фронта. Радиожурналисты учитывали потребность бойцов в живом слове, музыке. Нередко бойцы слышали из радиомшины записанную на пленку несколько часов назад сводку Информбюро, которая пришла бы сюда позже. Воины получали возможность услышать Москву, Ленинград, услышать радио, которое таким образом доходило до переднего края. Наряду с репортажами делались записи для передачи «Письма с фронта и на фронт».

«Репортажка» укрепляла связи города с фронтом и страной. Большая часть репортажей с места событий была подготовлена фронтовой бригадой с помощью автобуса, но случилось, что и на нем нельзя было добраться до места событий, а

рассказать о них следовало немедленно. Так случилось, когда в декабре 1941 года, в еще «домагнитофонную эру», пришла весть об освобождении Тихвина. Мысль об организации радиопередачи из Тихвина была одобрена в Ленинградском горкоме партии и Военном совете фронта²². Взяв с собой шоринофон, микрофон, микрофонные шланги, А. Пази и Н. Свиридов приехали на аэродром. Волоком тащили по снегу громоздкую, килограммов на восемьдесят, аппаратуру, затем летели на бреющем полете через линию фронта. Первым сильнейшим впечатлением Н. Свиридова, которое осталось в памяти и через тридцать с лишним лет, оказался невероятный обед. После обеда Н. Свиридов и А. Пази сразу заснули на несколько часов первым за долгие недели сытым сном. А потом была работа, которую, казалось, выполнить нельзя. Разрушенный Тихвин остался без электричества. Где-то раздобыли движок, но он не давал устойчивого напряжения. Свиридов недаром слыл разносторонним специалистом, говорили, что он умел все: отлично водил машину, знал английский язык (ему случалось объявлять передачи для английских радиослушателей), в партизанской бригаде подготовил дистанционный (по радиосигналу) взрыв на железной дороге. Справился Свиридов и на этот раз. Запись была сделана, а на сытые желудки тащить шоринофон уже казалось легче. Через несколько дней ленинградцы услышали первую за годы войны передачу из освобожденного горо-

---

²² См.: Говорит Ленинград // С пером и автоматом. Л., 1964.

да.

Триста пятьдесят репортажей о боевых действиях наших войск сделали радиожурналисты, и каждый из этих репортажей требовал мужества, высокого профессионализма, понимания своего долга и перед современниками, и перед историей. К сожалению, лишь совсем небольшая часть этих записей сохранилась, но ценность их очевидна: они позволяют услышать войну. Слушая эти «сохраненные голоса», нельзя забывать обстановку, в которой они звучали. Чтобы представить себе время, нужно еще и видеть надолбы на Московском проспекте, застывшие на улицах обледеневшие троллейбусы и, наконец, тех, кто уже сказать сам ничего не мог.

Пленки – незаменимое свидетельство времени. Они передают возбуждение, порыв, испытанные в январе 1943 года солдатами Волховского и Ленинградского фронтов, прорвавшими блокаду. Радиожурналист Л. Маграчев не только сохранил некоторые записи военных лет (вынес их на себе с большим риском, уже будучи изгнанным из Дома радио в сороковые годы), случалось, он вновь находил героев своих репортажей через многие десятилетия, и тогда старые передачи повторялись с комментарием ветерана радио. Среди этих записей – незабываемый репортаж с Невского проспекта: «Говорит Ленинград! Говорит Ленинград! 19 часов 59 минут, 27 января 1944 года. Ленинград ликует, незнакомые целуются, обнимают друг друга».

Автобус попадал под обстрелы и бомбежки, однажды уго-

дил под целенаправленный минометный огонь. Мины рвались в десяти метрах от машины, она была изрешечена более чем в ста местах. Через некоторое время автобус обгорел и вышел из строя, но аппаратуру удалось сохранить. Ее установили на полупортке, и фронтовая бригада могла продолжать действовать.

Среди документов, имеющих прямое отношение к работе репортеров, обращает на себя внимание приказ по Радиокomiteту № 116 от 1 октября 1942 года: «За отличную работу, инициативу, проявленную тт. Свиридовым и Маграчевым при доставке второго магнитофона в Ленинград, объявляю им благодарность». Два магнитофона – это уже целое богатство. Второй магнитофон расширил возможности радиожурналистов, позволил им действовать и независимо от передвижений репортажной машины. В блокадном Ленинграде уже зимой 1942 года звучали по радио репортажи журналиста Матвея Фролова. Товарищи говорят о его «электронной оперативности», большой четкости и организованности. Редкий выпуск «Последних известий» обходился без его материалов.

В своей книге «Репортер у микрофона» М. Фролов привел некоторые репортажи военного времени. И сейчас нельзя без волнения читать строки репортажа, который вел журналист 6 февраля 1943 года с Финляндского вокзала, где происходила встреча первого после прорыва блокады поезда с Большой земли. «Я представляю себе: где-то на полустанке

пассажир сказал кассиру торжественно и радостно: „Ленинград“... Да, давно кассиры не продавали билетов в Ленинград. Поезд уже близко, виден дымок. Послушайте, друзья, настоящий поезд. Добро пожаловать, товарищи пассажиры и железнодорожники!»

Фронтальная бригада уцелела, хотя не один раз рисковала жизнью, а для многих журналистов поездка на фронт заканчивалась трагически. В первом майском номере стенгазеты (1942), выпущенном в Радиокomiteте, А. Фадеев среди других материалов увидел портрет девушки и некролог. Сам факт появления некролога означал, что город оставил позади те страшные месяцы, когда смерть воспринималась как явление совершенно обыденное. А. Фадеев рассказал: «Некролог скупно говорил о том, как эта девушка в тяжелых условиях зимы, день за днем недоедая, недосыпая, коченея за письменным столом, вела редакционную работу. Потом, по заданию Радиокomiteта, она выехала на фронт и была убита... Рядом с некрологом было помещено наивное, трогательное и теплое стихотворение, посвященное ей». Все это говорилось об Ане Аскинази (Васильевой), одной из многих журналисток ленинградского радио.

«Репортажкой» гордились в Радиокomiteте, за ее работой пристально следили в городском комитете партии. Если бы не помощь руководства, автобус стоял бы обледеневшим, как стояли в городе тысячи машин: ведь бензин был в цене хлеба. Но для «репортажки» горючее нашлось. Дея-

тельность Радиокomiteта по созданию передач с фронта и о фронте вызвала глубокий интерес в Центральном Комитете партии. В начале 1943 года группа корреспондентов выезжала в Москву, была принята секретарем ЦК ВКП(б) А. Щербаковым и подробно доложила о ленинградском опыте фронтового радиовещания.

Репортажи ленинградского радио, их успех стали возможны благодаря коллективным усилиям многих людей. Отдавая должное личному мужеству и энергии журналистов, мы должны помнить и о тех, кто непосредственно не стоял у микрофона. Речь идет и об инженерах, и об операторе звукозаписи, и руководителях Радиокomiteта.

Что же касается репортеров, то они испытывали большое удовлетворение оттого, что их голос связывал город и фронт, что их слышала страна. Так вознаграждалась нелегкая, но всем видная работа. Репортеры Радиокomiteта не имели военных званий, но были фактически военными журналистами. Руководитель бригады М. Блюмберг получил два ордена Красной Звезды. Были вручены боевые награды и другим репортерам. Вскоре после победы к нам, студентам отделения журналистики Ленинградского университета, пришел Лазарь Маграчев. Он рассказывал первокурсникам и второкурсникам, многие из которых закончили войну в Берлине и Праге, о том, как проходила капитуляция фашистской Германии. Собственно, это был рассказ о последнем репортаже, который вела из поверженного Берлина фронтовая бригада

ленинградского радио.

Лучшие передачи ленинградского радио блокадной поры обладали одним свойством – они были незаменимы. Речь идет не о конкретной передаче, а об определенных явлениях, формах как таковых. Ничто не могло заменить, скажем, «Писем с фронта» и «Писем на фронт», трудно представить себе что-либо похожее на «Радиохронику» – удивительный сплав литературы, публицистики, информации и музыки. Не было эквивалента и документальному репортажу, прочно связавшему Ленинград с фронтом.

К СОВРЕМЕННОКАМ И ПОТОМКАМ

Писательские будни. «Сие интересно для истории».

«Мы живем одной мыслью».

«Нам декабрьские дни сентября тяжелей».

Стихи на войне.

«Наши страдания окупятся, наши раны затянутся».

В условиях, доселе невиданных, говорило ленинградское радио, и поэтому оно искало новые формы разговора со слушателями. Одной из таких форм стали беседы писателей с горожанами. Они существенно отличались от прежних, довоенных выступлений литератора. Теперь писатель прежде всего касался не узколитературных проблем, а того, что составляло суть сегодняшней жизни. Поэтому нельзя считать выступления Н. Тихонова и В. Вишневского, О. Берггольц и С. Спасского лишь очередными литературными передачами. Если же в этих речах и шел разговор о судьбе писателя в дни войны и блокады, то она рассматривалась как часть общенародной судьбы. Наконец, при всем своеобразии каждого писательского голоса, эти речи, как правило, становились не обычным выступлением с трибуны, а беседой по самой своей сути. Писатель знал о физическом состоянии слушающей его аудитории, он должен был остерегаться громкого

слова, общих, ходульных рассуждений. То, что и в обычных обстоятельствах не могло украсить речь, теперь становилось оскорбительным.

Действительно, публицистика военных лет, выступления писателя по радио в частности, не была чисто литературным делом. Так к ней не относились и тогда. На тексте радиоречи Н. Тихонова 7 ноября руководитель Радиокomiteта написал: «Сохраните это, сие весьма интересно для истории». Речь Н. Тихонова – важный документ, характеризующий время. От имени Ленинграда обращался писатель к Москве и Ростову, Ханко и Мурманску. Он говорил о всенародном характере войны: «У нас воюют и женщины, самые тихие и старые, школьники, самые резвые и юные. Старушка, перешивающая для бойца теплые вещи, воюет!» Писатель поднял вопрос о месте интеллигенции в дни войны: «Писатели и поэты, артисты и инженеры, врачи, художники, скульпторы Ленинграда – мы боремся вместе со всеми бойцами, потому что сами – бойцы. Когда настанет момент нам всем оставить оружие своей профессии и взять винтовки, мы возьмем их и будем сражать врага до последней капли крови, до последнего вздоха». Речь Н. Тихонова была произнесена в день парада на Красной площади. Она тверже, можно сказать, сдержанней публицистических выступлений, прозвучавших по ленинградскому радио в сентябре – октябре 1941 года.

Этим же отмечена речь О. Берггольц, посвященная празднику Октябрьской революции. Напомнив о прошлых мир-

ных Октябрьских торжествах, о том, что теперь не было ни демонстраций, ни фейерверков, она сказала: «Никогда еще не встречал и не праздновал Ленинград великой даты так торжественно, как в 1941 году!.. Ведь мы отмечаем двадцать четвертую годовщину Великой революции на ее родине, у ее колыбели, в нашем советском русском Ленинграде. Мы потом, при встрече, очень подробно расскажем вам, наши далекие друзья и товарищи, как судорожно рвался враг в Ленинград». А ведь так не говорили ленинградцы в сентябре, не могли говорить: «Мы исполнены сегодня сурового, высокого внутреннего торжества». Конечно, Берггольц не могла представить себе тогда, что городу предстоит пережить еще больше двух лет блокады, что впереди страшная зима, о которой она напишет: «Прожив декабрь, январь, февраль, я повторяю с дрожью счастья: мне ничего живым не жаль». В речи 10 ноября ее разговор со страной, с людьми за кольцом был необычайно сердечен. Вместе с тем это именно беседа, не очерк, не статья – здесь все рассчитано на голос, интонацию. «Вы спрашиваете, как мы живем? Мы живем одной мыслью, одним стремлением – беспощадно уничтожать врага у ворот Ленинграда... Для нас слились теперь в одно оборона Москвы и оборона Ленинграда». Писатели помогали жить и бороться сегодня, они также вглядывались в завтрашний день. 12 ноября Сергей Спасский сказал: «Трудно представить, как мы будем вспоминать эти дни. О чем мы станем рассказывать? Вероятно, о затемненных улицах, о том, как

приходилось нам вечерами осторожно идти сквозь холодный черный воздух, среди невидимых зданий. И при этом мы были довольны, что и в таких слепых переходах мы правильно находим знакомый путь. Разумеется, мы вспомним о снарядах, поразивших знакомые дома, о сигналах тревоги и отбоя и о том, как со знанием дела мы обсуждали голоса зениток и свист фугасных бомб. И все это будет казаться и странным, и удивительным для тех, кто не живет в Ленинграде сейчас». В ноябре 1941 года говорил Спасский о неизбежной победе, о том, какой предстанет военная пора из еще далекого мирного времени.

Спасский выступал 12 ноября, а через две недели В. Вишневский говорил о новых продовольственных нормах, самых низких за всю блокаду. Ноябрь был уже зимним месяцем. Морозы стояли декабрьские, голод вступал в острейшую свою стадию. В декабре радио сообщало: «Трудное время, опасное время не первую неделю переживает Ленинград. А люди Ленинграда работают упорно. Оттачиваются снаряды, собираются минометы, танки, орудия... Выходят газеты, читаются научные доклады, пишутся книги, готовятся новые спектакли».

Ленинградцы продолжали в декабре работать на заводах, писать книги, дежурить на крышах. Но уже умерли голодной смертью десятки тысяч, от бомбежек горели дома, тушить их не было сил... В последний раз прозвучала музыка по радио и в зале Филармонии, потом замолкла на дол-

гие недели. Как и что говорить в таких условиях – нелегкий этот вопрос стоял перед публицистами. Успешное наступление наших войск под Москвой, разгром немцев у Тихвина дали оружие всей нашей пропаганде. В первой половине декабря самих писательских выступлений не много. Часто, по несколько раз в неделю, передаются статьи Эренбурга и корреспонденции с Западного фронта. К концу месяца радио, сравнивая декабрь со штурмовым сентябрем, признавало: «Нам декабрьские дни сентября тяжелей». Речь шла не о военной ситуации, а о жизни, быте самих ленинградцев.

И все же именно в конце декабря в голосе публицистов, выступивших по радио, появились обнадеживающие ноты. Тогда, после возвращения Тихвина, о близком прорыве блокады говорили всюду. Это казалось делом весьма реальным и придало оптимизм предновогодним выступлениям Л. Радищева, С. Марвича, О. Берггольц. 29 декабря О. Берггольц говорила о победе: «Да, нам сейчас трудно... Но мы верим... Нет, не верим, знаем – она будет... И может быть, товарищи, мы увидим наш сегодняшний хлебный паек, этот бедный, черный кусочек хлеба в витрине какого-нибудь музея».

На другой день писатель С. Марвич сказал о силе человеческого духа ленинградцев: «Ленинград не стоит на высокой горе, но из него видно далеко. Видно, как бьют немцев под Москвой и Тулой, Клином и Калинином. Ленинград не имеет никакой линии Мажино, но линия неизмеримо сильнейшая проходит через сердца доблестных защитников города».

В этих выступлениях не было «лжи во спасение». Публицисты выражали общую надежду, их поддерживала вера, которая помогла выстоять. Это чувство выносил ленинградец, слушая в бомбоубежище, квартире, на улице, в цеху слово публициста. Уверенностью проникнуты передачи ленинградского радио страшных зимних месяцев. В лучших из них – и в «Радиохронике», и в отдельных писательских выступлениях, и в передачах для молодежи – радио устанавливало контакт с огромной аудиторией. Характерна в этом смысле концовка «Радиохроники» № 156: «Дорогие товарищи слушатели! Сегодняшний вечер – необычный вечер. Через полтора часа закончится 1941 год. День за днем отражались события этого года в нашей ежедневной передаче – в „Радиохронике“, которая начала выходить в первые дни Отечественной войны. Мы не станем вновь рассказывать об этих событиях, но редакция не может не отметить сегодняшний вечер. От всей души поздравляет она вас, товарищи слушатели». В этом спокойствии, почти будничности тона и проявлялось доверие авторов передачи к слушателям. Сама манера выступления была продиктована обстоятельствами. Ленинградец нуждался прежде всего в собеседнике, в живом человеческом слове, обращенном именно к нему. Отсюда и проявившаяся в разных писательских выступлениях общность подхода к радиоречи при всей индивидуальности публицистического стиля.

В январе писатель Илья Груздев подготовил выступление

о характере литературной работы в блокадном городе, однако по своему значению то, о чем решил сказать И. Груздев, выходило за рамки профессионального разговора. Писатель думал о жизни Ленинграда в январе 1942 года, о его трагедии и бессмертии. «Я начну с наших писательских будней. Мы сейчас лишены необходимых условий нашей работы. У нас нет света, нет тепла, мы голодны... Но настоящий писательский труд, действительно творческий труд, прежде всего непрерывен и неизбежен, независимо от тех или иных неудобств и лишений. Если он не реализуется сейчас за письменным столом, потому что нет керосина и стынут руки, то он неизбежно происходит в душе, в мозгу, в творческой мысли писателя. И уж конечно, особенно значителен этот труд сейчас, в нашем трагическом и героическом городе, в осажденном Ленинграде».

В речи И. Груздева очевидна интонация непосредственного обращения к слушателю, характерная для жанра радиопублицистики. Он говорил «о счастье жить в Ленинграде», о том, что писатель должен понимать ту удачу, которая поставила его «не на задворках истории, а на фронте истории». Обращаясь к коллеге-писателю, И. Груздев подчеркивал: «И если у тебя есть уши, которые слышат, и глаза, которые видят, подумай о том, что вот ты, именно ты, можешь запечатлеть то, что ты видишь и слышишь, и ни один человек в мире не может тебя заменить. Пока ты живешь в Ленинграде, подумай, что каждый день этого города неповторим, не в ка-

лендарном, шаблонном смысле, а в том смысле, что за семь месяцев каждый день менялся исторический облик нашего города, и кому же, как не тебе, писателю, жадно и страстно вглядываться в этот стремительный лёт истории?»

В январе 1942 года публицисты Ленинграда обращались и к современникам, и к потомкам. Они утверждали, что город выйдет победителем из драматического и трагического периода своей истории. Вера Кетлинская в своем выступлении пыталась представить, каким будет казаться сегодняшнее ленинградское бытие «через десять-пятнадцать лет, а может быть, и через два-три месяца». Она говорила о достоинстве и мужестве ленинградцев, о том, что уже пережито, и о том, что, «хотя сегодняшние испытания во многом тяжелей перенесенных... мы не знаем, какие испытания нам еще предстоят завтра». Речь Кетлинской – разговор прямой, честный о сентябрьских боях и о непрочной тоненькой ниточке, которую город отстоял, чтобы пустить грузовики с хлебом, и о длинных километрах, которые пришлось пройти горожанам по улицам, лишённым транспорта.

«Мы хоронили наших товарищей, наших матерей, наших близких, мы хоронили своих дорогих мертвецов в братских могилах без обрядов и речей – и мы не плакали, ни одной слезы не скатывалось с наших глаз» – через весь этот публицистический монолог прошла одна мысль, убеждение, что вопреки всему, несмотря ни на что – победа будет нашей. И такое обращение, такая правда заставляла поверить себе-

седнику: «Наши страдания окупятся, наши раны затянутся, наша боль пройдет, и радость будет суровой, но светлой».

Участие писателей в работе на радио имело разную форму. Противопоставлять эти формы, конечно, смысла нет, а различать следует. В одних случаях это был очерк, корреспонденция, живой отклик на событие, в других – писатель выступал как сопереживатель, друг.

Глубокое воздействие именно таких писательских бесед на слушателей несомненно. Немногое, очень немногое довелось услышать по радио ленинградцу в том январе. Речи В. Вишневского, В. Саянова, О. Берггольц, корреспонденции, стихи, сводки, и всюду, даже в маленькой информации, он находил слова поддержки. Вот что передавалось днем 24 января: «Раннее морозное ленинградское утро. Еще совсем темно, но уже у дверей булочной толпятся люди. Они ждут, когда откроются забитые досками двери, чтобы скорее получить свою скудную норму хлеба... Люди у булочной неразговорчивы и даже хмуры, но это хмурость и молчаливость людей, твердо и до конца решивших все вынести, все пережить, все перебороть наперекор испытаниям». Так писатель М. Тевелев начал свою заметку о том, как восприняли ленинградцы весть о повышении хлебных норм.

Совсем по-особому звучали на блокадном радио стихи. Они отвечали потребностям людей в искусстве, напоминая о том, что, кроме этой невероятной жизни, есть, может быть, будет другая, они заменяли чтение книг, заменяли театр, ки-

но, отвлекали, наконец, от неотвязных дум о куске хлеба, и, главное, они помогали людям чувствовать себя людьми, для которых прекрасное не потеряло своего значения даже рядом со всем тем, что окружало их теперь.

Поэзия на ленинградском радио военных лет – это частушка и лозунг, фельетон и басня, баллада и поэма. Это многообразие поэтических голосов и обилие форм. На протяжении дня стихи могли составить целую передачу и служить своего рода заставкой, подобно музыкальной, или связать отдельные материалы между собой. И во всех стихах, независимо от их поэтического уровня, было главное, ради чего они писались, – напряженность, призывность, ощущение момента. Они должны были быть услышаны. Вся без исключения поэзия стала пропагандистской. Для многих бойцов, уходивших на фронт, стихотворный лозунг, подпись под рисунками «Окон ТАСС» оказались последними поэтическими строками в их жизни. Они прочитали или услышали стихи сквозь рупоры на городских улицах. «От родных ворот отбросим свору, яростью народной в прах сотрем. Отстоим покрытый славой город. Ленинское сердце бьется в нем». Это один из лозунгов напряженного сентября сорок первого, стихи Всеволода Рождественского.

Такие стихотворные лозунги в ту пору писали А. Прокофьев и В. Иванов, О. Берггольц и В. Волженин, Н. Тихонов и В. Зуккау-Невский. На радио приходило много стихотворений, присланных поэтами, редакторы внимательно просмат-

ривали фронтовые газеты. Едва писатель приезжал в Ленинград – с фронта ли, с Большой ли земли, – он сразу попадал на радио. Это становилось всеобщим правилом. Поэт В. Лифшиц в сентябре 1941 года прорывался в город в составе батальона через вражеское окружение. Выступая перед микрофоном, он рассказал об этом прорыве, о своих встречах с партизанами, а затем прочитал стихи, в которых выражено кредо литератора, участника войны.

Обозы врага полыхают в огне —
Не дрогнет рука твоя, мститель!
Я встретил тебя. Позавидует мне,
Должно быть, любой сочинитель...
Но нет, не копилкой сюжетов и тем,
Несущих дешевую славу,
И даже не нашим знакомством, а тем
Гордиться могу я по праву,
Что вместе с тобою в бою побывал,
Что рядом шагал, не по следу,
Что вместе с тобою в бою добывал
Тяжелую нашу победу.

27 ноября 1941 года в «Радиохронике» было прочитано стихотворение «красноармейца М. Дудина с полуострова Ханко». Это были стихи поэта-солдата, вместе с последними частями покидавшего прославленный полуостров. Передачи ленинградского радио отметили вехи фронтовой био-

графии М. Дудина. В апреле 1942 года в одной из информационных «Последних известий» появилось следующее сообщение: «19 апреля члены правления Союза писателей побывали на фронте. Писатели-фронтовики выступили перед ленинградскими товарищами с творческим самоотчетом. После своего выступления талантливый молодой поэт Михаил Дудин был принят в члены Союза советских писателей». Стихи М. Дудина, песни на его слова использовались и литературным, и политическим вещанием. В 1943 году радио познакомило любителей поэзии с его поэмой «Костер на перекрестке».

С осени сорок первого все чаще стали передавать по радио стихи, песни, частушки Александра Прокофьева. В некоторых выступлениях поэта прозаический текст перемежался стихами. В стихах этого поэта всегда ощущалась фольклорная основа его творчества. Стихи были энергичны, страстны, острое словцо, афоризм подчеркивали, что их автор – человек из народа, простой, несколько грубоватый, с широким размахом и щедрой душой.

Вся родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца,
Сегодня твоя оборона
Проходит сквозь наши сердца.

Так писал поэт в дни битвы за Москву. Вечером 13 декабря «Радиохроника» начала свой выпуск чтением пись-

ма поэта Александра Прокофьева, адресованного слушателям. Характерная прокофьевская интонация, его тяготение к шутке, поговорке сказались уже в первых строках письма, посвященного успехам наших войск под Москвой. «Гитлер отдал приказ о взятии Москвы любой ценой, но, как говорит русская пословица, „хлебать бы молоко, да рыло коротко“, – Гитлер просчитался». Письмо заканчивалось стихами: «Мы выдержим, мы выстоим, – дойдем до лучших дней, мы всех фашистов выставим в загробный мир теней...»

Рядом с боевым призывом всегда находилось место шутке, сарказму. Пока мог держать перо в руках, продолжал работать В. Волженин. Особенно удавались ему сатирические стихи, написанные на конкретном материале. Их основой был документ, выдержка из которого становилась как бы эпиграфом к его фельетонам. В письме из Германии некая фрау Флор написала мужу, что «при таких потерях жить нельзя». В. Волженин так начал свой ответ этой фрау:

Вы совершенно правы, любезнейшая фрау!
Вы абсолютно правы, потери велики.
Вам это не по нраву, чувствительная фрау?
Сражение не забава, война не пустяки.

Практически не было номера «Радиоэтики», в котором не появлялись бы произведения В. Волженина. В один из январских дней 1942 года работники Радиокomiteта, вернее, ее литературной редакции, задумали книгу «Говорит

Ленинград», в которую хотели включить и стихи, и документы, и целые программы в хронологической последовательности. Среди других материалов в такую книгу, по мысли Я. Бабушкина, должны были войти и стихи В. Маяковского. «Ведь они совершенно особо звучат в наших условиях! Конечно же, и его стихами говорит Ленинград». Ленинград говорил стихами М. Светлова. «Гренаду» и «Двое» передавали первой блокадной зимой. И тогда же включались в передачи баллады Н. Тихонова двадцатых годов, стихотворение Э. Багрицкого «Красная Армия» и старые стихи А. Прокофьева.

Отбор произведений глубоко продумали люди, хорошо знавшие, как воспримут ленинградцы именно эту поэзию. Негромкий голос входил в холодные квартиры, убеждал в нашей силе, нашем превосходстве над фашизмом. Редакторы не боялись трагедийных мотивов стихотворения Светлова («Двое»), потому что строки о погибших бойцах революции, об их верности долгу были уместны в блокадном Ленинграде:

Их руки, обнявшие пулемет,
Который они стерегли,
Ни выюга, ни снег, превратившийся в лед,
Никак оторвать не могли.

Сам факт передачи таких стихов в такое время примечателен. Можно сказать, что в отборе материала редакторы ле-

нинградского радио проявили в данном случае силу и даже мудрость. Ведь с начала войны радио по-разному выражало одну мысль: «Мы сражаемся, в борьбе неизбежны потери, гибнут наши лучшие товарищи, но сломить нас нельзя».

Но мертвые лица не сводит испуг,
И радость уснула на них...
И холодно стало третьему вдруг
От жуткого счастья двоих.

И стихи М. Светлова («Гренада», «Двое»), и тихоновские баллады (вспомним: «И мертвые прежде, чем упасть, делают шаг вперед») не могли восприниматься в блокадном Ленинграде лишь как напоминание о Гражданской войне. Это была поэзия сегодняшнего дня. На ленинградском радио военных лет встретились старые и новые стихи известных поэтов. Так было с произведениями Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова, так было и с передававшимися по радио стихами М. Светлова «Клятва», «Ночь под Ленинградом», «Ленинград». Светлов первые месяцы блокады провел на Ленинградском фронте, стихи его появлялись в армейских газетах, а затем читались по радио. Но случалось, что он сам подходил к микрофону. Выступая по ленинградскому радио 11 сентября 1941 года, Светлов сказал: «Я советский поэт, живущий в Москве, приехал в Ленинград, чтобы вместе с дорогими мне людьми быть на защите великого города Ленина... Город, одинаково дорогой всем трудящимся нашей Родины,

был и будет советским... Стихи, которые я сейчас прочту, написаны ночью на одной из зенитных батарей, охраняющих подступы к великому городу:

И как бы смерть ни сторожила,
Но враг в наш город не войдет,
Покуда ненависть по жилам,
Как электричество, течет!

Строки М. Светлова о ненависти, которая «по жилам, как электричество, течет», отразили настроение ленинградцев в первую военную осень. Некоторые из стихов этой поры не вошли в сборники М. Светлова. Материалы архива Радиокomiteта, подшивки военных газет расширяют наши представления о работе поэта в 1941 году. В одной из передач для Краснознаменного Балтийского флота участвовали заместитель политрука роты краснофлотец Чекалин и поэт Всеволод Азаров. Моряк рассказывал о подвиге своего товарища, морского пехотинца Петра Зубкова, который 11 февраля 1942 года закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. «Я только что приехал с фронта в город Ленина и счастлив, что имею такую возможность – рассказать по радио о героических делах моряков-лыжников» – так начал Чекалин свое выступление о герое, заставившем замолчать пулемет противника. Поэт запомнил краснофлотца Чекалина и его рассказ о подвиге. Он написал об этом стихи. Сначала их напечатала газета «Красный Балтийский флот», а затем они про-

звучали по радио:

Непреклонный, в пылающей буре,
Он броском исполинским одним
К пулеметной припал амбразуре
И закрыл ее телом своим.

Азаров, участник почти всех передач для флота, вспоминая этот эпизод, сказал, что обычно стихи звучали не отдельно от других материалов, а становились их продолжением в иной форме. Радио не только позволяло услышать стихи в исполнении авторов. Нередко чтение сопровождалось авторским комментарием. Поэты приходили в студию, их записывали репортеры. 12 октября 1941 года в одной из передач давался очередной репортаж. «Сегодня с фронта, – сообщало радио, – вернулась репортажная машина. На фронте мы повстречались с ленинградскими поэтами Ильей Авраменко и Иосифом Колтуновым. Внимание! У микрофона Илья Авраменко». Стихи, написанные на фронте, стихи, прочитанные по Ленинградскому радио, становились и стихами, и лозунгом, и информацией, и очерком. Такие стихи писали и поэты, и журналисты, и критики. В. Мануйлов известен как литературовед, исследователь творчества Лермонтова. А. Тарасенков выступал обычно как критик, знаток поэзии. В. Мануйлов и в дни войны продолжал свои исследования. А. Тарасенков стал флотским журналистом. Но теперь оба они обратились со своими стихами к читателю, слушателю. Такова

была потребность времени.

Из фронтовой печати были взяты и включены в передачу радио стихи В. Шефнера. Среди них замечательное лирическое стихотворение «Тебе» (1943). В критических работах о поэзии войны установлены некоторые закономерности ее развития. Эти закономерности отразились и в литературных передачах радио. Как никто другой, работники Ленинградского радиокомитета должны были соотносить содержание стихов с реалиями блокадной жизни. Стихотворение В. Шефнера «Тебе» перекликается с симоновским «Жди меня» (1941). У Шефнера, правда, больше сказано о мужской верности, памяти, здесь нет чуть ли не фатальной, как у Симонова, веры в силу всесохраняющей любви: «... и если даже меня сметет свинцовый шквал, найдется кто-нибудь, расскажет, что я тебя не забывал». И ситуация у Шефнера иная – любимая осталась на земле, захваченной врагом. Отсюда – «я с боем шел к тебе».

По тональности это стихи, отразившие новый этап войны. Стихотворение «Жди меня» не удалось разыскать в текстах зимних передач 1942 года, хотя известность его была почти легендарной. (Есть свидетельство, что однажды оно все-таки было прочитано.) Однако каких-либо откликов, в том числе стихотворных, не последовало. И не то чтобы блокадный Ленинград не знал любви, но стихи К. Симонова не вписывались в ленинградский быт первой зимы. Вера Инбер писала в «Пулковском меридиане»: «Для нас как лишний груз

при переправе влюбленность, нежность, страстная любовь». Интимная лирика казалась людям с еще не оттаявшей душой явлением другого мира. Иное дело осень 1943 года. Тогда, несмотря на блокаду и обстрелы, город был в условиях, близких к «обычным фронтовым». И шефнеровские строки ложились на душу ленинградцам и фронтовикам:

Меж нами дымные пустыни,
Обугленные города.
И ни с каких вокзалов ныне
К тебе не ходят поезда.

Именно в блокадном кольце и должны были родиться такие строки.

Вопрос о том, что отобрать, какие произведения нужно прочесть сегодня, был вопросом и политики, и такта. Много зависело тут от чувства времени и художественного вкуса работников литературной редакции. Их выбор убеждает: в Ленинграде передавались лучшие произведения советских поэтов военной поры.

13 января 1942 года по радио звучало стихотворение А. Суркова «Мститель»: «Человек склонился над водой, и увидел он, что он седой. Человеку было двадцать лет...» Радиожурналисты понимали, как может воспринять ленинградец, переживающий блокадную зиму, эти стихи. Ведь они были и о нем, и в то же время они говорили, что горе и беда Ленинграда – часть общей народной беды. Вместе с юным, по-

седевшим солдатом жители города, замерзшие, опухшие от голода, потерявшие близких, но не потерявшие веры, повторяли сурковские строки о бойце, который поклялся беспощадно мстить врагу: «Кто его посмеет обвинить, если будет он с врагом жесток».

Той же зимой в одну из «Радиохроник» были включены стихи К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», стихи о трудном отступлении сорок первого, о Родине, о том огромном потрясении, которое перенес народ. Эти стихи, помимо всего, напоминали сегодняшнему горожанину, который оказался в нечеловеческих условиях блокады, о его корнях, земле отцов и дедов, захваченной врагом. Вся эта картина оскверненных лесов, пажитей, деревень, этот глубоко личный рассказ о пережитом целым народом вселяли прежде всего чувство гордости «за самую милую, за горькую землю, где я родился». У ленинградцев были свои поэты, которые достойно сказали и о городе, и о блокадном быте, и о стойкости.

Рядом с «Февральским дневником» О. Берггольц и стихами Н. Тихонова и А. Прокофьева в Ленинграде в феврале 1942 года звучало обращение К. Симонова к другу-поэту, напоминая об общности народной судьбы:

Ты знаешь, наверное, все-таки родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Эти стихи звучали по ленинградскому радио, помогая пережить страшную зиму. Сотни тысяч унесли декабрь и январь, смерть продолжала косить людей в феврале. Ледовая трасса и эвакуация через Ладогу уже давали о себе знать, а продовольствием стало чуть лучше.

Многие попадали в стационары, работали бытовые отряды молодежи, но люди ослабели настолько, что спасти удавалось далеко не всех. Однако несомненно: в феврале и особенно в марте город медленно начал выходить из того положения, в котором был в декабре – январе. Стало оживать и радио. Оно заговорило громче, яснее, оно вернуло городу музыку, оно ободряло: «День придет, над нашей головой пролетит последняя тревога и последний прозвучит отбой».

Неизгладимое впечатление производил Ленинград 1942 года на тех, кто увидел впервые его военный лик. Можно было о многом прочесть и услышать, но все-таки непосредственное впечатление оказывалось значительно сильнее. Так случилось с А. Фадеевым. Так было и с М. Алигер, написавшей небольшую поэму «Весна в Ленинграде». Вообще же сам факт прочтения по радио больших стихотворений и даже таких поэм, как «Пулковский меридиан» В. Инбер и «Блокада» З. Шишовой²³, отражал общий интерес слушателей и

---

²³ Чтение поэмы З. Шишовой летом 1942 года было прервано по указанию «контролирующих органов», увидевших в ней мрачное изображение бытовых сцен. (Этот факт отметил старейший работник радио Л. С. Мархасев.) Горком партии был против чтения поэмы. Ответственность за это возложили на Г. Ма-

читателей к поэзии. О минувшей зиме, о городе «без огня и без воды» говорила М. Алигер, как раз в эту пору начавшая работу над своей ставшей потом широко известной поэмой «Зоя», в которой слились вместе и беда Ленинграда, и горечь личной потери, и бессмертие московской девушки-героини. Но эта поэма была еще впереди, а пока по радио звучала поэма М. Алигер о блокаде.

В теченье этой медленной зимы,
Кружа ее железные потемки,
«Мы не уступим. Каменные мы», —
Ты говорила голосом негромким...

И опять, как и осенью, как и в начале года, в «небывало сердечной беседе», которую вело ленинградское радио с населением, приняли участие бойцы и командиры. 22 февраля выступил генерал И. Федюнинский. Он говорил: «Сейчас наша армия прорывает сильно укрепленную линию фашистской обороны на одном из участков фронта... Мы с восхищением следим, товарищи ленинградцы, за вашим самоотверженным трудом и стойкостью, с которыми вы переносите трудности и лишения».

О чем думал ленинградец, слушая эти слова? Там, на тридцатиградусном морозе, — бойцы Федюнинского. Они знают, как трудно Ленинграду сейчас. Они прорвут кольцо,

---

когоненко, уволенного тогда из Радиокomiteта. Он стал военным корреспондентом на Балфлоте.

они придут... Может быть, именно эта речь позволила кому-то не пасть духом, пережить еще один день, а потом другой, дожидаться помощи или, преодолевая собственную слабость, сделать первые медленные шаги к спасению.

Зимой люди уезжали. Женщины, дети, больные отправлялись в трудный путь через Ладогу. Тогда уехали и некоторые работники радио – самые слабые. Начиналась ленинградская весна, мороз схлынул. На радио в марте стало светло и потеплело. Наступил новый этап блокадной жизни. Завершилась и самая тяжелая пора в работе ленинградского радио.

Среди многих и многих передач марта ленинградцы услышали печатавшиеся в «Правде» рассказы Николая Тихонова. Это было начало известного ленинградского цикла, который и появиться мог лишь к концу зимы, когда стало ясно, что пережил город. А через несколько недель, после прочтения очередного рассказа Н. Тихонова, передавалась статья «Черты советского эпоса», посвященная анализу тихоновской прозы. На этот раз радио говорило о жизни и ее отражении в литературе, о том, что героический эпос был рожден подвигом Ленинграда. Многие писатели выступали по ленинградскому радио в дни блокады. Но два голоса имели особую силу и влияние.

«ПО ПРАВУ РАЗДЕЛЕННОГО СТРАДАНИЯ...» (Ольга Берггольц)

«Роль воина-певца». «И даже смерть отступит...»

В контексте времени. Влияние было взаимным.

Стихи и проза. Одна из высших радостей. Особый жанр.

Об Ольге Берггольц, о ее творчестве военных лет уже написано много. Лучше всех это сделал один из слушателей ее выступлений по радио, бывший блокадный подросток, который стал потом известным критиком и литературоведом, Алексей Павловский: «И разве не достойно удивления хотя бы уже одно то, что голос великого солдата и гражданина, каким в ту пору был Ленинград, принадлежал хрупкой женщине, почти неизвестной поэтессе, взявшей на себя такую, казалось бы, сугубо „мужскую“ роль воина-певца?.. Кто еще мог с такой задушевной безыскусностью, простотой и убежденностью говорить с миллионным городом, с народом? И еще: она „выполняла приказ“ – раскрывая прежде всего свою душу, но так как ее жизнь была неотрывна от жизни города и народа, то, раскрывая себя, она вместе с тем правдиво и точно рассказывала нам о нас же самих»²⁴.

---

²⁴ А. Павловский. Голос // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 163.

Сама О. Берггольц писала: «Работа в Ленинградском радиокомитете во время блокады дала мне безмерно много и оставила неизгладимый след в моей жизни». Что же это была за работа, как оценивали ее люди, видевшие и слышавшие тогда Берггольц? Вера Кетлинская вспоминает: «В осажденном Ленинграде, под свист снарядов и грохот бомб, голос Ольги Берггольц прозвучал с проникновенной силой. . . Ольга Берггольц говорила жестокую правду о нечеловеческих страданиях ленинградцев, но говорила ее для того, чтобы закалить сердца воинской решимостью, чтобы выстоять на последнем рубеже и все преодолеть ради победы. Она жила вместе с людьми и для людей – сограждан и соратников».

Александр Фадеев в своих ленинградских очерках сказал о Берггольц: «Она писала до войны. Она писала лирические стихи и рассказы для детей. Видно было, что она человек с дарованием, но голос у нее был тихий, неоформленный. И вдруг ее голос зазвенел по радио на весь блокированный город, зазвенел окрепший, мужественный, полный лирической силы и неотразимый, как свинец. У нее умер муж, ноги ее опухли от голода, а она продолжала ежедневно писать и выступать».

Фадеев лучше многих знал, сколько фальши и умолчаний требовало время. Знал: не вдруг зазвенел этот голос. Его закалила тюрьма, испытания, о которых О. Берггольц не смела говорить. Да и сам Фадеев, вызволивший ее, об этом молчал. Один из немногих, Фадеев, осознав, какой груз остался на

его совести, свел счеты с жизнью после XX съезда партии. Она писала очерки и стихи, в ее выступлениях прозаический текст не только предваряет поэзию, он написан в том же ключе «небывалой сердечной беседы людей одной судьбы» (О. Берггольц). И если еще в ее речах августа сорок первого есть взволнованная патетика, то затем тон доверительного разговора становится преобладающим. Не только к «Соседке по квартире», Дарье Власьевне, к каждому ленинградцу в отдельности обращалась Берггольц: «Сядем, побеседуем вдвоем. Знаешь, будем говорить о мире, о желанном мире, о своем». Полная безыскусственность, искренность, открытость этих стихов определяла их форму. Ничего внешнего, быющего на эффект, никаких ухищрений. Все – и ритмика, и рифмы – обычные, даже обыденные («небо» – «хлеба», «немного» – «тревога»). Все в этих стихах конкретно, и все они о главном. Ни грана фальши не только в словах – в самой интонации. «Такое пишется тогда, когда между поэтом и жизнью ничего нет, никаких оглядок, никаких мелочных беспокойств о свежести рифм, образов – тут уверенность в правоте каждого слова, а слово полноценно...» – так написала О. Берггольц одна из ее читательниц.

Поэтический образ рожден не литературными реминисценциями, пусть даже и подходящими к случаю, а самой действительностью. Победа для Берггольц не разноцветье флагов, не богиня древних греков, а сдернутые с окон черные шторы, для нее победить – значит «свежий хлеб ломать рука-

ми, темно-золотистый и ржаной». Только так, только об этом и можно было говорить, сев рядом со своим собеседником: «День придет, над нашей головой пролетит последняя тревога и последний прозвучит отбой». Такие стихи трудно было читать с трибуны на митинге. Там нужны были иные интонации. Голос Ленинграда был голосом полифоническим, ему нужна была и высокая патетичность: «Мы выкуем фронту обновы, мы вражье кольцо разорвем, не даром завод наш суровый мы Кировским гордо зовем». Наверное, в декабре сорок первого эти стихи Тихонова особенно близко воспринимали бойцы Ленинградского фронта, моряки Балтики и рабочие, которые держались, не покинули своих мест в цехах.

Другое у Берггольц. Тысячи и тысячи людей, оторванные от мира в своих холодных темных квартирах, без телефона, без газет, почти без писем, ждали этого радиоразговора как единственной, последней поддержки. Сколь ни тяжело было в заводских цехах или на передовой – ничто не могло сравниться с оторванностью от людей, от мира ослабевшего, замерзающего человека. Сквозь «этот черный говорящий круг» Берггольц входила в дома ленинградцев, говоря каждому из них в отдельности: «Сколько силы нам, соседка, надо, сколько ненависти и любви... Столько, что минутами в смятенье ты сама себя не узнаешь: – Вынесу ли? Хватит ли терпенья? – Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь».

Тексты передач ленинградского радио долго не привлека-

ли внимания исследователей творчества Берггольц. Между тем, во-первых, среди до сих пор не опубликованных стихов есть немало художественно значительных, и, во-вторых, как выясняется, широко известные сейчас произведения звучали в иной, первоначальной редакции. Вот одно из забытых стихотворений осени 1941 года (в отрывке):

Покуда небо сумрачно меркнет,
Земляк и друг, – прислушайся, поверь.
Клянусь тебе, клянусь, что мы бессмертны,
Надменно презирающие смерть.
Мы защищаем город наш любимый,
Все испытанья поровну деля,
Клянусь тебе, что мы непобедимы,
За нами наша русская земля!

...

Клянусь тебе, мы страшно будем биться,
Мы город наш, как знамя, отстоим.
И даже смерть отступит, устрашится
И рухнет наземь остовом своим.

Даже в стихах-откликах на события бывали у Берггольц такие запоминавшиеся образы, как этот, завершающий стихотворение. Уверенность в победе ленинградцев над смер-

тью выражена здесь с необычайной экспрессией. Характерно, что иногда отдельные удачные строки О. Берггольц использовала в других стихах, которые публиковала. Однако некоторые из своих вещей поэтесса отказывалась печатать, справедливо считая их слабыми. В таких довольно риторичных стихах призыв терял свою убедительность, энергию, становился вялым, несмотря на заключенные в нем верные слова («Они запевают, отвагой объаты, о том, что сердца говорят – вовеки не ступит нога супостата на камни твои, Ленинград»).

Таких произведений Берггольц написала довольно много, и удивляться этому не приходится. Удивительно другое – как удалось ей создать в невероятно трудных условиях (может быть, и благодаря им) значительные произведения. Готовя к публикации стихи, впервые прозвучавшие по радио, О. Берггольц изменяла отдельные строфы, строчки, некоторые строфы опускала. Эти изменения весьма поучительны. Главное же, погружаясь в эти материалы, видишь, как соседствовали они со сводкой Информбюро, выступлениями бойцов, передачей с борта крейсера, – и тогда стих начинает звучать в контексте своего времени.

Сама Берггольц понимала, что ее речи и стихи жили во времени и служили ему: «Я счастлива, что и мне выпала честь принять участие в этой неповторимой, непрерывной, честнейшей беседе воинов и тружеников Ленинграда, что очень многие мои стихи были написаны для радио, для Боль-

шой земли, на „эфир“, для своих сограждан». Берггольц и в своих очерках, и в стихах не избегала говорить о самом страшном. Вспомним, например, ее рассказ о десятилетнем мальчике, оставшемся сиротой, без обеих рук и ноги. За-трагивая такие темы, нельзя было обращаться к громким словам. «Я солгала бы, если бы сказала, что мне сейчас не страшно. Я солгала бы, если бы сказала, что мне сейчас без-различно», – говорила Берггольц. И ленинградец, знавший все блокадные тяготы, понимал: то, что говорит сейчас Берг-гольц, она сама пережила и переживает. Ее размышления о будущем суде над военными преступниками, еще обстрели-вающими город, воспринимались как уверенность в близком освобождении.

В передачах, особенно тех, что шли в эфир, приходилось учитывать военную обстановку – эти передачи могли слы-шать и немцы, хотя в целом о положении в городе враг знал, потому взвешивали каждое слово. Характерна, например, редакторская правка во втором «Письме на Каму». Берг-гольц написала: «Это гимн ленинградцам, опухшим, упря-мым, родным», а прочла по радио иначе: «Это гимн ленин-градцам, исхудавшим, упрямым, родным». В другом стихо-творении по тем же причинам строчка «Мы готовились к са-мой последней борьбе» была прочитана так: «Мы готовились к баррикадной борьбе». И в том и в другом случае характер правки вполне определенный, возможно, связанный с требо-ваниями цензуры.

Из стихов и поэм Берггольц человек будущего может узнать все реалии той страшной зимы. Эта поэзия не только правдива, она конкретна: «Я говорю с тобой под свист снарядов»; «Теперь в него стреляют, прямо в город»; «Моя подруга шла с детьми домой, они несли с реки в бутылках воду»; «Бедный ленинградский ломтик хлеба, он почти не весит на руке»; «Под артобстрелом ты идешь с кошелкою в руке»; «Завернутое в одеяло тело на Охтинское кладбище везут»; «Как беден стол, как меркнут свечи». Бытовых подробностей в стихах много, и все же вряд ли можно сказать, что Берггольц была певцом блокадного быта. Этим она бы слушателя – такого слушателя, который знал ее голос, ждал его, – не завоевала. Конечно, подробности были важны, они убеждали – все так, все точно, все это о нас. Но еще важнее для слушателя оказалось, что все это было и о себе, слушатель понимал: с ним говорит такой же ленинградец, прошедший все блокадные муки.

Многие стихи О. Берггольц – подчеркнутое размышление вслух, она именно говорила стихами, и в этом была причина успеха ее поэзии у людей, которых блокадная зима лишала возможности читать: не хватало сил, «в глуши слепых, обледенелых зданий» берегли лучину. В этих условиях О. Берггольц повторяла: «Я говорю с тобой»; «Я должна, мне надо говорить с тобой, сестра по гневу и печали». Ленинградка, «сестра по гневу и печали», знала не только голос О. Берггольц, знала (из ее же стихов), что поэтесса выросла за Нев-

ской заставой, что у нее в Москве сестра, что «далеко на Каме тревожится, тоскует мать».

Это были не просто выступления литератора, но женщины, познавшей горечь потерь: «Какие ж я могла найти слова – я тоже ленинградская вдова». В тридцатые одна за другой умерли две ее дочери. Затем во время репрессий «исчезли» многие близкие, в том числе бывший муж, талантливый поэт Борис Корнилов. О. Берггольц обвиняли... в подготовке покушения на руководителей партии, в том числе тов. Жданова. Наконец, следствием полугодовой отсидки (с 14 декабря 1938 по 3 июля 1939-го) стала потеря будущего ребенка и невозможность материнства. Так что безмятежная молодость давно осталась позади. Поэтесса к началу войны уже была человеком трагической судьбы. Можно сказать, что свою блокадную поэзию, свои радиоречи Берггольц выстрадала, и потому они – больше, чем факт литературы. Она говорила «по праву разделенного страдания», и эти ее слова можно было отнести не только к бедам, пришедшим с войной и блокадой. В ту пору о страданиях и тем более о сострадании предпочитали не говорить, даже трагедия обозначалась как «оптимистическая». По-другому звучал голос Берггольц.

После публикации Г. Макогоненко «Писем с дороги» (1979) и особенно дневниковых записей О. Берггольц и ее писем военных лет сестре – М. Берггольц («Встреча», 2000) стало бесспорным: творческий успех поэтессы пред-

определен тем, что в ней совпала, установилась «равнозначность, равноценность так называемого личного и общественного». Это высказано (и прямо, и поэтически образно) не только в ее письме к Макогоненко от 8 марта 1942 года из Москвы (она была там с 1 марта по 20 апреля), но особенно сильно в ее вершинной поэме «Твой путь» (апрель, 1945). Тут все совпало. И то, что она почувствовала нужность людям, обратную связь с огромной аудиторией, и новое сильное чувство. Без него (как и всего остального) не было бы такого явления, как родившейся на радио новой поэзии Берггольц. Открытой, не камерной.

Что может враг? Разрушить и убить.
И только-то? А я могу любить.

...

Грозишь? Грози.
Свисти со всех сторон.
Мы победили. Ты приговорен.

Это написано в апреле 1945 года, накануне победы. А прочувствовано раньше автором «Февральского дневника» (1942), о котором речь впереди. В нем тоже равнозначно личное и общественное, но, обращаясь к тогдашнему ленин-

градцу, Берггольц не могла высказаться так открыто, как в «Твоем пути»: «Не знаю как, но я на дне страдания... открыла вдруг, что ты – мое желанье, последнее желанье на земле». Другое дело – мартовское письмо с дороги: «Ты и Ленинград неотделимы от меня».

Даже близкие Ольги Федоровны не сразу приняли этот спасительный роман на фоне долгой болезни и гибели мужа Берггольц Николая Молчанова, к которому она ходила в больницу до конца, отмеченного прощальным стихотворением «29 января», тогда же написанным. О существовании «другого» сказано в нем, а в поэме и о его роли в жизни автора: «А тот, который с августа запомнил/ сквозь рупора звеневший голос мой,/ зачем-то вдруг нашел меня и поднял, со снега поднял и привел домой». Теперь их общим домом стал Дом радио. В «Твоем пути» герой сказал: «А все считают, ты моя жена». Зимой 1942-го так на радио считали не все. Сознание советских людей оставалось пуританским и в трагических обстоятельствах. Но все-таки личные отношения были зоной относительной свободы, что раздражало и власть, и некоторых коллег. В. Панова была свидетельницей публичных нападок А. Прокофьева на поэму «Твой путь» и сокрушалась: «По-моему, выступать так резко поэту против поэта нехорошо». Отторгалось то, что составляет нерв поэзии. Таково мое отступление 2003 года²⁵.

---

²⁵ Одним из издательских рецензентов (не «казенных») первого издания книги «Голос Ленинграда» (1975) был профессор Г. Макогоненко, а среди первых

Стихи становились событием в жизни блокадного города, а нередко и значительным литературным событием. Так случилось с выступлением Ольги Берггольц 22 февраля 1942 года. Для передачи, посвященной годовщине Красной Армии, она написала свой «Февральский дневник», которому суждена была большая судьба. Берггольц ощущала значение своей поэтической работы на радио уже в феврале 1942 года, когда писала про «эту тьму, и голос мой, и холод, и баррикаду около ворот». «Февральский дневник» – первое крупное произведение военного времени, написанное как часть одной радиопередачи (Радиохроника. № 195), вышедшее далеко за ее рамки. Этим поэма, в частности, отличалась от других поэтических откликов на события. В поэме не только пронзительно достоверные строчки о зимнем блокадном Ленинграде, но глубоко обобщенный образ города и его защитников. Решающим условием успеха была авторская позиция, его собственная роль участника событий.

Позднее Берггольц напишет: «С новой силой стало мне ясно, что мы не имеем права „писать зря“, что читателю далеко не безразлично – пережил поэт сам то, о чем он пишет, или просто описал, или только притворялся, что пережил». Поэма стала значительным явлением – и общественным, и литературным. Она была подготовлена и ее прежними вы-

---

читателей – О. Берггольц. Расстались герои «Твоего пути» в конце пятидесятых. См. стихотворение – «Я все оставляю тебе при уходе...» – с двумя датами: 1956, 1960.

ступлениями, и стихами. Естественно прозвучало рядом с горькими словами о блокадных тяготах предвестие будущей победы:

Двойною жизнью мы сейчас живем:
В кольце, во мраке, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним, свободным, щедрым днем, —
Мы этот день уже завоевали.

Да, «мы дышим», «нас вместе называют Ленинград», «мы стояли на высоких крышах» – у Берггольц было право так говорить. Это право оплачено той жизнью, о которой она сказала в поэме: «Дыша одним дыханьем с Ленинградом, я не героировала, а жила». Берггольц считала, что в стихах и поэмах военной поры, написанных в блокаду, она прикоснулась «лишь к первому, самому верхнему слою событий, чувств и душевного мира ленинградцев». В авторской оценке проявилась высокая требовательность к себе. Между тем «Февральский дневник» не только стал важной вехой в творчестве Берггольц, но и в известной мере подготовил лирико-эпическую поэму «Твой путь» (1945) с ее философским осмыслением событий и высокой трагедийностью. Критики (Н. Банк) справедливо писали о «радиовлиянии», которым объясняются некоторые черты поэзии Берггольц. Стоит заметить, что это влияние было взаимным. Рядом с речами Берггольц всякого рода литературные поделки выявляли свою несостоятельность. Даже тон информационных мате-

риалов в передачах «Радиоэроники» изменился, стал менее официальным, авторы и редакторы передач стремились учитывать душевное и физическое состояние слушателей. Видимо, блокадная поэзия О. Берггольц несколько заслонила ее публицистику, которая прямо связана со стихами. Даже книга О. Берггольц «Говорит Ленинград» (в нее вошла небольшая часть радиовыступлений поэтессы) привлекается исследователями лишь как некий фактический материал о блокадной поре. В лучшем случае приводят выдержки из речей.

Между тем эта радиопублицистика, неторопливый, негромкий, можно сказать «антипафосный разговор», оказывал необычайно сильное воздействие на слушателя. Когда О. Берггольц выступала по радио, казалось, перед ней и микрофона-то никакого нет. В ту пору в стране практически не было телевидения, а сейчас лучшие телеобозреватели ведут свои беседы именно в подобном ключе, но их-то аудитория видит. Несравненно трудней было, выступая по радио, достичь такой искренности, когда слушатель мог представить своего собеседника не в далекой студии, а рядом: «Еще никогда не бывало в Ленинграде такой новогодней ночи, как нынешняя. Мне незачем рассказывать вам, какая она». И от этих слов, сказанных декабрьским вечером сорок первого года, было очень близко к стихам, которые Берггольц потом прочитала: «Я не пишу – и так вернее, что старый дом разрушен наш, что ранен брат, что я старею...» В выступлении эти стихи шли после прямого обращения к слушателю.

лям. Но вот июньская радиоречь приведена в книге О. Берггольц «Говорит Ленинград» без какого-либо выделения стихов, автор словно бы подчеркивал их естественность, органичность в ткани всего выступления.

«Полк принимал знамя в бою. Гвардейцы стояли на поляне среди бедных, еще почти не одетых травой бугров, под холодным северным ветром, а за ними, в синеватой дымке, виднелись нежные контуры Ленинграда. Каким отсюда строгим и спокойным казался он! Покой и тишина...

– Что в городе? – спросил меня полковник.

И я ему ответила: – Война!»

Слушая речь Берггольц, ленинградец все время ощущал, что она не только говорит об артобстреле – сама находится в зоне огня. Бытовые подробности в ее выступлениях еще более сближали говорившего и слушавших. Умение выдержать эту интонацию беседы, доверительного разговора и в публицистике, и в стихах сделало цельным все военное творчество О. Берггольц. Естественность, исповедальность речи была такова, что никто и мысли не допускал о каком-либо литературном приеме. «Вот и сейчас – не успела я написать два первых абзаца, как слышу характерный свист снаряда (это тяжелый, фугасный), и взрыв, и долгий гул (да, это тяжелый калибр...). Сейчас ночь, ноль часов восемнадцать минут».

Сегодня это воспринимается как документ, свидетельство очевидца. Тогда это было еще и свидетельство несломленного человеческого духа. Пример и призыв. Вызов врагу. Сти-

хи и речи Ольги Берггольц получали немедленный и еди-
нодушный отклик слушателя и читателя. В личном архи-
ве поэтессы сохранились сотни писем, в большинстве сво-
ем присланных на радио. Писали так: «Ленинград. Город-
ская радиостанция. Передать лично поэту, читавшей стихи
навстречу Новому году»; «Ленинград. Радио. Ольге Берг-
гольц»; «Ленинград, улица Пролеткульта, 2, Дом радио. Оль-
ге Федоровне Берггольц, поэту города Ленина»²⁶. Большин-
ство писем – солдатские треугольники без марок, конверты,
сделанные из старого календаря или тетрадной обложки. И в
каждом – человеческая судьба, рассказ о себе, о своей жизни
на войне, в дни войны. Такое пишут только близкому чело-
веку. Среди корреспондентов О. Берггольц, высоко оценив-
ших ее работу, – Д. Шостакович, В. Вишневский, А. Таиров,
Т. Щепкина-Куперник и рядовые читатели и слушатели.

Вот наиболее характерные отклики, письма из личного ар-
хива Ольги Федоровны. В полночь 29 декабря 1941 года ко-
мандир роты связи стрелкового полка Е. Губа, который всего
лишь на сутки прибыл в Ленинград с одного из южных участ-
ков Ленинградского фронта, писал: «Хочу выразить благо-
дарность (за радость), полученную при слушании читанных
Вами стихов по радио 29.12.41 около 22 ч. „Письмо на Ка-
му“... Жаль, что на передовых линиях в минуты затишья мы
не можем слушать радио. Эти два стиха сильно взволновали
меня. Только не пишите сентиментальных с пафосом стихов,

---

²⁶ См.: А. Рубашкин. Десять писем // Звезда. 1970. № 5.

больше реальных, от души». В своем письме благодарный слушатель отметил, пожалуй, самое главное в поэзии Берггольц – ее сердечность и искренность, простоту, ее «реальность».

В этом же видели причину огромного влияния радиоречей на жителей города многие слушатели. Были среди выступлений Берггольц и непосредственные отклики на полученные письма. Таким откликом оказалась радиоречь 9 февраля 1943 года, которую называли «Ответ одинокой матери». Автор письма упрекала Ольгу Берггольц в том, что писателям «показывают лишь лицевую сторону медали», в то время как она на своем горьком опыте убедилась в людской черствости.

Ответ одной корреспондентке содержал, во-первых, оценку роли писателей в обороне города и, во-вторых, призыв ко всем ленинградцам продолжить и после прорыва блокады свои усилия для разгрома врага, все еще стоящего у городских стен. «Нам, ленинградским писателям, никто ничего не „показывает“, ни лицевой, ни оборотной стороны. Мы не соглядатаи, не интуристы. Мы пережили все то же самое, что и вы: тот же голод, холод, потерю близких».

Слушатели Берггольц знали: это все так. Ее голос звучал по радио с августа сорок первого, утешал, советовал. Она говорила и о своих личных утратах. У нее было право сказать: «...примеров людской черствости, неблагодарности и равнодушия я могла бы привести больше вашего. Но ведь не этим

жив Ленинград, не этим же держимся все мы». О том, что помогает людям жить, о взаимной выдержке и поддержке, о том, как люди спасают своей заботой других, говорил с общегородской трибуны человек, спасавший людей своим примером стойкости, своим словом. Поэтому так убедительно, спокойно, не «митингово», а скорее интимно было обращение: «Дорогой товарищ, подписавшая свое письмо „одинокая мать“. Я не хочу ни обидеть, ни поучать Вас. Вас действительно оскорбили, Вы многое пережили, много перенесли. Вы неправы только в том, что „сдали в порыве“ и что частный случай недоверия лично к Вам возвели до обобщения, стали по своему опыту судить обо всех» (обстоятельства не позволяли тогда сказать о предвоенных тяжелых «буднях». Об этом она напишет в своих стихах, позже составивших книгу «Узел»). Это выступление слушали многие. Его почти все правильно поняли и оценили. Слушатели одновременно отвечали «одинокой матери». «Дорогая Ольга Берггольц! Я хорошо помню Вас, когда в жутко тяжелые дни для ленинградцев, в декабре мес. 1941 г. Вы приходили к нам в Смольный... Сегодня в 22 часа я слушала Ваше выступление по радио, в котором Вы отвечали “одинокой матери”. Ваш корреспондент неправ и далеко заблуждается. Вы, писатели, работали вместе со всеми ленинградцами, пережили то же, что многие. Мне не хотелось бы напоминать Вам о прошлом, но передайте при удобном случае „одинокой матери“, что Вы были в одной из стадий той „модной“ болезни, „дистрофии“,

которой страдали многие в тяжелые дни 1941–1942 гг.» (из письма работницы ленинградского обкома ВКП(б) Н. Чернышевой).

В мае 1943 года пожарник системы Ленэнерго Нина Алексеевна Ситникова обращалась к Берггольц в письме на радио: «Многие и многие ленинградские женщины ждут Ваших душевных радиобесед, они так хорошо действуют, и после всех Ваших выступлений хочется еще больше работать... И, усталая после работы, идешь на огород „в ватнике с лопатой“ и чувствуешь, что ты тоже боец, и легче кажется лопата, и глубже и сильнее входит она в целину...» Боец, пожарник, литератор, бывший сокурсник по институту – чьи только письма ни увидишь в архиве О. Берггольц!.. Одно из них – без почтового штемпеля. Судя по содержанию, оно передано Ольге Федоровне во время недолгого пребывания в Москве. Его написала старейшая литератор, известный поэт и переводчик, современница Чехова и Толстого. «28 февраля 44. Милая Ольга Федоровна, Я не знакома с Вами лично, но мне хочется написать Вам, моему молодому товарищу, несколько слов – давно хочется. Я почти никогда не плачу – жизнь отучила от этого – потому что иначе приходилось бы часто тонуть в слезах. Но Ваши строки о Пушкине (в „Литературе и иск.“), Ваши рассказы о моем любимом Ленинграде – заставили меня плакать. И смешанные это были слезы: и глубокой скорби за разрушенный „город Муз“, и радости за освобожденный Ленинград, и радости за то, что Вы – чужой

мне человек – героически пережили эти годы, и уцелели, и донесли Ваш милый дар до этих дней. Дайте мне пожелать Вам от души счастья, дальнейшего расцвета Вашего поэтического таланта и возможности написать прекрасные стихи на победу Родины. Преклоняюсь перед ленинградскими товарищами, если вернетесь туда, передайте им это. С горячей симпатией, Т. Щепкина-Куперник». Всего лишь несколько писем из сотен, полученных Берггольц в дни войны. Свидетельство огромного резонанса ее работы, значительнейшая часть которой была связана с ленинградским радио.

ACHTUNG! ACHTUNG! HORT UNS! (И в час тревоги)

Achtung! Achtung! Контрпропаганда.

«За что воюете?» Говорят слушатели. Фриц и Эрнст.
Канун Рождества. Тридцать лет спустя.

В часы воздушной тревоги репродукторы замолкали ²⁷. Передача из радиостудии прерывалась на полуслове. Городская сеть подключалась к штабу местной противовоздушной обороны. Но и в это время ленинградская радиостанция нередко продолжала работать. Правда, ленинградцы не могли слушать этих передач – все приемники были сданы еще в начале войны, но город продолжал говорить и в часы тревог. Уже 5 июля немецкие воинские части, наступающие на Ленинград, приняли в диапазонах волн, на которых обычно работали, слова воззвания: «Achtung! Achtung! Deutsches Volkund deutsche Soldaten! Hort uns! Wir sagen Euch die Wahrheit!» (Внимание! Внимание! Немецкий народ и немецкие солдаты! Слушайте нас! Мы говорим вам правду!) Так начинала свою работу немецкая редакция ленинградского радио. Затем аналогичные обращения, но уже на

---

²⁷ Исключением из этого правила была трансляция из Москвы речи И. Сталина 6 ноября 1941 года.

финском языке слышали войска противника на Карельском перешейке.

В составе иностранного отдела сначала было две редакции – немецкая и финская. Их называли еще редакциями контрпропаганды. Сюда, к братьям Эрнсту и Фрицу Фуксам и их товарищам, приходили репортеры, редакторы, дикторы. Ведь по долгу службы «контрпропаганде» нужно было ежедневно слушать и Берлин, и Лондон, и Стокгольм. Что говорит мир о битве на Востоке? И что говорят враги? Горькие минуты испытывали радиожурналисты, когда осенью 1941 года Берлин передавал свои победные сводки. Они тоже начинались словами: «Achtung! Achtung!» Может быть, больше всего слушать это было Фуксам, австрийским немцам, жившим в Советском Союзе после разгрома в 1934 году рабочего восстания в Вене. Эрнст и Фриц знали, что единственный путь к возрождению Австрии и возвращению на родину – разгром фашизма. Братья Фукс сражались своим оружием. Они хотели, чтобы звучало в эфире свободное немецкое слово. Во главе отдела стоял бывший сотрудник ТАСС в Берлине Николай Верховский. Работал он вместе с австрийскими товарищами, вместе с журналистом Всеволодом Римским-Корсаковым, переводчицей и композитором Наталией Леви. Был у иностранной редакции и широкий актив, но основной груз повседневной, черновой работы лег на плечи этих людей.

Все отделы радио были связаны с армией, Военным сове-

том. И все же больше всех оказались связаны с военными даже не репортеры, а «контрпропаганда». Все-таки это была необычная редакция. На сохранившихся текстах передач то и дело встречаются пометки: «Получено от тов. Лазака»; «Передано тов. Лазаком». На некоторых материалах есть резолюция: «Не возражаю. С. Тюльпанов». В 1972 году Ю. Лазак и С. Тюльпанов рассказали о специальном отделе Политуправления Ленинградского фронта, который вел пропаганду среди войск противника и населения захваченных районов. С. Тюльпанов, позже профессор университета, был начальником отдела, а Ю. Лазак, затем заведующий кафедрой иностранных языков, работал у С. Тюльпанова инструктором. Из отдела приходили на радио листовки, напечатанные по-немецки и по-фински, обзорные материалы, которые переводили в редакциях. Ю. Лазак приезжал в Радиокomiteeт обсудить вместе с его председателем некоторые задачи «вещания на противника». Но Лазак не только инструктировал – ему ведь не нужен был переводчик, – он сам выступал с некоторыми обзорами, как «подполковник Листов». Но, может быть, главной помощью отдела были не советы, обзоры и листовки, а немецкие пленные. Сначала инструктор вместе с журналистами ездил в лагерь на Среднюю Рогатку, а позже, когда лагерь пришлось перевести в другое место (фронт был совсем рядом), военнопленных доставляли прямо в студию. Зимой 1941–1942 годов это было занятие рискованное. Ведь стоило машине застрять где-либо в сугробах, и «живо-

го немца» пришлось бы вести через город, который сдавила смертной петлей немецко-фашистская армия. Даже через много лет Ю. Лазак содрогался от подобной перспективы.

Нелегко было Фрицу Фуксу и его советским товарищам говорить с немецким солдатом сорок первого года. Ведь только вчера этот солдат стрелял из своего окопа по нашим бойцам, посылал на город снаряды и бомбы. Весьма противоречивые чувства испытывали контрпропагандисты, убеждая пленных выступить у микрофона в студии или через передвижную установку на передовой. Ситуация была достаточно драматичной. Нередко пленные во время допроса сами угрожали, говорили, что Ленинград обречен, что он голодает. Сколько нужно было внутренней убежденности действительно голодным людям, чтобы продолжать эти беседы...

Тысячи немцев, побывавших в плену в России, стали после войны видными общественными деятелями. За их плечами – суровая школа войны и те первые разговоры с нашими политработниками, контрпропагандистами, открывшие им глаза на многое. Пропаганда на противника по радио была лишь частью большой работы отдела. Но финская и немецкая редакции черпали материалы не только из Политуправления. На помощь пришли писатели. Просто переводить их статьи и очерки оказалось невозможно. Тут надо было найти особые слова, нужна была эмоциональная сдержанность. Ведь писатели в своих выступлениях призывали

громить врага без пощады. Фронтовые газеты выходили с призывами: «Смерть немецким захватчикам!» И вот теперь приходилось говорить с немецким солдатом, обращаться к нему.

Такой разговор не каждому оказался под силу. В своей публицистике Эренбург, например, писал о двух Германиях, его статьи иногда использовала немецкая редакция, но сам он не обращался к вражеским солдатам. Не выступал с речами, адресованными противнику, и В. Вишневский. Он понимал, конечно, необходимость таких передач, использовал в своей работе некоторые материалы отдела, но говорить в два адреса не мог. Из ленинградских литераторов чаще других сотрудничали с иноредакцией А. Прокофьев, И. Луковский, О. Берггольц, Н. Тихонов, В. Саянов. Они писали для «контрпропаганды», и речи их переводились тут же в редакции. Верность принципам пролетарского интернационализма, понимание классового характера войны, убежденность в нашей победе позволяли писателям найти эмоционально верный тон в своих листовках, обращенных к солдатам вермахта. В одной из листовок А. Прокофьева и И. Луковского говорилось: «Германские солдаты! За что вы воюете против Советского Союза? Может быть, за свою отчизну? Нет. Ничего подобного. Может быть, за честь Германии? Тоже нет...» Шаг за шагом листовка убеждала в бессмысленности этой войны, в неизбежном крахе фашизма.

Об этом же говорилось в обращениях и письмах немецких

писателей-антифашистов. Эти материалы приходили через Политуправление фронта из Москвы. Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, Фридрих Вольф рассказывали немецкому солдату о политике Гитлера, о положении в Германии, о бесчинствах гестапо. Одно из писем Вольфа начиналось с прямого обращения: «Немец! Земляк! К тебе обращается немецкий писатель, чьи пьесы шли во многих немецких театрах до того времени, пока Гитлер не пришел к власти. Я жил и работал в Германии свыше сорока лет и люблю ее горячо...» Такие выступления могли заставить задуматься – Вольфа в Германии знали. Известность к нему пришла задолго до знаменитого «Профессора Мамлока», которого, разумеется, при Гитлере не ставили на немецкой сцене. Прослушав стихи Эриха Вайнерта «Родина зовет!», «Переходи», солдат, разумеется, не бросал в ту же минуту винтовку, но он чувствовал: это стихи, написанные немецким поэтом. Это не перевод. Значит, не все немцы стоят за Гитлера. Важно, что такая мысль могла родиться осенью сорок первого года. Наверное, полностью нигде не было прослушано обращение ЦК Коммунистической партии Германии, подписанное В. Пиком и В. Ульбрихтом. Слишком это было рискованное дело. Но даже несколько слов обращения, даже сам факт его становился знаменательным. Живы соратники Тельмана! Немецкие коммунисты продолжают борьбу!

В каждой передаче были призывы сдаваться, напоминая об оставленных дома семьях. Неоднократно повторя-

лись гарантии военнопленным. Конечно же, немцы, сидевшие в блиндажах и окопах, не могли все это слушать открыто. Зато они слышали эти же призывы из передвижных радиоустановок. Однако пленных, особенно на Ленинградском фронте, было немного. Нужно учесть и сложность такого перехода, и военную дисциплину, и психологию немецкого солдата. И все же можно себе представить, как в передаче немецких раций врывается голос нашей станции, особенно зимой 1941–1942 годов. Что же это такое? Значит, у русских есть еще силы, если они не только держат фронт, но и еще ведут свои передачи...

А иногда говорили пленные. Конечно, первые пленные нелегко соглашались подойти к микрофону. Многие из них еще верили, что Ленинград будет взят, и выступать боялись. В редакции понимали – не за один день произойдут внутренние перемены в бывших солдатах вермахта. И если они говорят, то одних толкает страх, другие хотят, чтобы там, на родине знали: они живы. Об этом говорил один из пленных: да, с ним обращаются хорошо. Это же повторил другой: «С первого дня плена со мной обращаются хорошо». Очень сдержанны эти первые пленные, они еще не говорят: «Гитлер капут!» Они еще не призывают товарищей следовать их примеру. Да ведь и они не сами перешли. «Гитлер капут!» – это будет впереди. А пока: «Что дала война лично вам?» – «Мне персонально война не дала ничего». Так ответил на допросе участник многих военных кампаний. Это же чувствовали

многие из тех, кто слушал передачу.

Слушая по радио заявления своих товарищей, немецкий солдат убеждался в лживости фашистской пропаганды. От такого вывода до сдачи в плен дистанция была огромной. Но все-таки почва подготавливалась постепенно. Время от времени в окопы попадали листовки, солдат слышал громкоговорители, установленные на советских танках. Он все меньше верил собственному фельдфебелю и офицеру. У редакции были документальные материалы и помимо выступлений пленных. Главные из них – письма, найденные у убитых фашистов. Передавалось письмо матери убитого унтер-офицера – в нем говорилось о бомбежке Берлина. Жена ефрейтора писала: «Я бы могла тебе еще многое порассказать, но теперь ведь страшно даже рот раскрыть. Единственное, что нам еще осталось в жизни, – это надежда».

Выступления работников Политуправления, записи допросов пленных, письма, обзоры – все это было частью материалов, а больше всего их шло из самих редакций. Для каждой передачи писали братья Фуксы. Гитлер выступил с речью о кампании «зимней помощи». Эрнст написал статью – ответ фюреру – и сам ее прочел. Геббельс успокаивает солдат: мол, все идет по плану. Эрнст в декабре дает фельетон: «Война по хронометру». «Война по хронометру? Нет. Неумолимые часы судьбы – вот что страшит нацистов! Нацисты видят, как движутся стрелки на их циферблатах. Эти стрелки неуклонно и неумолимо приближаются к тому часу, который поло-

жит конец нацистской власти».

В самых разных жанрах выступал и Фриц Фукс. Он писал статьи, рассказы, фельетоны, скетчи и даже пьесу «Полковник рейхсвера» (вместе с О. Берггольц). Он же вел беседы с пленными и переводил статьи и листовки писателей. Об этой своей работе, о военном Ленинграде Фриц рассказал мне, рассказал, как в начале декабря бомба попала в дом, где он жил со своими близкими, и потом Эрнста, Фрица и его жену, переводчицу Ани, снимали с третьего этажа полуразрушенного здания. Он запомнил, как перевел в канун Нового, 1942 года одну из листовок-обращений к немецкому солдату. Листовка была записана на пластинку Фрицем Фуксом, и Всеволод Римский-Корсаков отвез ее на передний край. Через радиоузел, прямо в окопы доносились слова этого обращения: «И если ты не повернешь своих пушек против Гитлера, немецкий солдат, ты не уйдешь из-под Ленинграда живым». Фриц Фукс был самым деятельным работником немецкой редакции. В марте 1973 года в письме из Вены он перечислил основные работы, написанные им для радиопередач начиная с лета 1941 по март 1944 года: 8 художественных радиосценок (длительность примерно по 15–20 минут), 3 рассказа (по 20–25 минут), 53 статьи политического характера, 22 очерка, 11 воззваний, 62 фельетона, 6 стихотворений, а также 3 цикловых обзора, а именно: а) «Почтовый ящик из лагеря военнопленных» (14 статей на 77 листах); б) «Из крепости “Европа”» (6 статей на 33 листах); в) военные

обзоры (14 статей на 77 листах). В том же письме Ф. Фукс заметил: «А помимо всего этого мне было холодно и голодно. Но это прошло». Когда австрийский коммунист бывал в Советской стране, он встречался в Доме радио со старыми товарищами, вместе с ним боровшимися в те блокадные месяцы. В 1972 году в «Ленинградской правде» Ф. Фукс писал о работе, навсегда связавшей его с городом на Неве: «Фашистские пропагандисты твердили всему миру, что ленинградцы вымерли, а мы вели передачи на немецком языке».

До декабря у контрпропагандистов не было, может быть, самых главных аргументов для своей работы. И вот – победа под Москвой. Казалось, второе дыхание появилось у Ф. Фукса, Э. Фукса, Н. Верховского, В. Римского-Корсакова и работников финской редакции – И. Лехтинен, Ю. Линко и А. Эйкия. Фриц Фукс именно в декабре написал свои лучшие фельетоны: «У лжи короткие ноги» и «Моя хата с краю». В канун Нового года сотрудники редакции работали так, будто они не мерзнут и не голодают. А ведь Н. Верховскому, написавшему для передач 23–24 декабря обращение к немецким солдатам, осталось жить несколько недель. Он был очень слаб, но писал с прежней энергией: «Свирепеет русская зима. Пурга и метель заметают бескрайние русские дороги. Ветер свистит в лесах. Бросая танки, орудия, машины, германские дивизии бегут на Запад».

Голодные, ослабевшие люди уже не могли сохранить в конце 1941 года прежнюю периодичность выступлений. В

декабре случалось, что одна и та же программа повторялась три дня подряд. Это был серьезный симптом. В подобной обстановке редакции стремились к тому, чтобы в самих передачах не сказывались усталость, напряжение их авторов. Умиравший от голода Н. Верховский писал в своем очерке «Голодное рождество»: «Среди публики, заполнившей магазины (Берлина. – А. Р.), необычные для праздника разговоры: удастся ли достать где-нибудь хоть немного суррогатного смальца, что будут давать вместо жиров, можно ли где-нибудь найти хотя бы самую плохую суррогатную колбасу, как найти хоть немного жира на тощий и постный рождественский суп».

Можно представить себе муки, которые испытывал автор, только упоминая всю эту еду. Ведь единственный суп в Ленинграде тех дней был дрожжевым. Удивительно, как в этих условиях работники немецкой редакции готовили разнообразные по форме материалы. В передачах 26–27 декабря прозвучало написанное от имени немецкой женщины письмо мужу на фронт. Как и Н. Верховский, авторы этого произведения О. Берггольц и Ф. Фукс словно отрешились от того положения, в котором находился Ленинград. В письме говорилось: «Помнишь ли ты, как пахло рождественское печенье, вспоминаешь ли ты весь этот смешанный аромат хвои, пряностей и ванили? А помнишь ли ты, как трещали свечи, какое тепло излучалось от них – домашнее, праздничное тепло...» Такое невозможно было произнести в передаче по

городской сети – это звучало бы кощунством. Но немецкому солдату, который пришел завоевателем в нашу страну, надо было сказать так, пересилив себя, заставив забыть и об ушедшем тепле, и о рождественском печенье... Передача продолжалась, работники редакции, высохшие, почти черные, едва держались на ногах. В январе не стало Н. Верховского и В. Римского-Корсакова. Фриц Фукс, по его свидетельству, похудел на 25 килограммов, болел цингой, у него отнялась правая нога. Фриц лежал в кровати, слушал приемник, писал и переводил. Самому деятельному работнику немецкой редакции Фрицу Фуксу особенно тяжело пришлось после гибели двух сотрудников и ухода с радио Н. Леви и Э. Фукса. В отчете Радиокomiteта о положении в немецкой редакции сказано: «Вся оперативная и большая часть вспомогательной работы лежали на одном человеке. Он должен был сам выбирать материалы из газет, переводить их, составлять передачи, кроме того, слушать и записывать заграничные передачи и писать почти все оригинальное». В 1943 году, кроме Ани Фукс, Фрицу помогали переводчики Александра Ден и Александр Болдырев (востоковед), которые также являлись авторами некоторых статей и очерков.

С каждым месяцем, начиная с весны 1942 года, иноредации увеличивали объем передач. Они выходили по несколько раз в сутки. Исчезла некоторая прямолинейность листовок начального периода войны. Произошло и еще одно серьезное изменение: если до конца марта все вещание велось

от имени «безымянных» независимых друзей немецких солдат, то теперь передачи шли от имени Ленинграда, Советского государства. В эфире звучала мелодия «Интернационала», изменился весь характер пропаганды – она стала острой, наступательной. Один из создателей музея в Доме радио, М. Зегер, пришедший сюда на работу в 1943-м, еще подростком, ставший сначала оператором, а позднее радиоинженером, сохранил и реставрировал многие материалы блокадной поры. Среди опубликованного им уникальна более поздняя запись его беседы с Ф. Фуксом, вспомнившим эпизод своей работы:

– Однажды, прослушав по радио выступление Геббельса, Фукс сразу же написал свой ответ, отдал, как было положено, для перевода на русский и представил оба текста председателю комитета (Фукс назвал его «директором»). Тот сказал: «Хорошая статья, но мы не имеем права ее давать без утверждения в горкоме партии». Руководитель Радиокomiteта поехал утрясать дело в горкоме, а Фукс... пошел в студию и прочел в эфир свой ответ рейхсминистру пропаганды. Через неделю пришло разрешение. Фукс полагал, что иначе работать нельзя – нужен оперативный отклик, право на самостоятельное решение. Он добился встречи с руководством города. Вот выдержка из репортажной записи М. Зегера конца шестидесятых годов прошлого века. Фукс вспоминал: «Принял нас товарищ Кузнецов (видимо, секретарь горкома партии. – А. Р.). Сначала он был против (выступления без пред-

варительного просмотра текста. – А. Р.). Но, подумав, согласился, предупредив, что содержание передач будут контролировать два человека. Я не возражал: даже двадцать два человека мне не могли помешать»²⁸.

В тот памятный приезд Фрица Фукса в Ленинград мы о многом беседовали с ним в гостинице «Россия». Но этот эпизод оказался для меня скрытым. Видимо, журналист не хотел подчеркивать свою независимую позицию в то непростое время. Мне же эта история кажется показательной для характеристики скорее контролирующей функции партруководства, чем организующей.

Со временем расширилась аудитория иноредакции. Передачи шли на немецком, финском, шведском²⁹ и эстонском языках. В отчете о работе Радиокomiteта за этот год говорилось, что, хотя прямых доказательств влияния нашей пропаганды мало, известно: таллинская фашистская «Ревалер Ландесзендер» призывала не слушать передач ленинградского радио. В отчете приведены показания финских и немецких пленных, подтвердивших, что часть передач дохо-

---

²⁸ М. Зегер. Мы эти дни уже завоевали // А. А. Палладин, М. Г. Зегер, А. А. Вьюник. Ленинградское радио: От блокады до «оттепели». М., 1991. С. 124 – 125. В своем разделе книги М. Г. Зегер (на с. 104) написал: «Ветераны ленинградского радио, да и все ленинградцы, перенесшие блокаду, с благодарностью встретили книгу литературного критика Александра Ильича Рубашкина...» Я был признателен ветерану за высокую оценку книги «Голос Ленинграда».

²⁹ Передачи на шведском языке предназначались главным образом для шведов, проживающих в Финляндии.

дит до слушателей: «„Накладки“ на передачи „Лахти“ бывают отчетливо слышны, и солдаты знают о них. Факт злобной реакции финнов говорит о том, что значительная часть радиослушателей „Лахти“ слышит наши „реплики“». Реплики во время передач или сразу же после них чаще всего подавал руководитель финской редакции известный поэт Армас Эйкия. Он слушал выступления финских обозревателей Яхветти (Яфета) и Ватанена и, настроившись на волну «Лахти», вставлял «крылатое слово», поговорку, давал краткую справку. Вот Яхветти сказал, что невозможно прибавить оплату фронтовикам, это дорого бы стоило государству. Как бы продолжая сказанное Яхветти, Эйкия говорил: «Теперь вы слышали, фронтовики. Никакой прибавки вам не будет. Финляндии нужны деньги для повышения зарплаты большим чиновникам и для военщины, выколачивающей средства от государства, а вы, фронтовики, можете облизывать свои пальцы...» Выслушав очередное заверение обозревателя Ватанена о близкой победе немцев и их союзников, Эйкия предлагал: «Сосчитайте-ка, сколько раз радиолгун Финляндии Ватанен хвастался, что немцы нанесут Красной Армии смертельный удар». В записке руководителей вещания на имя А. Жданова о результатах радиодиверсий на финскую радиостанцию «Лахти» говорилось, что первый выход нашей станции с «накладкой» ошеломил финнов и они выключили свою передачу. А ведь такое случалось лишь во время налетов советской авиации. Одна из речей финского прези-

дента Рюти, по существу, была сорвана. Во время всего выступления Рюти финны слушали разоблачительный комментарий. В воспоминаниях П. Палладина раскрывается напряженная работа инженеров и техников, которые обеспечивали победу нашего вещания в радиовойне с фашизмом. Достижения научной и технической мысли помогали Эйкия и его товарищам донести слова правды о положении на фронтах до финских солдат и граждан Финляндии. У вражеских пропагандистов такой возможности не было: в стране все частные приемники были изъяты, а городская сеть для проникновения в нее была недоступна. Палладин писал: «С первых дней войны группа специалистов НИИ с участием коллектива “РВ-53” выполнила целый комплекс работ по оборудованию передатчика специальной аппаратурой. Это давало возможность по особой системе вклиниваться в работу мощной станции, перестраиваясь на ее волну». Противник не мог мириться с таким положением и принял технические контрмеры. Как только начиналась «накладка», он скачками изменял частоту станции. Но теперь и наши передачи шли сразу после такого изменения частоты. Тогда финны перешли на непрерывное и плавное ее изменение – «качание частоты». Выход снова был найден. От плановых передач перешли на систему внезапных налетов: когда финские радисты «успокаивались», прекращали «качать частоту», Эйкия успевал сказать свое слово. Опять начиналось «качание». Приходилось ждать, чтобы в подходящий момент вклиниться в передачу.

Это была снайперская работа, она требовала выдержки, точности.

В архиве ленинградского радио сохранились многие выступления Эйкия. Вот еще примеры «накладок» на официальные заявления и речи фашистских пропагандистов. «Лектор сказал, что война отняла самостоятельность почти у всех малых наций за исключением Финляндии». Реплика: «Ну и наглый же лжец этот господин! Каждому ведь известно, что Финляндия участвует в этой войне в качестве вассала Германии. Самостоятельность Финляндии была да сплыла». Стоило финскому обозревателю упомянуть однажды, что Турция в прошлой войне была союзницей Германии, как Эйкия заметил: «Турки не повторили ту же ошибку. Они не стали вассалами Гитлера. Маннергейм совершил ту же ошибку, что и в 1918 году»³⁰.

Когда финское радио сообщало, что начинается передача последних известий, Эйкия предупреждал слушателей «Лахти» о том, что «будет передаваться последняя ложь финского информбюро». Эйкия не только опровергал фашистских пропагандистов, он знакомил слушателей Финляндии с успехами наступающих советских войск. По свидетельству военнопленных, финское радио вынуждено было передавать многие сообщения после того, как их уже сооб-

---

³⁰ Нынешние исторические исследования по-другому оценивают политическую линию Маннергейма. Однако для нашей пропаганды он был маршалом, а позже главой враждебного государства, объявившего нам войну в союзе с фашистской Германией. И тут было не до нюансов.

щило на волне «Лахти» ленинградское радио, Армас Эйкия. Обращаясь к финскому народу в дни Сталинграда, Эйкия повторил свой призыв покончить с войной, чуждой интересам финнов: «Финляндия, став германским слугой, потеряла свыше двухсот тысяч мужчин. Но Маннергейм и Рюти, чтобы выполнить данные Гитлеру обещания, собираются еще продолжить убийства финских мужей, хотя и дураку видно, что игра Гитлера уже сыграна».

Ватанен и Яхветти приходили в ярость. Они оправдывались, спорили, они не скрывали своей злобы к публицисту ленинградского радио. Дело дошло до того, что финская пропаганда пыталась всех недовольных немецкими порядками в Финляндии назвать «рыцарями ордена Эйкия». Армас Эйкия мог гордиться такими нападками врагов. Талантливый поэт и журналист, автор статей, фельетонов, сатирических стихов и остроумных «накладок» стремился усилить действенность нашей пропаганды. В Финляндии после разгрома немцев под Ленинградом все отчетливей проявлялись антигерманские настроения. И вот майор Эйкия 25 февраля 1944 года пишет докладную записку в Военный совет Ленинградского фронта. Отметив, что во время бомбежек Хельсинки и других финских городов нашей авиацией «Лахти» прекращает работу, Эйкия предложил использовать это молчание и во время бомбежек передавать программу из Ленинграда всему населению Финляндии на лахтинской волне. Летом 1944 года наши войска начали наступление север-

нее Ленинграда и в Карелии. Это был удар, после которого Финляндия вышла наконец из войны. Среди трофейных документов была найдена целая книга, изданная специально для борьбы с растущей популярностью передач ленинградского радио. А. Эйкия и его товарищи с удовлетворением читали эти материалы. В статье «В радиовойне против немецкого и финского фашизма» А. Эйкия рассказал, что от финских инженеров потребовали вообще заглушить передачи из Ленинграда. Услышав голос Эйкия, в Хельсинки запускали машину, которая заглушала одновременно и собственную передачу. Эйкия приходилось часами просиживать у микрофона, чтобы в нужный момент, до того как включат глушилку, успеть произнести несколько слов. Приходилось быть предельно кратким: «Когда в Хельсинки заявляли, что „война уже выиграна“, слышалось восклицание: „Она только начинается“. За этим слышалось жужжание, заглушавшее оба голоса. Когда жужжание прекращалось, голос из пространства спрашивал: „Вы боитесь голоса правды?“ И снова непрерывное жужжание. Иногда ему случалось длиться долго, но ведь не могла же радиостанция посылать в эфир одно жужжание»³¹. До глушения передач и «качания частоты» Эйкия не ограничивался «накладками». Вместе с писателями В. Саяновым, А. Прокофьевым и Н. Тихоновым он придумал образы двух финских солдат, которые обсуждали политические проблемы. Один из солдат был тупым фаши-

---

³¹ Литературное наследство. Т. 78 (в 2-х кн.). М., 1966. Кн. 1. С. 554.

стом-щущкоровцем, а другой – наивным дураком, задававшим вопросы вроде бы вполне патриотические. Но все было сделано так, что вызывало смех, заставляло слушателей задуматься. По свидетельству Н. Тихонова, финские солдаты, взятые в плен, «попросили, чтобы к ним приехал тот человек, который три года вел с ними беседу о бессмысленности войны на стороне Гитлера и освобождении Финляндии из-под власти фашистов, человек, к слову которого они привыкли, – Армас Эйкия»³².

В 1943 году активно работало эстонское радио, начавшее передачи словами: «Смерть немецким оккупантам! Внимание! Говорит радио советской Эстонии! Внимание! Говорит советское эстонское радио в Ленинграде!» К этому времени программы давались восемь раз в сутки. Эстонская писательница Лилли Промет, прилетевшая в блокированный Ленинград по заданию правительства своей республики, свидетельствует: «В составе редакции эстонских радиопередач было в то время шесть человек. Редакторы Макс Лаоссон и Михкель Юрна, переводчик Мария Розенфельд, машинистка Ира Альтин, диктор Элла Алласилд и я, член редакции. Нашими соседями по этажу были редакции передач на финском и немецком языках, в каждой из них работало лишь по два человека. В финской редакции роль диктора выполняла маленькая девушка по имени Мирья. Редактором же был писатель Армас Эйкия. С передачами на немец-

---

³² Там же.

ком языке управлялась супружеская пара Ани и Фриц. Мне было неловко, когда фашистов ругали „фрицами“ в присутствии нашего товарища. Я не хотела бы из-за этого несчастного имени оказаться в его шкуре, но он не придавал этому значения. Фриц и Ани работали самоотверженно ради победы над фашизмом. Они были коммунистами. Я также не встречала ни одного диктора более очаровательного, чем Мирья. Неизвестно, по каким каналам дошли до нас сведения о том, что радиослушатели Финляндии были восхищены Мирьей... Часто только что полученные сводки с фронтов она переводила непосредственно у микрофона»³³.

Из заметок Л. Промет видно, что даже люди, работавшие бок о бок, не всегда знали о содержании работы друг друга. В частности, автор, видимо, не представлял сути деятельности Эйкия. Но дух товарищества, который был в редакциях, писательница передала хорошо. Как вспоминает Л. Промет, работе редакции помогали находившиеся тогда в Ленинграде эстонские литераторы и общественные деятели Э. Киппель, А. Уйбо, А. Вааранди, Х. Хаберман, К. Таэв, Л. Реммельгас. В своих передачах эстонское радио обращалось ко всем патриотам молодой республики с призывом к «решающей борьбе против исторического врага эстонского народа – немецких захватчиков». Около 20 тысяч передач было пере-

---

³³ L. Promet. Imelik raamat. Таллин, 1965. С. 26. (Дается в переводе Н. Яворской). Подробнее о Мирье Руонаниеми см. в книге «Позывные памяти. Опыт Ленинградского блокадного радио» (СПб., 2009), глава «Эфир говорит по-фински».

дано во время блокады по ленинградскому радио на немецком, финском, шведском и эстонском языках. Число их слушателей установить невозможно. Важно другое: полемика, в которую вступали Геббельс, Дитрих и другие главные немецкие пропагандисты. Геббельс, обращаясь к немецкому солдату, сетовал, в частности, на то, что ему говорят: минул год войны, а обещанной победы не видно. Геббельс демагогически уверял, будто немецкий народ воюет уже свыше двадцати лет и свыше двадцати лет Германия борется против Версальского мира и коммунистической угрозы. Геббельс утверждал: «Вам говорят!» Кто же мог говорить с немецким солдатом, кроме его начальников всех рангов? (Deutsches Volk und deutsche Soldaten!) С ним говорили – языком листовок – наши политработники; языком радио – наши радиожурналисты, языком боя – солдаты Советской Армии. Этот «разговор» завершился в мае 1945 года.

P. S. Среди откликов на эту книгу одним из самых дорогих было письмо от Фрица Фукса из Вены от 22 февраля 1976 года. Он благодарил меня за «прекрасный подарок» и даже... пригласил в гости, надеясь, что я «скоро упакую свои чемоданы». Конечно, приглашение не было как положено оформлено. Но в моем случае никакое приглашение не помогло бы: я считался невыездным. Фриц, наверное, забыл за многие годы наши нравы и прочность советских рубежей. Я приведу отрывок из давнего письма, касающийся настроения не одного радиожурналиста, но многих блокадников. В

нем объяснение их стойкости. «Голос Ленинграда... Сколько вы воскресили воспоминания (так! – А. Р.)³⁴, сколько фамилий и имена, которые я уже забыл. Сколько происшествий и событий. Конечно, я в первую очередь читал „свою главу“: „И в час тревоги“. Вы очень лестно пишете обо мне и о том, как работала во время войны наша редакция, и я сомневаюсь, заслужил ли я такой оценки. В конце концов, мы все выполняли только свой долг. Я не виноват в том, что бомба меня не убила, что голод и цинга меня не выгнали из этого света. Я даже не знаю фамилии того товарища, кто предлагал мне в августе 1941 года организовать радиовещание на немецком языке. Иными словами: во всем, что я сделал, было очень много случайного, очень много того, что от меня не зависело. А остальное базировалось на сознании долга, на сознании того, что я нужен, что нужна моя маленькая лепта в большое дело Победы, в общее дело нас всех. В самом деле, в те трудные для меня дни, когда я лежал и ждал своего последнего вздоха, я до сих пор уверен, что я только потому не умер, потому что мне некогда было, я пережил, ибо не было времени, чтобы думать о болезни и смерти». Этими словами австрийского журналиста, награжденного в 1943 году медалью «За оборону Ленинграда», думаю, справедливо завершить теперь главу о работе иностранной редакции блокадного радио.

---

³⁴ Отмечаю некоторые неправильности языка, от которого Ф. Фукс был надолго оторван.

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА

После той зимы. Несколько цифр.

Отзвук Сталинградской битвы.

«Будет свет на Невском». Опять в январе.

В апреле 1942 года ленинградцам казалось: главные трудности пережиты. Никто даже представить себе не мог, что впереди еще двадцать месяцев блокады, тысячи погибших от артиллерийских обстрелов граждан, сотни разрушенных домов. И все же ощущение, что самая тяжелая пора за плечами, было верным. Недаром именно в одной из апрельских радиопередач говорилось: «Мы еще в кольце блокады, но мы уже победили, хотя много боев предстоит впереди». С апреля 1942 по январь 1944 года погибли тысячи людей, но не сотни тысяч, как в первую блокадную зиму. Значительно улучшилось продовольственное положение города, пошли трамваи, в квартирах зазвонили телефоны, почта приносила газеты, выходили новые книги, в Филармонии начались концерты. Конечно, и трамваи пошли не везде, и света до поздней осени не зажигали в большинстве квартир. Но ленинградцы уже чувствовали себя победителями, они общались между собой, все дальше уходя от той жизни, которую вели зимой.

Теперь радио уже не могло заменять все источники информации, все виды искусства, оно не играло прежней, совершенно исключительной роли. Тем не менее ленинград-

ское радио продолжало оказывать огромное влияние на всю жизнь города. Это понимал враг, который все еще пытался вывести его из строя. Павел Лукницкий 28 сентября 1943 года записал в своем дневнике: «Мне, пожалуй, понятен смысл обстрела 25 сентября моего квартала: в этот день был взят Смоленск, немцы, очевидно, хотели уничтожить ту радиостанцию, которая могла возвестить об этой нашей победе, они, конечно, знают: эта радиостанция расположена „где-то неподалеку“». За двадцать с лишним месяцев – с апреля 1942 по январь 1944 года – город сдержал вражеский штурм (август 1942-го), пережил несколько неудавшихся попыток прорвать блокаду, знал периоды особенно ожесточенных обстрелов – и все это отражалось в передачах радио, которые прерывались сообщениями об очередном артиллерийском обстреле.

Одной из характерных особенностей всех передач ленинградского радио после первой блокадной зимы стали воспоминания о ней. Это была точка отсчета, с которой началось возрождение города. Воспоминания о прошлом были буквально во всех выступлениях. Ленинградцы оглядывались назад с удивлением, болью, гордостью за пережитое. Эти чувства выражались и в стихах: «Когда-нибудь про наш малейший миг, про время то, что нам в удел досталось, про нашу жизнь, про бодрость, про усталость напишут люди много мудрых книг» (*Л. Успенский*).

Воспоминания о прошлом помогали бороться сегодня.

Сами эти воспоминания – свидетельства нового этапа блокадной жизни. В 1942–1943 годах претерпели изменения основные формы радиопередач. В 1942 году впервые за всю историю ленинградского радио отмечается превалирование объема политического вещания над художественным. Такое положение было вызвано особыми условиями Ленинграда. Вот несколько цифр, характеризующих вещание в 1942 году: из 5290 часов – 2830 составили передачи политвещания, при этом на долю иноредакций пришлось 877 часов; 2301 час велось вещание художественное, в том числе передачи для детей заняли 174 часа.

В 1943 году положение изменилось, главным образом за счет увеличения передач музыкальных и литературно-драматических. Менялось и само политическое вещание. Если, например, зимой 1942 года выпуски «Красноармейской газеты» складывались в основном из статей и корреспонденций, то уже летом в газету включали стихи, песни, а иногда, по просьбе бойцов, и музыкальные произведения. С первых военных дней радио не только рассказывало о морях Балтики, но и посвящало им специальные передачи, в которых, как правило, участвовали писатели-балтийцы из группы В. Вишневского. Передачи начинались словами: «Слушай нас, Краснознаменный Балтийский флот!» Они представляли из себя своеобразную радиогазету, которая с осени 1942 года стала постоянным радиожурналом для Балтфлота. В него включались очерки А. Тарасенкова, Г. Мирошничен-

ко, А. Крона, стихи Н. Брауна, В. Азарова, корреспонденции флотских журналистов.

В книге воспоминаний член Военного совета Балтийского флота Н. Смирнов писал о неоценимой помощи, оказанной морякам ленинградским радиоцентром, и прежде всего теми, кто непосредственно был связан с флотом: «Это энтузиаст ленинградского радиовещания Николай Дмитриевич Синцов и главный редактор политического вещания старший лейтенант Борис Ефимович Лифшиц, состоявший в штате Пубалта. Радиотрансляции ежедневно слушали на кораблях и в частях». По свидетельству Н. Смирнова, в передачах для флота участвовали те, кто вернулся с боевого задания, выступали артисты и писатели, читались стихи и рассказы на флотские темы, исполнялись песни. Была в этих передачах особая рубрика: «Балтика смеется». Там находили место задорная шутка, басня, фельетон, памфлет. Уже в первое военное лето работники радио считали необходимым давать сатирические материалы. Но вот настала трагическая зима. И вдруг пришло на радио письмо от бойцов, с одного из горячих участков фронта. Они просили организовать юмористические, сатирические передачи. Их организацию поддержали В. Ходоренко, Г. Макогоненко. Вишневский восторженно говорил: «Сатиру запрягаем! Юмор даем!.. Ах, как это здорово и сколько в этом победного смысла! Да будь я на месте Гитлера, я бы, услышав юмористическую передачу из осажденного Ленинграда, отдал бы приказ

войскам уходить отсюда немедленно, пока не поздно! Идея! Я напишу для этой передачи сценку, как Гитлеру докладывают, что Ленинград смеется».

Передачи для флота, в том числе сатирические, стали регулярными. Потом эти материалы издавались отдельными брошюрами. Благодаря радио, печати флот слышал дыхание города, знал о его напряженной жизни и борьбе. В разделе «Последних известий» в 1942 году шли только материалы ТАСС о жизни страны, а в 1943-м радио получало уже сообщения своего корреспондента из Москвы. Появились информации, полученные специально для ленинградского радио из Челябинска, Свердловска.

Все шире становился отклик ленинградского радио на события в стране и на всем театре военных действий. Радио укрепляло в сердцах горожан и бойцов фронта мысль о том, что, вопреки блокаде, страна связана с городом на Неве. Шолоховские слова, прозвучавшие по радио в мае 1942 года, выражали общее отношение Родины к городу-герою: «Мы жадно ждем тот час, когда кольцо блокады будет разорвано и великая страна прижмет к груди исстрадавшихся героических сынов и дочерей овеянного славой Ленинграда». И так же Ленинград ощущал себя участником жестоких боев, в которых решалась судьба Родины. Еще в одной из первых передач осени 1941 года говорилось: «Для нас слились теперь в одно оборона Москвы и оборона Ленинграда». В трудные месяцы 1942 года во многих очерках и корреспонденциях,

передававшихся по радио, говорилось о том, как бойцы погибали все до одного, но выполняли приказ. С апреля 1942 года постепенно меняется характер передач литературных, все чаще звучит литературный монтаж. По существу, монтажом была и сама «Радиохроника». Но теперь монтажи становятся тематическими, их объединяют не только рамки одного журнала. 5 апреля 1942 года «Радиохронику» (№ 215) посвятили семисотлетию Ледового побоища. Это была цельная передача, которую открыл Всеволод Вишневский. Он говорил о русской истории, о значении Балтики для России, о потомках героев Ледового побоища. Затем Ан. Тарасенков читал свое стихотворение о том, как разыскал в одной из башен Вышгорода старинный шлем: «...лежал он, символ славы нашей, глава неписанных поэм». Стихотворение Ан. Тарасенкова, как и рассказ А. Зонина (он также читал его сам), развивало тему статьи Всеволода Вишневского. Литературный монтаж был глубоко продуманным, начиная с подбора авторов, которые вместе работали в Политическом управлении Балтийского флота. Редакция учитывала близость творческих интересов писателей. Это относилось, в частности, и к Вс. Азарову, прочитавшему свои стихи, и к Г. Мирошниченко, автору очерка «Вороний камень». Итог всей передачи подвел А. Яшин: «Немцам старый бой знаком – грянет не такой еще: скоро будет на Чудском новое побоище».

В апреле – июле прошли творческие отчеты писателей у микрофона. С отчетами выступили Б. Лихарев, А. Проко-

фьев, В. Саянов, А. Гитович, Н. Тихонов, Н. Браун. Целая передача посвящалась одному писателю. Такие отчеты были просто невозможны первой блокадной зимой. Они прозвучали бы неуместной похвалой кому-то одному, когда бедствовали все вместе. В изменившейся обстановке уже можно было говорить об искусстве как таковом.

В начале сентября 1942 года радиовещание из Ленинграда стало значительно устойчивее, надежнее. Ценой огромных усилий в северо-западном районе города, в здании бывшего буддийского храма, на базе оборудования «РВ-53», своевременно демонтированного, была построена новая мощная радиостанция. Место выбрали неслучайно: здание находилось довольно далеко от вражеских орудий, хотя и было достижимо для них; огромный зал храма позволял связистам не так чувствовать высокие температуры; наконец, просто решалась проблема воды – рядом текла Невка. Вода подходила по составу, была почти дистиллированной (мало работающих заводов, мало промышленных стоков). Станция не только в десять раз превосходила по мощности средневолновую «РВ-70», коротковолновые передатчики, но обладала и другими преимуществами.

Вот что писал маршал войск связи И. Пересыпкин: «Ленинградцы впервые в нашей стране применили на этой радиостанции оригинальную антенную систему: подвесили антенное устройство на тросе, привязанном к одному из аэростатов воздушного заграждения... Такое новшество обу-

словливалось военными соображениями. Стометровая мачта демаскировала бы место расположения радиостанции, и противник мог легко вывести ее из строя»³⁵. Правда, при сильных ветрах с залива аэростат приходилось спускать, случались обрывы троса. Тогда радиостанция временно прекращала работу. Но зато на «РВ-53» не упало ни одной бомбы, хотя противник, естественно, ее запеленговал, и снаряды падали на близлежащие острова. После того как «РВ-53» вновь вступила в строй, ленинградское радио звучало в эфире так же, как в довоенное время.

И все же летом и осенью 1942 года влияние радио на слушателей несколько ослабело – регулярнее приходили газеты, в городе стало больше работающих телефонов. Однако представить себе жизнь без радио ленинградцы не могли. Оно несло информацию, предупреждало об опасности, давало духовную пищу. В дневнике В. Инбер («Почти три года») многократно упоминается: «...слушаю радио», «...радио грозное», «...у нас испортилось радио, не знаю, что происходит на фронтах. Достоверно знаю только, что второго фронта нет» (6 октября). Ко второй военной осени относится и следующая запись: «Возвращаясь... пропустили на Введенской два трамвая, слушая Тихонова по радио. Это было обращение к Кавказу... На темной ленинградской площади, осенним вечером, под далекий орудийный гул, много народу стояло и слушало это выступление».

---

³⁵ Радио в дни войны. М., 1975. С. 100.

В начале 1943 года ленинградское радио обрело прежнюю притягательную силу. Конечно, к нему прислушивались и в августе сорок второго, когда была сорвана попытка немецкого штурма, и осенью, когда решалась судьба Сталинграда. Но 15, 16, 17, 18 января ленинградцы буквально не отходили от репродукторов. В эти январские дни 1943 года В. Инбер записала в своем дневнике: «Каждый точно заряжен электричеством ожидания... А вдруг сегодня „Последний час“ будет про нас?» И вот этот час настал: «Первое мое движение тоже было на радио». Таким был порыв многих ленинградцев. О. Берггольц, незаменимый свидетель и участник тех событий, писала об удивительных ощущениях той ночи. «И в воспоминания об этой светлой ночи обязательно вплетется радио, которое пело и говорило первый раз до самой зари, и весь мир слышал, как говорит Ленинград». Сразу же после сообщения о прорыве блокады началась полуимпровизированная передача. Как ни готовились к этому часу, как ни ждали его, он все-таки потряс людей. В ту ночь выступали по радио рабочие, бойцы, писатели. В ту ночь плакали и пели, незнакомые обнимались на улицах. По радио лилась музыка Чайковского и Скрябина. Это был, по словам Берггольц, «сплошной ликующий поток». Между отдельными выступлениями зачитывались лозунги, которые тут же, на ходу писали В. Ходоренко и комиссар Дома радио Е. Прудникова: «Спасибо вам, родные бойцы и командиры Ленинградского и Волховского фронтов, прорвавшие бло-

каду Ленинграда!» Лозунги воздавали должное партизанам, морякам, строителям оборонительных рубежей, героям-бойцам и героям-гражданам. Над январским ночным Ленинградом неслось: «Да здравствуют славные советские полководцы, маршалы Советского Союза товарищи Жуков и Ворошилов». И уже совсем в другом, скорбном ключе диктор проносил: «Ленинградцы чтят память героев, отдавших свою жизнь за великое дело освобождения нашей Родины».

Никто не знал, сколько еще народу выступит по радио. Хотя без пропусков ходить по Ленинграду ночью не разрешалось, идущих на радио милиционеры пропускали. «Внимание! К нам в студию пришли славные артиллеристы-балтийцы... У микрофона старшина батареи товарищ Ворогушин»; «Слушайте выступление рабочего товарища Широкова»; «У микрофона Владимир Александрович Серов». Участник боев по прорыву блокады Цветков был ранен 17 января. Он сказал: «Привет вам, дорогие товарищи ленинградцы! Разрешите доложить, как бойцы моей роты участвовали в прорыве блокады Ленинграда». (Цветков после ранения оставался в строю, пока не взяли населенный пункт, лишь затем он пошел в полевой госпиталь.) Боец говорил: «Сегодня вечером меня доставили на лечение в один из ленинградских госпиталей. Только я вошел в палату, как услышал, что по радио сообщают о прорыве блокады! Если бы видели, товарищи, что только делалось у нас в палате! Бойцы повскакали со своих коек, глаза у всех горят, каждый снова

рвется в бой».

Речи эти удивительно разные, хотя всех переполняли одни чувства. Их невозможно читать без волнения даже сейчас. Каково же их было слушать. Так и хочется привести выдержки из всех выступлений, но это, конечно же, невозможно. Импровизированный радиомитинг продолжался до утра. Работница Таня Серова с энского завода сказала: «Дорогие наши, родные товарищи! Что за ночь сегодня радостная! Как долго мы ждали ее. Дождались наконец. Прорублена черная петля...» От имени летчиков Ленинградского фронта выступал товарищ Ерлыкин: «Музыка, которая гремит в эту ночь на улицах нашего любимого города, звучит сейчас в сердце каждого из нас. Запомните эту ночь, товарищи, – 18 января 1943 года, ночь, которая войдет яркой страницей в золотую летопись наших побед».

Работники Радиокomiteта были счастливы, что люди пришли к ним в эту ночь. То была награда прежде всего за поддержку, которую оказало радио всем ленинградцам в первую блокадную зиму. В дни прорыва блокады, как всегда, прежде всего выплеснулся поэтический отклик. По радио читали стихи, напечатанные в газетах и написанные тут же, в Радиокomiteте. Одна из передач так и называлась: «Стихи, написанные 18 января». Это были стихи О. Берггольц, Е. Рывиной, В. Зуккау-Невского, П. Ойфы, Е. Вечтомовой, В. Мануйлова, Б. Лихарева, Д. Левоневского.

В праздничные для Ленинграда дни вновь прозвучало по

ленинградскому радио слово Ильи Эренбурга. Однажды он прислал телеграмму, переданную в очередном выпуске «Последних известий». Она заканчивалась так: «Будет свет на Невском!» Работники радио вспоминают, как потрясло их в холодном, лишенном хлеба, и электричества городе это пожелание света, пожелание победы. Наибольшим успехом у ленинградцев пользовались статьи Эренбурга, посвященные защитникам города. Характер выступлений писателя был таков, что казалось, они предназначены для радио. В статье Эренбурга о прорыве блокады говорилось: «Вчера вечером мы услышали радостную весть. Мы не знали, что сказать, мы потеряли слова от счастья. Мы столько ждали этого дня. И вот прозвучали слова: „В последний час... Красная Армия рассекла петлю. Путь свободен“».

Январь сорок третьего ленинградцы восприняли как большой праздник. Однако жизнь и быт города остались почти без изменений. Продолжались изнурительные артиллерийские обстрелы, враг по-прежнему стоял у городских стен. И ленинградское радио продолжало действовать в условиях фронтового города. Ритм жизни в Доме радио был в 1943 году весьма напряженным. Передачи в эфир вели несколько станций, шло – теперь уже без больших перерывов – вещание по городской сети. Радио прочно связало районы области, отрезанные друг от друга и от Ленинграда. Вот началась специальная передача для северо-восточных районов области. Из нее жители Тихвина и Новой Ладogi получали

представление о военном Ленинграде. В этот же час в одной из студий могли звучать начальные такты русской народной песни «Рябина»: начиналась передача для партизан. В диспетчерской раздавалась команда: «Аппаратная, подготовьте станции на „Бориса“». Сейчас прозвучат голоса Фрица Фукса или Армаса Эйкия.

На протяжении всей блокады радио и печать, руководимые из одного центра, координировали свою деятельность. Давая обзор «Ленинградской правды», например, радио не просто сообщало материал передовицы, определяющий задачи сегодняшнего дня. Было естественно, что и последующие передачи так или иначе оказывались связанными и с этими задачами, и с этой статьей. Бывали и непосредственные контакты между редакциями, когда материал, начатый на газетной полосе, находил продолжение на радио.

Интересный эпизод изложен в книге Н. Шумилова, ставшего в апреле 1942 года редактором «Ленинградской правды». 12 сентября 1943 года газета напечатала стихотворное послание сержанта-зенитчика Чистова. В нем автор жаловался, что ему не от кого получать письма, и обращался с просьбой: «Девчата родины моей, чтоб в яростной войне я стал к врагу в три раза злей, пишите письма мне». Редакция указала под письмом сержанта номер его полевой почты. Автор надеялся, что ему ответит «хоть одна» девушка. Но писем пришло 2806. Н. Шумилов пишет: «Сержанту было не

под силу написать всем ответ. Он выступил по радио»³⁶. И снова шли письма: «Голос Ваш услышан теми, кто любит Родину, кто чтит и от души уважает своих славных воинов... О Вас думают, желают Вам счастья и наилучших боевых удач».

Так печать, радио связывали воинов с тружениками, крепили их боевую дружбу. Помимо конкретных статей, основанных на материалах Ленинградского фронта, редакция политвещания давала публицистические выступления, обобщающие положение на всем театре военных действий, международные обзоры за неделю. Работники Политуправления, выступая по радио, широко использовали признания немецких военнопленных. Все передачи носили характер информационный, коммуникативный, но главным было организационно-пропагандистское начало.

В 1943 году значительно усилилась роль художественного вещания в общем объеме передач, произошли изменения форм этого вещания. Хотя поэзия и публицистика были весьма заметны, они не занимали уже прежнего места. Постепенно художественное чтение, музыка, театр – все виды искусства – выходят на радио на первый план. Характерная особенность этой поры – обилие инсценировок, радиопьес, литературных монтажей. Активизация такой работы, как известно, началась еще в апреле 1942 года. Примером эволюции форм литературного вещания может служить передача «Фронтовая лирика» (1943). Ее нельзя было предста-

---

³⁶ Н. Шумилов. В дни блокады. М., 1977. С. 237.

вить, скажем, летом 1942 года, когда решалась судьба страны. Целый час, отданный лирическим стихам, отражал новый этап в развитии поэзии военных лет, да, пожалуй, и всей нашей литературы. После военного перелома радио в союзе с искусством и литературой искали новые пути воздействия на читателя и слушателя.

Заметнее стала деятельность детской редакции. Длительное время она практически осуществляла ту же работу, что и литературная. Это объяснялось рядом причин. Передач для дошкольников не велось совсем. Многие ребята были эвакуированы еще летом 1941 года, другие – зимой и весной по Дороге жизни. Оставшиеся в городе дети повзрослели раньше времени. К ним, наряду с детскими писателями Н. Дилакторской, Е. Борониной, Н. Владимирской, М. Эрбштейн, Н. Паперной, часто обращались литераторы, уже знакомые нам по другим передачам ленинградского радио. Из материалов вещания для детей в 1942 году можно отметить лишь несколько: выступления ребят в передаче 30 марта: «Сделаем Ленинград чистым и красивым», две трансляции из госпиталей, в которых побывали школьники, и, наконец, трансляцию 2 июля торжественного вечера выпускников ленинградских школ Смольнинского района. Их было совсем немного, десятиклассников, окончивших школу летом 1942 года, но они были, и ленинградцы с радостью восприняли эту весть.

Среди других передач лишь регулярные выпуски переда-

чи «"Костер" по радио» были действительно рассчитаны на школьную, пионерскую аудиторию (передача не только заменила переставший выходить журнал «Костер», но и стала на время единственной трибуной для детских писателей). Все остальное могло бы с тем же успехом быть передано другими редакциями. В 1943 году главное место в работе детской редакции занял рассказ о том, как ребята помогают Родине в трудные дни. Вот некоторые, самые характерные передачи: «Наши тимуровцы»; «Чем ты поможешь фронту»; «За наши дела пионерские спасибо нам Родина скажет». Все чаще к микрофону подходят сами ребята. В один из июньских дней в студию пришли школьники Петя Бабурин и Юра Артюхин, награжденные медалями «За оборону Ленинграда». Это были сверстники бывшего блокадного мальчишки, позже поэта Юрия Воронова, который написал: «Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом паспорта». Перед ребятами выступали герои Ленинградского фронта, для них передавались очерки о подвигах бойцов и командиров, в передачах использовали и материалы других редакций. В то же время голоса подростков, работавших на заводах, звучали в передачах для взрослых.

Осенью 1943 года были осуществлены постановки радиопьес по произведениям Г. Х. Андерсена и А. Конан-Дойля – «Дюймовочка» и «Лига красноголовых». Эти передачи свидетельствовали об огромных изменениях, произошедших в Ленинграде за два блокадных года. Теперь детская редак-

ция, вопреки продолжающейся осаде города, вела свой, особый разговор с детьми. Но в 1941–1943 годах она выполняла главным образом непосредственно политические задачи.

На протяжении всей блокады самой регулярной передачей и в 1941, и в 1944 годах оставались «Последние известия». Они составляли существенную часть всего радиовещания. Можно было пропустить что-либо другое, но не этот важный отчет о происходящем в городе и в мире. Ленинградцы были вознаграждены за свою верность «Последним известиям» в январе 1944-го. И тогда же продолжением самого значительного известия, которое услышал Ленинград в те годы, стали все другие передачи. Впрочем, о январских передачах 1944 года следует говорить особо. Именно в январе пришли дни, когда артиллерийский гул слышался совсем не так, как во время почти ежедневных артиллерийских обстрелов. Встречаясь на улице, люди понимающе улыбались друг другу, знали: сбывается мечта о полном разгроме врага у стен города. Это настроение ленинградцев и все события тех дней запечатлело радио.

Вновь говорила Берггольц: «И все свершилось, все настало, и правдой сделалось все то, что бредом гордости казалось». Поэтесса читала стихи и, как обычно, обращаясь к другу-ленинградцу, беседовала с ним: «В Ленинграде тихо. Это так удивительно, так хорошо, что минутами не верится даже... А когда подумаешь, что это не та коварная тишина, которая устанавливалась между обстрелами и не радовала, а

томила, так хочется смеяться и плакать от радости...»

Выступала Вера Инбер: «Впервые в приказе по войскам есть обращение к гражданскому населению города. Эта честь выпала на долю Ленинграда». И она же говорила о первом салюте, первом мирном залпе освобожденного города: «Кто видел сияние всех этих человеческих глаз, тот уже никогда не забудет этого. Такое можно пережить только раз в жизни».

Передачи второй половины января 1944 года очень разнообразны по форме. Здесь и отдельные выступления, и корреспонденции, и очерки, и литературные монтажи. С 18 по 28 января было создано семь литературных монтажей: «На Запад» (18 января); «За Ленинград, за город русской славы» (20 января); «Новые стихи советских поэтов» (23 января); «Освобождение города» (25 января); специальная передача о Новгороде (26 января); «Праздник Ленинграда» (28 января) и, наконец, «Салют над Невой» (28 января).

В радиопередаче «Салют над Невой» участвовали поэты и журналисты, которые до этого не один раз говорили о победном дне, ждали его, как и весь город. Читал стихи А. Прокофьев, выступали М. Дудин и Б. Тимофеев. «Говорит свободный Ленинград» – так называлось стихотворение И. Авраменко:

Сломлены узлы сопротивления,
Взорвано осадное кольцо.
Мы идем – и ветер наступленья,
Бодрый ветер дует нам в лицо.

Рядом с именем города Ленина прозвучали имена городов, связанных с ним историей: Пушкин, Павловск, Гатчина. Все это звучало как стихи: военные корреспонденты сообщали о продвижении нашей армии.

Радио рассказывало миру о ленинградском подвиге, и рассказ этот давал верное представление о борьбе Ленинграда.

ПОБЕДА МУЗЫКИ

Седьмая, «Ленинградская».

«Тоненькая ниточка». «Лишь окончится артобстрел».

Приказ № 57. Лучшее лекарство. «Вы песней спасли нас».

Музыкальная духовная победа.

Уже было сказано о том, как жили и работали люди в стенах Дома радио зимой 1941–1942 годов, как трагично сложилась судьба многих музыкантов симфонического оркестра Радиокomiteта. Художественный руководитель Радиокomiteта составлял отчеты о состоянии музыкантов. Они были один мрачнее другого. Чтобы возродить оркестр, спасти людей, нужно решение – вернуть Ленинграду музыку, дать в руки музыкантов их инструменты.

В начале марта 1942 года скрипач Г. Фесечко передал дирижеру симфонического оркестра Радиокomiteта К. Элиасбергу, жившему вместе с женой, пианисткой оркестра Н. Бронниковой, в стационаре в гостинице «Астория», записку Б. Загурского. Начальник управления по делам искусств просил дирижера прийти к нему в здание Большого драматического театра. Путь этот был для К. Элиасберга нелегким: всего месяц назад товарищи привезли его, ослабевшего, в «Асторию» на саночках, сам он уже ходить не мог. Но сейчас речь шла об оркестре, о музыке, и К. Элиасберг пошел... Он увидел Б. Загурского, лежащего под шинелью, со следа-

ми недавней контузии. Вскоре после этой встречи по радио было передано объявление: «Просьба ко всем музыкантам Ленинграда явиться в Радиокomiteт».

Потом Я. Бабушкин так рассказывал А. Фадееву о возрождении оркестра: «В городе было много прекрасных музыкантов, но все они... голодали. Можешь себе представить, как оживились эти люди, когда мы стали вытаскивать их из темных квартир. Боже, до чего многие из них отощали. Это было трогательное до слез зрелище, когда они извлекли свои концертные фраки, свои скрипки, виолончели, флейты и фаготы, и здесь, под обледеневшими сводами Радиокomiteта, начались репетиции симфоний Бетховена и Чайковского».

Прежде чем эти репетиции начались, прежде чем по радио полились звуки прекрасной музыки, нужно было хоть немного подкормить людей, оказавшихся на последней грани истощения. На помощь пришел начальник управления по делам искусств Б. Загурский. Он помог добиться дополнительного питания для музыкантов, поддержал просьбу Радиокomiteта, адресованную командованию фронта: пополнить оркестр военными музыкантами. А в те же дни, задолго до первых репетиций оркестра, работники Радиокomiteта узнали, что в Куйбышеве состоялась премьера исполнения Седьмой симфонии Д. Шостаковича. И тут возникла фантастическая идея: «А что, если... Ведь симфония наша, ленинградская. Ведь и зачиналась она в Ленинграде, и Шостакович говорил о ней у нас». Многие работники радио говорили

мне, что первым об этом сказал Я. Бабушкин: «А что если попробовать нам?»

О. Берггольц, вспоминая его, написала: «Один оркестр чего стоил». Эта идея захватила всех. Она дала Радиокomiteту силы поднять на ноги музыкантов, добиться того, что вскоре партитура симфонии самолетом была доставлена в Ленинград. (Об этом писала летом 1942-го в далеком Ташкенте Анна Ахматова: «Притворившись нотной тетрадкой,/ Знаменитая ленинградка/ Возвращалась в родной эфир».) И до получения партитуры многим сама мысль об исполнении симфонии в условиях Ленинграда казалась неосуществимой. А тут еще К. Элиасберг категорически заявил: «При нынешнем составе оркестра исполнить симфонию нельзя. Нужен полный комплект оркестрантов. Необходим сдвоенный состав медных инструментов».

Но уже ничто не могло остановить руководителей Радиокomiteта. Они понимали, какое огромное общественно-политическое значение будет иметь исполнение Седьмой симфонии в заблокированном Ленинграде. Энергия руководителей Радиокomiteта подействовала. В Политуправлении фронта генерал Д. Холостов, скрепя сердце, давал указания откомандировать музыкантов в распоряжение Радиокomiteта. Начальник отдела торговли Ленгорисполкома И. Андреевко с трудом, но соглашался выдать духовикам по списку рабочие карточки. Еще весной оркестранты еле ноги волочили. Нелегко было заставить людей вымыться, снять грязные

ватники, которые не снимали всю зиму. Карл Ильич Элиасберг стал примером для остальных. Он приходил на репетиции в белом воротничке, побритый. Глядя на него, постепенно люди возвращались к нормальной жизни. А в это же время музыкальная редакция во главе с Надеждой Орловой размножала партитуру симфонии. Надо ли напоминать, что никаких ксероксов в ту пору и в помине не было. Чтобы обеспечить нотами целый оркестр, приходилось работать сутками. Это было в апреле – мае 1942 года. В июне шли репетиции... Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича оркестром Ленинградского радиокомитета стало самым значительным событием в музыкальной жизни Ленинграда блокадных лет, больше того – событием незабываемым в истории блокады. Чтобы 9 августа 1942 года могли прийти слушатели в Большой зал Филармонии, нужно было воссоздать оркестр, пополнить его армейскими музыкантами, а в день концерта вести контрбатарейную стрельбу и не допустить обстрела города врагом. Это был праздничный для Ленинграда день, полный высокого значения. Ленинградцы и их защитники собрались не на митинг – на концерт. Пришли командующий фронтом, генералы и руководящие партийные работники. Слушали музыку, утверждающую нашу непреклонную волю к победе. Эту музыку, разносившуюся из репродукторов и рупоров уличных громкоговорителей, слышал в тот августовский вечер весь Ленинград.

О том, как возникла и как впервые исполнялась Седьмая

симфония в Ленинграде, уже писали и сам композитор, и участники оркестра, и писатели, и журналисты. Последовательно рассказано об истории возникновения симфонии и ее триумфальном шествии по миру. Но все-таки не могу уйти от первого впечатления, скажу больше – потрясения, которое испытал, впервые увидев музей 235-й школы Октябрьского района Ленинграда. Моя встреча с музеем «А музы не молчали» состоялась 40 лет назад. Ученики школы под руководством своего учителя физкультуры (!) Е. Линда собрали огромный материал на заявленную тему, в том числе проследили судьбы всех музыкантов, первых исполнителей симфонии, нашли их фотографии³⁷.

На стенах этого уникального по размаху школьного музея почти рядом оказались портреты Д. Шостаковича, К. Элиасберга, Я. Бабушкина, Б. Загурского, В. Ходоренко, Н. Орловой, командира 47-го контрбатарейного полка подполковника Н. Витте и скрипачей, альтистов, виолончелистов – всех, кому обязан Ленинград исполнением Ленинградской симфонии в осажденном городе. В этом же музее можно увидеть пригласительный билет на исторический концерт. Даты – 9 августа – на нем, правда, из соображений безопасности нет. Но зато названы фамилии всех исполнителей, а также напечатаны организации, которые подготовили этот триумф ле-

---

³⁷ Уже после написания этих строк появились новые исследования и книги, связанные с этой темой. Отмечу среди них: А. Крюков. Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда. Л., 1985; Музыка в дни блокады. Хроника / Автор-составитель А. Крюков. СПб., 2002; Е. Линд. Седьмая. СПб., 2003.

нинградцев: «Управление по делам искусств Ленгорсовета и Ленинградский комитет по радиовещанию».

Пройдут годы. Во время похорон великого композитора будет звучать Седьмая, «Ленинградская», напоминая о подвиге народа и подвиге его музыканта, а Ленинградскую филармонию назовут именем Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

История создания Седьмой симфонии и ее памятное исполнение в Ленинграде как-то заслонили собой многие важные события в музыкальной жизни военных лет. Известную картину художника И. Серебряного, например, некоторые даже называли «Седьмая симфония», хотя художник изобразил другое время и другой эпизод блокадной жизни, связанный с исполнением музыки в зале Филармонии. О музыке тех дней писали стихи, она вдохновляла живописцев, о ней вспоминают многие ленинградцы. Художник И. Серебряный пишет: «В моей памяти о блокаде одно из первых мест занимает музыка. Были дни, когда ее не было – и не было жизни».

Музыка и радио были неразделимы в сознании ленинградцев. Больше всего музыки приносило им радио. Симфонический оркестр Ленинградского радиокомитета дал в блокадном городе сто шестьдесят концертов, и почти все они транслировались по городской сети – из Дома радио или из Филармонии. О каждом таком концерте можно написать отдельно. Об одном из них дирижер оркестра К. Элиасберг вспоминал еще в 1943 году, на встрече представителей

творческих организаций города с английским журналистом Александром Вертом. Элиасберг рассказал на этой встрече о том, как 28 октября 1941 года, когда одна воздушная тревога сменяла другую, оркестр должен был исполнять Пятую симфонию Чайковского для Англии. Перед самым началом концерта фашистские самолеты прорвались в город. Фугасные и зажигательные бомбы падали на соседние дома, двух оркестрантов ранило. Летели стекла, сыпалась штукатурка. И все же в назначенное время в Лондоне слушали музыку, которая через порабощенную Европу доносилась до берегов Темзы из Ленинграда. К. Элиасберг сказал Верту об этом концерте: «Каким-то чудом мы уцелели... Нам удалось сыграть в тихой обстановке только две части. Во время вальса прозвучал сигнал воздушной тревоги. Финал Пятой симфонии Чайковского довольно мощный. Мы уже не слушали, что происходит за стенами здания». Один концерт из ста шестидесяти... Так работал оркестр в осенние месяцы 1941 года (с конца сентября, после возвращения с оборонных работ) и позже, когда в апреле он возродился. А зимой мало кто мог в Ленинграде исполнять музыку, она почти исчезла в декабре, а в январе ее слышали по радио едва ли не единственный раз. И все же именно к декабрю относятся записи, которые вел заболевший дистрофией композитор Н. Матвеев: «Однажды в темную палату просочилось радио, ленинградское радио, героически продолжающее свою работу. И для тех, кто еще мог выжить... это была тоненькая ниточка, связывающая со

страной, с жизнью. Для меня это была весть о друзьях; передавали новые духовые марши и песни. Я услышал имена Б. Гольца, А. Лемана. Ребята! Вы живы и работаете! С этой минуты я почувствовал прилив сил...» Авторы работ о блокаде и мемуаристы говорят сейчас с сожалением: музыка зимой 1941–1942 годов почти перестала звучать по радио. Такое пришло время, что самим исполнением музыки боялись оскорбить чувства людей, преодолевающих муки голода, холода, бесчисленных потерь. Конечно, далеко не всякая музыка была тогда кстати. Но ее ждали, и она вернулась задолго до наступления более легких дней.

Жена пианиста профессора Консерватории Александра Каменского А. Бушен вспоминает, как однажды зимой 1942 года (автор не называет точной даты, но, очевидно, речь идет уже о конце февраля) во время вечерней передачи «Хроники» по радио решили дать несколько минут музыки. Для этих микровыступлений пригласили пианиста А. Каменского, участника последнего концерта в Филармонии 14 декабря 1941 года. Теперь перед музыкантом стояла особая задача. В программу входили произведения ленинградских композиторов, написанные в дни войны. А. Каменский разучивал новые пьесы сразу же после их создания, нередко в тот же день. Всего несколько минут музыки! Но они означали, что ленинградские композиторы в осажденном городе продолжают творить.

А. Бушен пишет: «В комнате, откуда шла передача, топи-

лась железная печурка. Тепла она давала мало, но едко дымила, исторгая из утомленных глаз потоки слез. Сотрудники радио работали в ватниках и теплых шапках. Отогреть клавиши рояля было невозможно. Каменский грел руки над печуркой, затем сбрасывал пальто и садился к роялю»³⁸.

В другом случае А. Каменскому внасквозь промерзшей пятой студии нужно было исполнить сонату Бетховена. Чтобы пальцы не замерзали, рядом с клавиатурой с двух сторон положили раскаленные кирпичи... Конечно, постепенно условия изменились. И от маленьких концертов А. Каменский перешел к исполнению (с весны 1942 года) целого цикла концертов русской и классической музыки. Свыше трехсот раз пианист выступил перед микрофоном. К роялю, установленному в студии, профессор консерватории М. Бихтер шел так, словно его видят зрители, – с высоко поднятой седой головой. Трудно было представить, что лишь несколько минут назад он с наслаждением съел тарелку дрожжевого супа, принесенного одним из редакторов. Теперь лицо М. Бихтера – само вдохновение, он уже во власти музыки. Еще несколько секунд – и в холодной студии прозвучит его любимый С. Рахманинов. Пианист играет произведение сложнейшее – «Франческа да Римини», играет без всяких скидок на обстановку, как всегда свежо, темпераментно. И никто из слушателей, знающих его, не скажет: «у рояля старик», ско-

---

³⁸ А. Бушен. Подвиг музыканта // Музыка на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1970.

рее вспоминается другое слово: «маэстро».

Ни обстрел, ни бомбежка не могли помешать А. Каменскому, К. Элиасбергу, А. Висневскому и другим музыкантам прийти на очередную репетицию или концерт в студию Радиокомитета или в Филармонию. О возвращении музыки на радио есть разные свидетельства. Но одно несомненно – время, когда, по словам Берггольц, «день и ночь трудился метроном», должно было уступить место другому. И если в декабре – январе многим казалось правильным, что не слышно песен и музыки – время слишком трагично, – то ближе к весне все чаще в письмах на радио и в Театр Краснознаменного Балтийского флота бойцы и командиры просили «спеть и сыграть что-нибудь». Это становилось настоящим требованием, о котором узнали и в Военном совете фронта, и в городском комитете партии.

Уже в декабре редкое исполнение музыки шло в механической записи. 23 февраля 1942 года, после нескольких недель музыкального безмолвия, прозвучал первый живой концерт. Выступили два военных коллектива – ансамбль песни и пляски Политуправления Ленинградского фронта под руководством А. Анисимова, ансамбль Н. Минха, представляющий Балтийский флот, и певцы, которых знал весь Ленинград, – С. Преображенская, В. Легков, И. Нечаев, В. Шестакова. После концерта – телефонный звонок. Он теперь так редок: телефоны мало где работают. Иногда они просыпаются будто после зимней спячки, чтобы уснуть снова...

Политуправление фронта просит концерт повторить. На застывших бледных лицах редакторов музыкальной редакции подобие улыбки и... растерянность. Они знают, что это высокая оценка их работы. Но как повторить концерт? Записать ничего не удалось, артисты уже ушли. Да и вряд ли они могут сегодня петь еще раз. А вот армейцы и моряки еще здесь. Что ж, концерт прозвучит по-другому. Рядом с живым исполнением пойдут в механической записи Козловский и Лемешев.

Редакторы музыкального вещания чувствовали огромное психологическое воздействие этой зимней передачи и на слушателей, и на самих исполнителей. Ведь это был самый первый толчок к возрождению музыки в Ленинграде. А через два месяца ленинградцы смогли уже слушать по радио классическую оперу. Тогда и появился приказ № 57 по Ленинградскому комитету радиовещания и радиофикации: «23 апреля композиция по опере „Травиата“, проведенная под рояль, была показана слушателям. Качество показанной работы заслуживает высокой оценки...» В приказе объявлялась благодарность всем исполнителям, а также редакторам А. Гордон и С. Клебановой. Особо отмечены были художественный руководитель передачи, заслуженный артист республики Нечаев и исполнительница главной роли Г. Скопа-Родионова.

Первый концерт, первая опера, первое выступление возрожденного оркестра – так начиналась огромная работа

музыкального вещания ленинградского радио после первой блокадной зимы. Весной 1942 года музыка вернулась в Ленинград. В блокадном городе звучали Бородин и Моцарт, Глинка и Дворжак, Мусоргский и Шуман, Бетховен и Римский-Корсаков, Даргомыжский и Мендельсон, Глазунов и Гайдн. Ленинградцы получили возможность услышать в концертном исполнении и оперы современных композиторов, и западную классику («Кармен», «Риголетто», «Севильский цирюльник»). Концерты симфонического оркестра стали привычными. Чаще всего по радио передавали концерты и симфонии П. Чайковского. Его музыку исполнял оркестр Радиокomiteта во время своего последнего выступления в Большом зале Филармонии 14 декабря 1941 года. Отрывки из «Лебединого озера» звучали 5 апреля 1942 года на первом концерте возрожденного оркестра.

Лишь окончится артобстрел,
Над безмолвием площадей
К нам, в блокадную ночь летел
Танец маленьких лебедей...

Эти стихи Бориса Лихарева – точный отчет современника. Музыка порой казалась неожиданной в этих трагических условиях, но она стала поддержкой неоценимой. И весной сорок второго, и во вторую блокадную зиму, все еще очень трудную для ленинградцев, едва пришедших в себя за короткое лето. Одна из ленинградок (А. П. Наумова-Маккавеева)

вспоминала: «Я очень замерзала дома, а каково на фронте? В такие ночи все время думаю об этом. Особенно о Сталинграде. Из-за стены опять хорошая музыка – концерт Глиэра... Как странно, что она еще есть... И совсем трудно представить, что люди сидят в освещенном зале и слушают музыку».

Постоянные передачи – «Радиохроника», «Фронтная радиогазета», «Письма с фронта» и «Письма на фронт» – обычно шли в определенное время. С конца 1942 года появилась новая постоянная рубрика, подсказанная самими слушателями. Ведь еще первой военной зимой они обращались к исполнителям со своими просьбами: «Вера Ивановна, – писал боец Н. Денисов певице В. Шестаковой, – спойте перед микрофоном „Песню Сольвейг“ из „Пер Гюнта“ и арию Тоски. Буду Вам очень благодарен...» Другой слушатель сообщал заслуженному деятелю искусств РСФСР В. Касторскому: «Только что слышал Вас по радио. Какое счастье услышать знакомый голос... В свободную от службы минуту провели к себе в землянку радио, и теперь будем отдыхать с товарищами, греясь у буржуйки и слушая родной город».

Именно письма на радио породили еще одну форму музыкальных передач: концерты по заявкам раненых. Это была идея, рожденная в особых обстоятельствах фронтового города. Госпиталей здесь оказалось много, вывозили лишь самых тяжелых больных, остальные лечились и выздоравливали, не уезжая из Ленинграда. И вот для них изо дня в день, по утрам, словами: «Слушайте концерт по заявкам раненых...»

начиналась музыкальная передача. Звучала не только знакомая музыка, песни в исполнении лучших певцов, но и назывались десятки фамилий раненых воинов. Они знали: это для них поют песни, это по их просьбе составляется программа. Они знали и другое: товарищи, родные, близкие могут услышать знакомое имя.

И действительно, люди находили друг друга благодаря этим письмам. Успех передач был необычайным. Бойцы называли эти утренние концерты лучшим лекарством. Из госпиталей только за первый год пришло более десяти тысяч заявок на исполнение любимых произведений, а каждую подписывало несколько человек. В 1943 году радио передало свыше пятисот таких концертов, выполняя практически почти все заявки. Передачи шли не только из студии – их вели из клубов госпиталей и прямо из палат тяжелораненых. В этих случаях весь Ленинград мог почувствовать, как бойцы принимают артистов, как реагируют на их выступления.

Каждый концерт по заявкам вызывал благодарные отклики. Старший сержант Каюм Ягодин долго был на фронте, не слышал своей национальной музыки. Он написал в Радиокomitee: «Находясь в госпитале, я услышал свои родные прекрасные татарские песни. Забыв про болезнь, я невольно подошел к репродуктору и запел. Много сил и бодрости влилось в мое сердце сегодня».

Музыкальной редакции приходилось поначалу нелегко. Больше всего просили повторить выступления одних и тех

же исполнителей – С. Преображенской, И. Нечаева, Н. Вельтер, Г. СкопаРодионовой. А ведь у них были и другие «заявки» – на поездки с фронтовой бригадой, выступления в концертах и оперных спектаклях. Постепенно росло число звукозаписей, и концерты по заявкам стали разнообразней, а составлять их теперь стало куда легче. Во многих документах, письмах и даже стихах говорится о музыкальных передачах, которые шли сразу после воздушной тревоги. В этом не было какой-либо закономерности, просто музыка, песня становились лучшей разрядкой после сильного напряжения. «Но вот после отбоя воздушной тревоги мы вновь слышим живой голос диктора: „Слушайте Ивана Алексеевича Нечаева“. Нам помогли песни „Коробочка“, „Меж крутых бережков“ и особенно „Стежки-дорожки“» – так писал И. А. Нечаеву работник швейной фабрики имени Володарского Н. Кукин. В интересной работе А. Крюкова «Музыка в кольце блокады» приведены слова старого театрала, доцента Горного института Н. А. Кондратьева: «Нечаев регулярно пел по радио русские народные песни. Это была очень удачная мысль. Многие, очень многие боялись пропустить эти передачи, откладывались дела, прекращались разговоры».

По свидетельству Нечаева, художественный руководитель Радиокomiteта зимой 1941–1942 годов предложил ему подготовить для исполнения несколько народных песен. Для Нечаева это было совершенно новое дело, нот найти не удалось, и баянист В. Кожевников из ансамбля Краснознамен-

ного Балтийского флота подбирал аккомпанемент с голоса. Нечаев исполнял народные песни по воскресеньям, в вечерние часы. Десятки тысяч слушателей подходили к репродукторам дома, на улице, в госпиталях. В адрес Нечаева шли и шли письма с просьбой повторить ту или иную песню, и благодарили: «Вы песней спасали нас от смерти, бодрили, вливали новую свежую струю жизни. И за это все вы нам дороги до конца наших дней. Такими чувствами благодарности полна не только моя семья, я знаю многих людей, перенесших блокаду...» Выступления артиста запомнились ленинградцам. А. Бурлаченко писал: «Я видел, как прибывшие с фронта командиры в изумлении останавливались у радиорупоров и слушали народные песни, которые пел Нечаев». 1 января 1942 года по радио исполнялись отрывки из оперы «Снегурочка». Это был островок в океане музыкального безмолвия. Голодающие, усталые артисты выступали в холодной студии Радиокomiteта. И. Нечаев так вспоминал этот первый день нового года: «Поет солист И. А. Лапшенков. Его голос еще звучит, но чувствуется, что у него может не хватить сил допеть до конца. Остальные тоже держатся главным образом напряжением воли».

Нечаев смотрел на своих товарищей, видел, чего стоит им это выступление, и новым чувством наполнялась для него каватина «Полна, полна чудес могучая природа». И. Лапшенков допел до конца. Вечером его не стало. Через два с лишним месяца, 18 марта, отрывки из «Снегурочки» вновь

звучали по радио. Это не могло быть простым повторением новогодней передачи. Не пел больше Лапшенков, многих людей потерял хор Радиокomiteта. Но были и прежние исполнители. Пришел И. Нечаев, пришла Н. Вельтер. Знакомые с трудом узнавали друг друга. Певица В. Шестакова сказала Вельтер: «Надя, какая ты стала бледная! Тебе не Леля петь, а Снегурочку. Так и кажется, что вот-вот растаешь».

Прошло чуть больше месяца, и 25 апреля в Ленинграде, уже пустившем трамвай, услышавшем первые после зимы концерты и почти ежедневные возобновившиеся бомбежки (их не было всю зиму, враг «ограничивался» обстрелами), один из радиослушателей, инженер Металлического завода Г. Кулагин, записывал в своем дневнике: «А иной раз по радио звучит скрипка, нежная, певучая, душу выворачивающая наизнанку. Слушая ее, забываешь обо всем. Или поет мягкий женский голос, исполняющий задумчиво-грустные романсы Чайковского, раздаются дорогие пушкинские слова. Ты увлечен, захвачен, околдован музыкой, незаметно разжимаются тиски, которые уже десять месяцев непрерывно сдавливают твою голову. И в этот самый момент музыка вдруг переходит снова в завывание. Злой дух войны наступил тебя... „Я здесь! От меня не уйдешь, не спрячешься, не отвернешься!“» У заведующей нотной библиотекой Радиокomiteта М. Рудовой сохранились старые книги, в которые записывались произведения (и оригинальные, и инструментовка), приобретенные у композиторов. В первую блокадную

зиму записей совсем немного. Старая книга не только позволяет раскрыть отдельные эпизоды музыкальной жизни, но и показывает, какого размаха достигла она к последнему году блокады. Вот одна цифра: за 1943 год Радиокomiteeт приобрел 3155 музыкальных произведений – значительно больше, чем за обычные мирные годы. Среди записей есть и такая: «1942. 13 января. А. Висневский. Частушки». Сколько раз приходилось слышать по радио: «У рояля Александр Висневский»; «Акомпанировал Висневский»; «Музыкальная обработка Висневского».

И вот одна эта строка напомнила старому пианисту минувшее. А. Висневский рассказывал, что исполнял частушки в холодной студии, ударяя по клавишам, казавшимся ему желтоватыми льдинками. А пел в тот раз артист И. Горин, который хотя певцом и не был, но, как говорят, умел делать все. Ося Горин, как звали его друзья, был человеком находчивым. Однажды он изменил начало своего выступления (8 декабря 1941 года) и сказал: «Мне полагалось начать концерт для бойцов и командиров с какой-либо песенки. Но песенка будет впереди. А я хочу прежде всего прочитать один замечательный маленький фельетон Ильи Эренбурга, напечатанный в „Красной звезде“. „Шелк и вши“, – называется он». (На этот факт указал мне библиограф Вяч. Попов, обратившийся к архиву Радиокomiteeтa уже после меня.) «Я выступал перед микрофоном сотни раз, – говорил А. Висневский, – но, пожалуй, больше всего волновался, когда в ка-

нун сорок второго решилa выполнить просьбу Фрица Фукса. Он спросил меня, не знаю ли я рождественские песни, которые поют в Германии. Я сказал, что немного помню, рос в семье музыканта и нередко мальчишкой забегал в кирху на Невском. Вот с таким знанием песни „tille Nacht“ я и сел за орган в тогдашней первой студии Радиокomiteта. На фоне этой музыки Фриц обращался к немецкому солдату, вынужденному этот праздник проводить вдали от дома, в окопах под Ленинградом».

Разнообразнее стали формы передач. Симфонический оркестр Ленинградского радиокomiteта под управлением К. Элиасберга готовил новые программы, которые нередко транслировались по радио из Большого зала Филармонии. В сентябре 1943 года, после многолетнего перерыва, была исполнена кантата П. Чайковского «Москва». Вместе с оркестром, солистами М. Мержевской и В. Легковым, чтецом Н. Чернявской выступал объединенный хор Ленинградского радиокomiteта и ансамбля песни и пляски Политуправления Ленинградского фронта (хормейстер А. Анисимов). Наряду с ансамблями А. Анисимова и Н. Минха во многих передачах радио участвовал ансамбль ПВО, которым руководил композитор М. Глух, и концертный ансамбль под руководством С. Аркина, скрипача симфонического оркестра Радиокomiteта. Обычно говорят, что в Ленинграде оставался один оркестр. Это не совсем так. Кроме симфонического, всю войну провел в городе, перенеся все испытания, коллек-

тив оркестра народных инструментов во главе с Н. Селицким. На протяжении 1943 года музыкальная редакция проводила творческие самоотчеты музыкантов. Выступали композиторы и исполнители. Перед концертом давался конференс, вступительное слово. Так были организованы выступления пианистов А. Каменского, А. Люблинского, композиторов С. Панфилова, Н. Леви. Перед концертом из своих произведений Наталия Леви говорила о том, как еще до войны написала свою военную песню – «Чапаевскую» («На седых уральских кручах»): «Песня нужна армии и в марше, и в блиндаже, и для воспитания боевых традиций». Выступление сопровождалось исполнением лучших песен Н. Леви, широко известных и в городе, и на фронте. Одну из песен композитор написала, когда еще была сотрудницей немецкой редакции Радиокомитета. Она прочитала стихотворение В. Лифшица, посвященное 268-й дивизии, и тут же, в Доме радио, села за рояль. Песню «Здравствуй, парень» разучил ансамбль песни и пляски Политуправления Ленинградского фронта, она была записана и много раз повторялась по радио.

Леви, как и другие композиторы, часто ездила на фронт, именно там и родился замысел не одной ее песни. Так появились «Песня 136-й дивизии», «Песня о Тэшабое Адилове». Темы и сюжеты подсказывались и политработниками, и рядовыми бойцами. Самодеятельный джаз одного из соединений передал Н. Леви стихотворение В. Дыховичного

«Маленькая Валенька». Композитор написала для спектакля-концерта песенку, которую исполняли по радио, пели во многих частях фронта. Простые слова о девушке-санитарке и мелодия запомнились тысячам фронтовиков.

Маленькая, маленькая,
Чуть побольше валенка,
Но зато удаленькая
Маленькая Валенька.

Песню, марш – наиболее доступные самому широкому слушателю музыкальные произведения – писали практически все композиторы, находившиеся в городе и на фронте. И те, кто входил в группу при Военном совете Балтийского флота, и те, кто работал при Доме Красной Армии. Радио дало толчок к музыкальной деятельности, оно подхватывало, пропагандировало лучшие вещи Ю. Кочурова, А. Митюшина, О. Евлахова, М. Глуха, А. Матвеева, В. Богданова-Безовского, Г. Носова, В. Витлина.

Песни записывали в исполнении армейских ансамблей, а уже с весны 1942 года ленинградцы слышали и хор Радиокomiteта, сохранивший часть своих исполнителей. Среди песен первого военного года очень популярной была «Месть балтийцев» («Кровь за кровь») Б. Гольца на слова В. Волжеина. В музыкальной литературе эту песню сравнивали со «Священной войной» А. Александрова – и по сумрачному, гармоничному колориту, и по решительному характеру ме-

лодии. Благодаря передачам радио песню знали и в городе, и в армии, она включалась во многие программы для флота.

Как бы ни был велик охват аудитории концертными бригадами, именно радио объединяло усилия композиторов-песенников. Нередко новые песни исполнялись в передачах для молодежи. Вот начало одной из таких передач: «Вы помните, наверное, слова: „Нам песня строить и жить помогает...“ Война заставила забыть нас песню, в которой это сказано. Война, фронт, битвы рождали новые песни, которые помогают воевать... Песням и стихам, родившимся на Ленинградском фронте, посвящаем мы сегодняшнюю передачу». Затем шли песни композиторов В. Маклакова, Г. Носова, Ю. Кочурова. Такие передачи повторялись. И все новые и новые песни Н. Минха, Л. Круца, Б. Фомина звучали по радио. Из некоторых текстов видно, на кого рассчитывали авторы. Вот рукопись из архива музыкального вещания.

Тов. командир, письмо пришло.

Тов. военфельдшер, огласите.

Адрес точный, постоянный.

Штемпель почты налицо.

Шлют Прокофьев и Саянов

Агитвзводу письмецо...

Вслед за шутивным стихотворным посланием поэты предлагали песню о веселом солдате Васе Прошкине, балагуре, смелом и свойском парне, который и в беде поможет, и в

дружбе будет верен.

Грянь, гармошка, сыпь, гармошка,
Грянь, гармонь, любой порой.
Ай да Вася, Вася Прошкин,
Красной Армии герой.

Диапазон песенного творчества был широким. От варианта на мотив джаз-песенки «Ах, здрасти» до лирической «Калины» Н. Леви на слова М. Исаковского, от песни С. Лепянского на слова Н. Глейзарова «Парень с Васильевского острова» до известной тогда песни Н. Будашкина на слова Н. Брауна «Как на зорьке». Песню воспринимали как воплощенный в художественной форме призыв готовить корабли к весенним походам. В конце 1943 года в Ленинград приезжал композитор Д. Кабалевский. В записке о положении художественного вещания он отмечал огромный размах музыкальных передач, называл оркестр Радиокomiteта одним из лучших в стране. Но ведь и возрождение оркестра, и вся культурная жизнь города в 1943 году брала свои истоки в той, первой зиме.

В конце 1942 года Б. Загурский обратился с просьбой в Комитет по делам искусств прислать в Ленинград на гастроли лучших музыкантов и певцов из столицы. За несколько месяцев потребность ленинградцев в искусстве настолько возросла, что собственные артистические силы уже не справлялись с огромным объемом работы. Был, конечно, и дру-

гой смысл в поездке в Ленинград в марте 1943 года Д. Ойстраха, Э. Гилельса, Я. Зака, Л. Оборина, С. Кнушевицко-го. Страна продолжала поддерживать город, все еще находившийся в осаде. Она посылала оружие, хлеб и... музыку. Нужно ли говорить, что концертные бригады, приехавшие с Большой земли, по несколько раз выступали по радио. В мае 1945 года народная артистка В. Мичурина-Самойлова, выступая у микрофона, сказала: «Своей оживленной перепиской с фронтом я обязана прежде всего радио».

Такие письма получали и гости Ленинграда. «Дорогая Ирма Петровна! – писали ленинградки Бобровы Ирме Яунзем. – Тогда казалось, что все уже кончено, не видно просвета, не хватает сил... Ведь из соседей уже никого не осталось: некоторые уже успели уехать на Восток, другие умерли... В квартире ни света, ни воды, мерное постукивание метронома... Время от времени раздаётся объявление: „Воздушная тревога!“ или: „Начинается артобстрел“. Радио молчало. Казалось, мы отрезаны от всего живого. И вдруг необычное пощелкивание в радио, какие-то движения, и полилась песня – ласковая, добрая. Это голос Ирмы Яунзем. Я из тысячи голосов узнаю ее тембр. Да, надо жить! Встать, работать. Так, дорогая Ирма Петровна, Вы своей песней вернули нас к жизни». (Как бы отвечая своим слушателям, И. Яунзем писала Б. Загурскому: «Я приношу свою глубокую, сердечную благодарность за то, что имела возможность... отдать свое искусство героическим защитникам города Ленина». Подоб-

ные чувства испытывали и другие артисты, прибывшие в Ленинград с Большой земли.) Запомним: это не первая военная зима, это конец 1942 – начало 1943 года. Убивал не только голод, убивала отрезанность от мира, нервное истощение. Музыка, песня, художественное слово, входя в убогое блокадное жилище, поддерживали силы. «Над безмолвием площадей» лилась музыка, напоминая о мире, добре, справедливости, которые сильнее орудий на Вороньей горе...

Артиллерийский обстрел продолжался. Шел последний блокадный год – 1943-й. Ленинградцы испытывали огромное физическое и нервное напряжение от длительных испытаний. Те, кто на пределе сил перенесли первую зиму, нуждались в моральной поддержке, и такой поддержкой стало искусство. Сегодня трудно без волнения читать обширный список музыкальных передач 1943 года: оперы, симфонии, сольные концерты. Разве блокада уже снята, разве враг не стоит у городских стен? Нет, продолжается блокада, снаряды падают на городские улицы, а редакторы музыкальной редакции Н. Орлова, А. Ягелло, С. Клебанова, Ф. Гоухберг, М. Емельянова вместе с ведущими музыкантами, композиторами, певцами (их осталось в городе совсем немного) готовят новые музыкальные программы.

Зимой 1941–1942 годов погибли многие хористы Капеллы и Радиокомитета. Воссоздать же оперу без хора было просто невозможно. Участники первых после возобновления оперных постановок рассказывают, как Управление по

делам искусств (Б. Загурский) собрало вместе всех оставшихся в городе певцов в единый коллектив. Опера вернулась на радио и на театральные подмостки. В июне 1942 года были вывешены афиши: «Большой зал Филармонии... „Кармен“». Постановка заслуженной артистки РСФСР Н. Вельтер...» В программах учитывалась разносторонняя деятельность оркестра Радиокomiteта. С осени 1942 года при участии оркестра состоялись спектакли нового оперно-балетного коллектива. Сначала был поставлен «Евгений Онегин», а в марте 1943 года прошла премьера «Пиковой дамы». По радио исполнялись отдельные сцены и арии из этих и других опер русских и зарубежных композиторов.

Ленинградские музыканты совершили в дни войны подвиг. Вспоминая о нем, В. Ходоренко правильно определил его истоки: «Музыкальная духовная победа ясно показала миру, что силы людей, верящих в справедливость своего советского дела, – неисчерпаемы». Музыканты, певцы, редакторы сделали все, чтобы музыка продолжала звучать в блокадном городе. После войны в жизни дирижера К. И. Элиасберга, руководителя оркестра Радиокomiteта, произошел эпизод, который глубоко его взволновал. В той же гостинице «Астория», где он, больной дистрофией, лежал зимой 1942 года, на банкете к дирижеру подошли два немца, участники блокирования города. Один из них вынул записную книжку. В ней с большой пунктуальностью были отмечены все концерты Радиокomiteта, которые шли тогда в эфир. Это были

те самые немцы, которые стояли на Вороньей горе. Оказывается, они слушали музыку блокированного города и были потрясены, что в таких невероятных условиях создан и играет первоклассный оркестр. Слушатели этой музыки, находясь по ту сторону фронта, начинали лучше понимать непобедимость народа, исполненного такого духа и воли. Это ли не было музыкальной духовной победой Ленинграда?

ЧТЕНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Закладки в книге. «Запись на воск».

Рядом с дублером. Читает Мария Петрова.

«Русские люди». «Огромный мировой театр».

У режиссера ленинградского радио В. С. Ярмагаева до самой его кончины (1973) сохранялся томик пушкинской прозы с закладками, которые были вложены в книгу в 1942 году. По этой книге читал тогда в течение нескольких передач В. Ярмагаев «Капитанскую дочку». Он был одновременно артистом-исполнителем и режиссером. О перепечатке большого текста не могло быть и речи (машинистки обессилели), а укладываться приходилось в определенное время. Ярмагаев перечитывал страницу за страницей, поглядывая на часы, тут же на полях отмечал конец передачи. Он готовил очередной цикл «Чтения с продолжением», которые рождены были обстоятельствами блокадной зимы.

Организатором этих передач был один из инициаторов создания «Радиоохроники» – редактор Валерий Гурвич. И в мирное время лучшие артисты читали по радио Пушкина, Толстого, Гоголя. Но таких продолжающихся передач не было. Брели обычно какой-нибудь рассказ или отрывок. Артист стремился в одной передаче продемонстрировать свое мастерство, свою трактовку классического произведения. Теперь же артисты читали людям, которые в большинстве слу-

чаев сами читать не могли. Они ослабели, жили без тепла и света, и вот по праву друга приходили люди искусства и как бы вместе перелистывали страницы прекрасных книг.

Ярмагаев готовил очередную передачу цикла и в то же время ежедневно по четыре-пять раз подходил к микрофону. Приходилось читать и сводку, и письма бойцов, и стихи. Не услышать Владимира Серафимовича было тогда нельзя. Сегодня он начинал новый цикл, завтра или послезавтра слушатели писали письма-отклики, пусть не сразу, но доходившие все-таки до Радиокомитета. Письма позволяли лучше оценить выбор литературного материала, его восприятие в блокадном городе. Вот В. Ярмагаев начал чтение «Овода». От товарищей по работе, через близких и друзей он знал: его слушают, ждут очередной встречи с артистом. Уже после войны на глаза Ярмагаеву попались напечатанные в одном из сборников воспоминания: «Перечитываю „Овода“, книга, поднимающая дух. Недаром прошлую зиму читал ее по радио Ярмагаев. Я стояла, прижавшись к печке, и слушала, затаив дыхание. Теперь этот артист навсегда мне дорог»³⁹.

В то самое время, как ленинградка А. Наумова-Маккавеева делала эту запись в дневнике, В. Ярмагаев снова вернулся к «Оводу», теперь уже в качестве режиссера радиопостановки. В 1943 году в Ленинграде стало больше артистов, и лучшие из них исполняли роли в этом спектакле. Для Ярмагаева блокада стала не только временем воспоминаний. Неко-

---

³⁹ Подвиг Ленинграда. М., 1960. С. 324.

которые из передач той поры имели свое продолжение в начале семидесятых годов. Чаще всего артист думал о работе над романом А. Серафимовича «Железный поток». Здесь он опять выступил и как режиссер, и как исполнитель. «Конечно, это была советская классика, – говорил В. Ярмагаев. – Но мне казалось, что, читая о Кожухе, о его силе и вере, о знаменитом походе, я прямо обращаюсь к слушателям, которые узнали „железные ночи Ленинграда“, перенесли ни с чем не сравнимые испытания. Я и прочесть это старался именно так».

Ярмагаев хотел непременно записать исполнение «Железного потока», чтобы через годы мы уловили ту интонацию и то настроение. Записи делать было тогда нелегко. На многих микрофонных карточках тех лет написано: «Запись на воск». Когда Владимир Серафимович говорил об этой форме звукозаписи, он безнадежно махнул рукой. «Нынешние молодые радиожурналисты уже и не представляют себе уровень записывающей аппаратуры. Не магнитофонная лента, а восковая пластинка. Читаешь рассказ на 15 минут, ошибся на 14-й – и начинай все сначала». Записи на воск после нескольких повторов выходили из строя, лишь после войны, уже с появлением магнитофонов, «Железный поток» в исполнении артиста В. Ярмагаева был записан среди лучших в золотой фонд. Зимой 1973 года эта передача снова звучала в эфире.

Ярмагаев гордился работой на радио в блокадном горо-

де. Когда после окончания войны пришлось выбирать между театром и радио, он остался на радио, а его друг артист А. И. Янкевский ушел в театр. В дни блокады они трудились рядом, буквально чувствуя локоть друг друга. Внешний вид голодных людей бывал порой обманчив. Иногда казалось, что человек выглядит не хуже других, а он уже был обречен. А. Янкевский же был очень плох. Вот почему, когда он однажды пошел читать очередную передачу, режиссер И. Зонне тихо сказал В. Ярмагаеву: «Пойдешь вместе с Сашей. Садись рядом. Если с ним что случится – продолжишь». В. Ярмагаев очень волновался, находясь в этой необычной роли чтеца-дублера. К общей радости А. Янкевский дочитал до конца очередную передачу из цикла «Чтения с продолжением». Александр Иванович Янкевский сам был режиссером и исполнителем «Педагогической поэмы» А. Макаренко. Он прочитал первую часть книги еще в начале тридцатых годов. А когда его пригласили на работу в Харьковский русский драматический театр, поехал туда и потому, что в нескольких километрах от Харькова была коммуна имени Дзержинского. Тогда и познакомился А. Янкевский с Макаренко, увлекся его педагогическими идеями. Давно хотелось А. Янкевскому работать над «Педагогической поэмой», и вот он начал читать ее по радио в январе 1942 года. «Я взялся в это время за книгу Антона Семеновича, – говорил А. Янкевский, – потому что ее нравственная сила, убежденность казались мне очень нужными блокадному городу. И

долг перед А. Макаренко я чувствовал. Ведь без моего харьковского периода, пожалуй, не было бы и остального».

Зимой 1942 года за жизнь А. Янкевского продолжали опасаться, поэтому, когда балтийские моряки попросили прислать к ним кого-нибудь из артистов радио, в Кронштадт поехал он. Вернулся А. Янкевский через несколько недель физически окрепший, снова работал на радио, потом в театре, сыграл десятки ролей. Но цикл передач по Макаренко, прочитанный им в сорок втором, остался в его памяти на всю жизнь.

Среди работников радио, прошедших через войну и блокаду, пожалуй, мало о ком сказано и написано так много, как о Марии Григорьевне Петровой. Страницы военной биографии этой артистки принадлежат не только радио, они связаны с искусством военных лет в целом. К письмам, полученным ею блокадной зимой, все время прибавляются новые. Каждый из этих человеческих документов характеризует и само время, и роль радио, и того, кому это писалось. Заставить взяться за перо и написать такое может только искреннее, сильное чувство.

Вот отрывок из письма-отклика на выступление М. Г. Петровой по радио. «Дорогая Мария Григорьевна, – ох, как было нужно нам в те блокадные годы – радио! Да, голос из репродуктора – это было наше счастье, наша поддержка... Когда заговорило радио, когда мы знали, зачем ждать вечер, – стали прибавляться силы. Был период, когда, кроме

радио, нам нечего было ждать: от сына два месяца не было писем. Только голос из радио нас навещал, ободрял, говорил, что мы не одни. Спасибо вам, дорогие, за те дни. Всем, кто был с нами, кто помогал нам жить». Это письмо-воспоминание написала в 1964 году Н. П. Захарьева, ленинградка, получавшая в ту зиму иждивенческую карточку. Самую малую хлебную норму. Корреспондентка Петровой нашла слова благодарности тем, кто помог многим и многим ленинградцам: «Но как не хотелось умирать... И мы жили. И выжили. И, может быть, большую роль в этой нашей стойкости играло радио».

На радио М. Г. Петрова проработала более полувека. Не одно поколение ребят вошло в мир поэзии и искусства, слушая, как она исполняет роли мальчишек и девчонок, героев любимых книг детворы. Но из нескольких десятилетий три года в ее жизни самые памятные. Она бережно хранит письма, фотографии, документы блокадных дней. Вот из конверта, на котором написано: «Война. Блокада. Нар. арт. РСФСР М. Г. Петрова», я достаю «Книжку для учета выполнения работ в порядке трудовой повинности». Вот письма, газетные вырезки и совсем недавний пригласительный билет на дружинный сбор «Подвиг Ленинграда». Артистка выступает вместе с Героем Советского Союза, бывшим командиром авиационной эскадрильи П. С. Новиковым. Она рассказывает ребятам о том времени, когда учительница Андрианова писала ей: «Без радио страшно! А радио заставляет жить...

Спасибо, что вы говорите с нами... Это так важно».

Мария Григорьевна рассказывала о своих товарищах, которые дежурили на крышах, тушили зажигалки, ходили за водой на Фонтанку, о тонмейстере Д. Воробьеве, попросившем ее принести немного теплой воды. Петрова растопила снег и принесла воду, но Воробьев уже был мертв. Все это – горькая правда о блокадной жизни. И все же М. Петрова говорит: «Я вспоминаю ту блокадную зиму... как счастливое время... Даже странно – мы и голодали, и холодали не меньше других, и каждый день большое человеческое горе обступало нас со всех сторон, а мы вспоминаем об этом времени с каким-то высоким светлым чувством». Это чувство было рождено блокадным братством, уверенностью, что твое дело нужно людям, жизненно необходимо для них.

Пожалуй, именно война дала М. Г. Петровой ответ на ее сомнения – правильно ли она сделала, отказавшись от сцены, став артисткой радио. Да, она стала артисткой невидимой, почти не знала шумных аплодисментов, но в 1941 году, когда, казалось, ушли в безвозвратное прошлое нежные Дюймовочки, Петрова начала читать сводки, стихи, фронтовые корреспонденции и почувствовала, что ее слушает весь Ленинград. Голос Петровой не изменился с годами, но в блокадные дни он стал суровей, резче. Артисты и дикторы стремились к тому, чтобы слушатели не заметили их усталость, нервное напряжение. Делать это было очень трудно – в каждой семье погибали близкие, умирали товарищи. Но тот, кто

в шесть утра подходил первым к микрофону, знал: город ждет, ему важна сама тональность передачи. Нужно было приободрить людей, поддержать в них волю к сопротивлению. И артисты, и дикторы старались заглушить собственную беду и горе. Порой, правда, слушатели говорили о Доме радио: «Там, наверное, тепло, светло, раз у них хватает сил так говорить». А политрук Дома радио М. Г. Петрова дежурила на крыше, вытаскивала раненых из-под развалин соседнего дома, делилась с товарищами кусочками жмыхов. В ее записных книжках 1942 года записано: «Дежурство по штабу»; «Дежурство в диспетчерской»; «Выступление на торпедных катерах».

Мария Григорьевна была одной из легенд ленинградского радио и покинула его, а потом и ушла из жизни, когда ей было далеко за восемьдесят (1992). Но ее молодой голос слышится мне с довоенного детства, а еще с того разговора, который мы вели уже в конце шестидесятых в ее (и художника Ярослава Николаева) доме на берегу Невы.

Необычайной была среди ленинградцев популярность и другой артистки Радиокomiteта – Нины Александровны Чернявской. Муж ее погиб на фронте, мать и сын умерли от голода. А она продолжала читать. Порой ее низкий голос звучал трагически, но очень скоро артистка поняла, что в микрофон нужно говорить «внятно и обязательно бодро». В этой бодрости не было какого-то наигрыша. В ней чувствовались твердость и воля. Звонкий мальчишеский голос Пет-

ровой и тяжеловатый, очень характерный голос Чернявской дополняли друг друга. Когда Чернявская вспоминала, как пережила те дни, первые ее слова были о товарищах: «Мне посчастливилось встретить много хороших людей в блокаду. Беда не раскидала нас тогда, а сблизила. У всех было много общего горя».

Нина Александровна называла имена, о которых уже сказано на страницах этой книги, а еще – своих слушателей. В передачах цикла «Чтения с продолжением» артистка читала повесть Ванды Василевской «Просто любовь». Корреспондентка Е. А. не раскрыла своего имени, писала она и о повести В. Василевской, и о своем горе: «За что мы, женщины, так страдаем? За что я должна была потерять в эту войну мать, мужа, брата?» Понятны переживания самой Чернявской, получившей это горькое письмо. Ведь ее собственная боль не утихала...

О тогдашнем репертуаре артистки, о воздействии ее выступлений на слушателей можно судить по стихотворному посланию фронтовика Т. Лобанова:

Мы шли на смерть и подвиг смело.
Москвою было решено:
«Взломать кольцо» – и нам гремело
Из ваших уст «Бородино».

Вот еще одно свидетельство очевидца: «Литейный мост, набережная. Не доходя до Летнего сада, я услышал негром-

кий голос, но я не мог понять, откуда, вокруг не было людей. Я остановился, прислушался. Я слушал, и мне казалось, что этот тихий голос чем-то мне знаком. И не только голос, но и слова. И это было самое удивительное. Я знал эти слова: „Лошади были давно готовы, а мне все не хотелось расстаться со зрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь...“ „Станционный зритель“! Надо мной на уровне второго этажа чернел радиорупор, и оттуда Нина Чернявская шептала „Станционного зрителя“. Я знал, почему она так слабо шепчет: в Радиокomitee не хватает энергии. Я дослушал до конца и потом пошел домой, и думал, что, наверное, „Станционного зрителя“ слушал не я один. И я стал думать о людях, которых знал до войны и которые, если они еще живы, слушают Пушкина...»⁴⁰

Известность Н. Чернявской в Ленинграде была так велика, что, когда в город вернулся Театр комедии и режиссер Н. Акимов поставил спектакль «Старые друзья», в одной из сцен он повесил на стене дома подлинную афишу ее выступления.

Практически все актеры ленинградских театров, оставшиеся в городе, в большей или меньшей степени были связаны с радио. Слова В. А. Мичуриной-Самойловой: «Моя личная творческая работа во время войны и блокады проходила главным образом на радио», – могли бы повторить и другие

---

⁴⁰ А. Розен. Осколок в груди. Л., 1970. С. 146.

актеры. На вопрос, что они читали у микрофона, можно коротко ответить: всё. Их деятельность в такое время не могла ограничиться участием в литературных и театральных передачах. Так, В. Мичурина-Самойлова не только читала стихи А. Пушкина и М. Лермонтова, отрывки из поэмы Н. Некрасова «Русские женщины», произведения А. К. Толстого и К. Мея, она, договорившись с Радиокomiteетом, начинала выступления «словами от себя». Артистка говорила о том, что думают и чувствуют ленинградцы, когда читают о подвигах бойцов. Сначала ее привлекала лишь русская классика, но желание приблизить себя к фронтовикам привело старейшую деятельницу русской культуры не только к стихам поэтов, до той поры ей незнакомых (В. Шефнер, П. Каганова), но и к исполнению стихов, написанных самими солдатами. Получив написанное карандашом, явно во фронтовой обстановке, стихотворение бойца Сергея Ефимова «Привет матери» Вера Аркадьевна прочла по радио:

К тебе припаду я, как сын и как воин,
Увижу морщины и пряди седые.
Ты клятву услышишь: я буду достоин
Тебя, дорогая, – тебя и России.

К тому времени, когда В. А. Мичурина-Самойлова читала эти стихи непрофессионального поэта, за ее плечами было свыше пятидесяти пяти лет служения искусству. Работала она в дни войны неутомимо и, по собственному признанию,

бывала очень рада, когда ее приглашали на радио.

Мичурина-Самойлова всю свою творческую жизнь отдала театру, ее трудно упрекнуть в каких-либо иных пристрастиях. Поэтому в устах Мичуриной-Самойловой оценка роли блокадного радио особенно ценна. По признанию актрисы, радио заменило ленинградские театры, более того, стало могучим всеобъемлющим фронтовым театром. Никто не сказал, в частности, так точно и определенно о специфике радиоискусства, как это сделала Мичурина-Самойлова в своих воспоминаниях: «Я воспринимаю радио как открытый огромный мировой театр без стен. Война по-новому раскрыла возможности радио, и на это время самым близким для меня видом искусства стал „Театр у микрофона“. Война сблизила меня с радио потому, что моя жизнь всецело была соединена с армией, фронтом, и, выступая у микрофона, я *беседовала* (курсив мой. – А. Р.) с теми, кто в этот момент охранял подступы к моему родному городу. Я представляла себе бойцов, слушавших в этот момент мое выступление, я ощущала себя рядом с ними»⁴¹.

Старая актриса сказала самое главное, самое важное о сущности всех передач ленинградского радио в дни блокады и одновременно о причинах популярности этих передач. Ведь и писатели выступали с радиобеседами, и бойцы вели со слушателями разговор, ждали отклика и получали его. И музыкальная редакция, как мы видели, строила свои про-

---

⁴¹ В. А. Мичурина-Самойлова. Шестьдесят лет в искусстве. Л., 1946. С. 168.

граммы, основываясь на том же принципе: получить обратную волну, отзыв, живой отклик. Обширность аудитории и особый ее характер (не театралы-любители – сотни тысяч гражданских и военных людей) накладывали особый отпечаток на все работы литературно-драматического отдела.

Собственно, до весны 1942 года никакой постановочной работы не велось. Но когда весной Дом радио немного отогрелся, все его отделы заработали гораздо активней. Возродился отдел вещания для детей, поставивший к Первомайскому празднику радиопостановку К. Меркульевой и Е. Тарвид «Гора Бланек». Начальник литературно-драматического отдела Н. Ходза (до того он возглавлял детский отдел) считал, что пора отделу оправдывать вторую часть своего названия. Ведь в городе нет драматического театра. Н. Ходза и Я. Бабушкин мечтали о театре на радио и о современном репертуаре для него.

В ту пору многое в работе радио зависело от свежего номера центральных газет. Там были стихи, которые нужно было прочесть немедленно, статьи, о которых читатель должен был узнать сразу. И вот пришла «Правда» от 13 июля 1942 года. На газетной полосе пьеса Константина Симонова «Русские люди». Сам факт – свидетельство великой роли искусства; в том же номере газеты сводка сообщала о тяжелых боях на юге страны. Художественный руководитель Радиокomiteта Я. Бабушкин сразу же собрал всех артистов и предложил подготовить пьесу для исполнения перед слушателями. Ре-

петиции шли весь июль, актеров не хватало, хотя привлечены были оставшиеся в городе актерские силы. Репетировали с воодушевлением – так, будто только и ждали именно эту пьесу, чтобы передать силу и негибаемость наших людей.

Наконец в пятой студии Дома радио были установлены столы и стулья для просмотровой комиссии и микрофоны на стойках. Правда, микрофоны включены не были и все это представление тогда услышали несколько человек, но всем стало ясно: пьесу К. Симонова услышат ленинградцы. Только услышат? Но ведь в радиоспектакле некоторые актеры исполняют по две и даже по три роли, а на сцене нужно будет еще несколько человек. Были сомнения, но желание создать в городе драматический театр оказалось сильнее.

18 октября на фасаде дома, где и до войны и сейчас помещается Театр комедии, появилась надпись черными буквами на сером холсте: «Городской театр». На подмостках этого театра – его возглавил режиссер С. Морщихин – пошел спектакль по пьесе К. Симонова. Здание не отапливалось, в зале шинелей оказалось куда больше, чем пальто. Принимали восторженно. «Мы были, как и все, усталые и голодные, но эти аплодисменты убеждали, что людям нужна и духовная пища. Чувство долга перед ленинградцами поддерживало нас» – так говорил о тех днях артист А. Янкевский, который десятилетия играл в театре, родившемся осенью 1942 года. Как и радиоспектакль, в блокадном театре пьесу поставили режиссеры Радиокomiteта И. Горин и И. Зонне. А на

самой сцене играли вместе артисты Радиокomiteта и Театра имени Пушкина, оставшиеся в Ленинграде.

С этой поры жизнь артистов Радиокomiteта стала еще более беспокойной. Играя в пьесах Городского театра⁴² – в «Русских людях», «Нашествии», «Фронте», – они в то же время продолжали читать передачи. От театра до Дома радио – метров триста. Порой, едва отыграв в театре, В. Ярмагаев, в костюме и гриме, бежал на радио, артистка М. Петрова, привыкшая к выступлениям у микрофона, нередко забывала гримироваться. Иногда артист из театра шел на радио и, прочитав передачу, успевал вернуться к своему очередному выходу на сцену.

Случайностью ли было то, что музыка, литература, театр пришли к ленинградцам через радио?.. Что оркестр начал свои репетиции не в июне – июле, а в конце марта, в еще холодных студиях Радиокomiteта?.. Что творческие отчеты поэтов радио передало не после прорыва блокады, не в 1943-м или даже в 1944-м, а весной и летом 1942 года, когда эти передачи поддерживали людей, физические силы которых были на исходе?.. Здесь, на радио, родились лучшие военные стихи. И вот блокадный театр – он тоже вышел отсюда. Объяснить все это лишь уникальными возможностями, которые имело радио для связи с населением большого города, нельзя. Нужно понять значение подвига людей, которые использовали возможность сделать Ленинградский радиокomiteт

---

⁴² Давно уже Театр имени В. Ф. Комиссаржевской.

важным центром художественной жизни города.

Но и сыграв важную роль в создании блокадного театра, радио не отказалось от «Театра у микрофона», наоборот, усилило эту работу в 1943 году, после возвращения в Ленинград артистов Большого драматического театра. Почему же так произошло? Да, теперь в городе находилось уже два драматических театра и Театр музыкальной комедии. Но еще немногим удавалось бывать на спектаклях. В 1943 году по городской трансляционной сети 2486 раз сообщалось об артиллерийских обстрелах. Рабочий день продолжался до двенадцати часов в сутки. Трамваи ходили всего лишь по нескольким маршрутам. Одним было далеко добираться до центра, другим не под силу, третьим боязно: так много трудного осталось позади, что рисковать не хотелось.

Разумеется, заядлые театралы побывали и в БДТ, и в Городском театре, но десятки тысяч жителей города, бойцов многих фронтовых частей, раненых, лежащих в госпиталях, ждали премьеры «Театра у микрофона». Лучшие артистические силы принимали в них участие – В. Полицеймако и Б. Горин-Горяинов, В. Стрешнева и М. Домашева, В. Честников и Н. Левицкий, Н. Железнова и Е. Студенцов, А. Нелидов и П. Андриевский и, конечно, артисты Радиокомитета К. Миронов, И. Горин, М. Петрова, Н. Чернявская, В. Ярмагаев, А. Янкевский. В 1942 году весь исполнительский план ложился на плечи 42 актеров и 5 режиссеров, которые, кроме того, выступали в госпиталях, выезжали с фронтовыми

бригадами, а с октября еще играли на сцене театра. В 1943 году читали на радио и выступали в «Театре у микрофона» 138 актеров. Готовили инсценировки и спектакли 13 режиссеров.

Теперь основное место на радио заняли артисты театра, но это вовсе не означало, что вместе с ними придут законы обычного театрального представления. У радио были иные задачи, иные возможности. Речь шла не о том, чтобы соревноваться с театром, спорить с ним. Но учитывать специфику «невидимого театра» приходилось. Не случайно на одном из совещаний в литературно-драматическом отделе обсуждались такие вопросы: «а) требует ли микрофон яркой подачи звука и подчеркнутой дикции, как в театре; б) чем восполняет радиоартист для себя недостающего зрителя, который своей реакцией помогает работать артистам театра; в) что должно заменить в радиоспектакле пейзаж, декорации и т. д.».

Успех передач «Театр у микрофона», как и «Чтения с продолжением», пришел именно потому, что на радио не переносили механически другие формы искусства, а вырабатывали особую форму искусства и актерского мастерства. Прежде всего думали о слушателе – бойце фронта, труженике, готовили сокращенные варианты спектаклей по замечательным произведениям русской классики. Специально для «Театра у микрофона» были подготовлены постановки «Горе от ума», «Ревизор», «Враги», «Гроза». Режиссеры обра-

щались не только к широко известным произведениям Н. Гоголя, А. Островского, А. Грибоедова, но и к вещам, еще не шедшим в театр. Так была осуществлена радиопостановка пьесы М. Горького «Яков Богомоллов».

«Театр у микрофона» опирался на опыт, который литературно-драматическая редакция имела еще до войны. Теперь же, когда, по словам председателя Радиокomiteта И. Широкова, «радиовещание, в силу сложившейся обстановки, превратилось в центр культурного обслуживания города», значение таких передач было не сравнимо с прежним. Готовя каждую постановку, работники радио и артисты помнили об этом. Сколько нужно такта и умения, чтобы при сокращениях сохранить главное, передать дух и мысль великих творений. Сокращали по необходимости. Слушатель не мог несколько часов отдать искусству, у него просто не было на это времени. Он мог «сходить в театр» на час-полтора (и такую возможность давало радио), чтобы потом снова взяться за главное дело – в цеху, в госпитале, на батарее.

В сообщении «О художественном вещании Ленинградского радио» (16 ноября 1943 года) композитор Д. Кабалевский писал о его высоком уровне и соответствии политическим и художественным требованиям. Д. Кабалевский перечислил лучших людей, на которых, по его мнению, держалась вся работа художественного вещания. Все они уже названы на страницах этой книги.

Важно подчеркнуть: художественное вещание ленинград-

ского радио в последний блокадный год по многим своим показателям (особенно инсценировкам) превзошло довоенный уровень. Во второй половине 1943 года даже возникла потребность создать специальную постановочную редакцию. Сначала в «Театр у микрофона» пришла классика; особый интерес вызвала пьеса А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин-Сухорук». На сцене она давно не ставилась. Но ведь пьеса была посвящена славным боевым страницам русской истории и потому привлекала внимание. «Минин» стал одной из больших удач «Театра у микрофона», широко использовавшего возможности радио. В передачу были включены фрагменты из опер П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова. Мощно звучал оркестр и хор Радиокomiteта. Удача определялась и главным исполнителем артистом Петровским, читавшим в пьесе роль Минина.

Вскоре к репертуару классическому прибавились произведения советских авторов – были здесь как драматургические произведения, так и инсценировки. Героическому прошлому была посвящена пьеса А. Разумовского и В. Бахтерева «Полководец Суворов». Образ Суворова создал в радиоспектакле артист В. Софронов. Он показал человека, сочетающего в себе мягкость с твердостью и решимостью. Был создан глубокий и сложный характер. «Театр у микрофона» имел обширнейшую аудиторию. Потребность в искусстве оказалась столь велика, что, помимо оригинальных постановок, радио повторило репертуар ленинградских теат-

ров, а также Театра Краснознаменного Балтийского флота, игравшего главным образом во флотских аудиториях. В 1943 году «Театр у микрофона» осуществил 46 постановок – в три раза больше, чем в предвоенный год. На радио режиссеров привлекала не только возможность быстрого осуществления постановки, но и широкий выбор литературного материала для инсценировок, которые шли одна за другой. Были инсценированы повесть Л. Славина «Друзья», рассказ братьев Тур «Жена капитана», повесть В. Кожевникова «Март – апрель». Инсценировки позволили, в дополнение к спектаклям «Театра у микрофона», вести еженедельные утренние воскресные передачи, которые пользовались большим успехом у ленинградцев.

Возникла возможность создать многосерийные спектакли, когда та или иная инсценировка шла по радио, как и «Чтения с продолжением», по несколько дней. Здесь угадываются будущие телефильмы (сериалы), собирающие сейчас многомиллионную аудиторию. Режиссер К. Миронов поставил радиоинсценировку «Новые похождения солдата Швейка». Каждая из одиннадцати передач приносила на радио отклики слушателей. «Новый Швейк», о котором написал М. Слободской, печатался в «Огоньке». Журнал присылали самолетом, и на аэродром выезжали работники Дома радио, чтобы скорее получить очередной номер. Случалось, самолет, летевший с Большой земли через фронт, задерживался. Бывало, что он не долетал до места назначения... Режиссер

И. Зонне подготовил девять передач «Возмутитель спокойствия» (по роману Л. Соловьева), режиссер Л. Рудник осуществил постановку «Мертвых душ». На этот раз состоялось восемь встреч актеров со слушателями. Такие же передачи с продолжением начала готовить и детская редакция. Ленинградские ребята истосковались по жанру приключенческому, по остросюжетным, занимательным произведениям. Радиоинсценировка Н. Паперной «Амулет» отвечала этим требованиям.

И сейчас поражает разнообразие форм вещания блокадного радио: многосерийные инсценировки и отдельные сцены, целостный спектакль и композиция. Пользуясь фондами механической записи, давали отрывки из спектаклей в исполнении Качалова, Москвина, Тарасовой, Книппер-Чеховой, Юрневой. Так, по радио звучали «Анна Каренина», «Горе от ума», «Отелло», «Горячее сердце», «Много шума из ничего». Все эти передачи еще заглушались разрывами снарядов, но литература, музыка, театр, взятые на вооружение, помогали вынести тяготы блокады. Ленинградцы в 1943 году жили несытой, опасной, но уже полнокровной духовной жизнью. Они с гордостью носили врученные им летом и осенью медали со шпилем Адмиралтейства. Вместе с другими защитниками города их получили работники Дома радио.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

«Хождение по мукам». «О роли тов. Бабушкина».

16 апреля 1943 года. «Со слезами на глазах».

Еще об Ольге Берггольц.

Книга эта выходила трудно и долго – около четырех лет. Она прошла через пять (!) рецензий. Три из них написали партийные работники, разделявшие мнение издателей: слишком много о литераторах, журналистах, об искусстве; мало – о партийном руководстве и материалах политвещания. Автор книги как мог сопротивлялся, доказывая, что во время войны и симоновское «Жди меня», и музыка становились «политвещанием». Все же без потерь не обошлось. Третья (или четвертая) внутренняя рецензия была написана В. Тишуниним, на тот момент «старшим научным сотрудником Института истории партии», который был в шестидесятые «руководителем ленинградского радио, потом телевидения». Рецензенту не понравилось, как автор пишет о некоторых героях, а мне даже показалось, что и они сами.

Именно после получения этой рецензии директор издательства Б. А. Станчиц для усиления «политической составляющей» книжки предложил мне... соавтора. Оставалось лишь догадываться, кто он. Я вежливо, но твердо отказался, ссылаясь на условия договора, мною никак не нарушенного. Главные претензии касались оценки деятельности ряда ра-

ботников блокадного радио, прежде всего Якова Бабушкина. Строгий рецензент выражал недовольство: недостаточно освещено в книге руководство Радиокomiteетом со стороны обкома КПСС. «На этом фоне, – говорилось в рецензии, – нужно ли так подчеркивать роль тов. Бабушкина в руководстве редакциями?» Рецензент не мог не слышать о художественном руководителе блокадного радио. В 60 – нулевые еще работали в радиийном Доме бывшие блокадники. Думаю, и о трагической судьбе Я. Бабушкина он был наслышан. Но...

Я почему-то уверен, что сказал о своем герое недостаточно, не воздал ему должного, почти не коснулся того горького, что омрачало жизнь искренних, преданных Родине граждан. Теперь, с запозданием, это делаю, тем более что появились новые важные свидетельства. Привожу отрывок из письма Фрица Фукса журналисту Евгению Биневичу: «Когда я узнал, что Яша ушел из Радиокomiteета на фронт и там в первый день был убит, я просто заплакал. Потерял одного из самых хороших друзей... И причина увольнения: он был евреем. Я в это долгое время не мог поверить. Моя просьба: можете ли вы мне сообщить правду о смерти Яши Бабушкина? И были ли виновники этой смерти наказаны как следует?»⁴³ Наивный Фриц Фукс! Он не захотел понять, что это

---

⁴³ Евгений Биневиц. «Свидетельство о Якове Бабушкине». «Народ мой». Независимая еврейская газета. СПб., 16 января 2003. Там же полный текст письма Я. Бабушкина Г. Фридлиндеру от 10 декабря 1943 г.

была расправа.

Примерно такие же вопросы задавала мне в одном из писем сестра Я. Бабушкина, жившая в Симферополе: «Не знаете ли Вы, почему Яша, больной дистрофик, любящий свою работу, ушел из Радиокomiteта?» Что я мог ответить на этот вопрос? Что 16 апреля 1943 года машинистка Радиокomiteта плакала, печатая приказ об увольнении Я. Бабушкина (одновременно уволили главного редактора политвещания Арона Пази, корреспондентку С. Альтцигер, редактора В. Гурвича и еще ряд сотрудников). Я. Бабушкин в одночасье оказался без работы, без карточек, без «брони». Его просто выбросили на улицу. Не только за «пятый пункт», но и за самостоятельность мышления, внутреннюю независимость.

После одной из публикаций М. Ф. Берггольц («Апрель», вып. четвертый, 1991) стала очевидной еще одна причина столь жесткого отношения власти к Я. Бабушкину. Оказывается, секретарь ГК ВКП(б) Н. Д. Шумилов запретил выступление О. Берггольц с чтением поэмы «Февральский дневник». Вопреки «указанию» Я. Бабушкин и В. Ходоренко взяли это на себя, и поэтесса выступила. Такое не прощалось.

В 1941-м Бабушкин рвался на фронт. Его не отпустили. И в 1942-м он мог сгореть в этой топке войны. Но весной 1943-го расправились с талантливым, деятельным человеком. А. Пази, снимая с работы, объяснили, что его должность следует отдать человеку «коренной национальности». Все же ему предоставили место в издательстве. А Бабушкин, после

недолгой работы на заводе, был уже в конце июня мобилизован. Потом сам попросил отправить на передовую.

Свою книгу, оразившую часть работы на радио, О. Берггольц выпустила своевременно (1946), пока это еще было возможно⁴⁴. Вот что двигало ее пером: «Я посвятила свою книжку „Говорит Ленинград“ прекрасной памяти работника Радиокomiteта Якова Бабушкина, погибшего под Нарвой... памяти работников Радиокomiteта Николая Верховского, Всеволода Римского-Корсакова, Леши Мартынова, умерших от голода...» Как видно, место Я. Бабушкина подчеркнуто выделено. Без него нет блокадного радио, как нет его без Берггольц (повторю ее слова: «Один оркестр чего стоил»). В письме другу юности Г. М. Фридендеру, будущему академику, уже из «учебки», незадолго до гибели, Я. Бабушкин писал: «Я горд сознанием того, что в обширной истории страшных лет нашего народа не смогут быть обойдены и плоды малой, но моей личной работы».

Чтобы так произошло, я возвращаюсь на этих страницах к трагедии одного из самых талантливых лидеров блокадного радио. Акция апреля 1943-го была началом выдавливания «инородцев» из многих сфер деятельности, особенно идеологической. Все это была линия высшего партийного руководства. Летом 1943 года в Москве сняли со своего поста главного (ответственного) редактора «Красной звезды» ге-

---

⁴⁴ Друг и биограф поэта Н. Банк свидетельствовала, что это издание «было изъято в связи с „ленинградским делом“».

нерала Д. Ортенберга. В Ленинграде увольняли директоров заводов. Думали ли А. Кузнецов и П. Попков, что после победы городу предстоят такие удары (постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», «ленинградское дело», борьба с космополитами), которые их самих уничтожат?.. Летом 1945 года в Ленинграде Ольга Берггольц встрети­лась со знаменитым в годы войны публицистом, писателем Ильей Эренбургом. Она спросила: не повторится ли 1937 год. Эренбург ответил, что нет, но Берггольц сказала:

«А голос у вас неуверенный».

В конце сороковых начались на радио новые увольнения. Неудовольствия властей не сводились к «пятому пункту», хотя совпадение по времени антисемитской кампании и «ленинградского дела» оказалось знаковым. Теперь опальными стали Моисей Блюмберг, Лазарь Маграчев, Любовь Спектор, Давид Беккер. Последним, уже в марте 1953 (!) года изгнали Михаила Меланеда: он не вовремя, в часы всенародного горя, закашлялся в эфир. Больше его голоса (и кашля) там не слышали. Даже известность, публичность становилась опасной, тем более когда пожелание провести передачу исходило от ставших опальными партийных деятелей.

Был забыт военный подвиг В. Ходоренко – ордена за блокаду получили другие. Ольга Берггольц ушла в поэзию, ни по какому из «дел» не проходила, но ее объявили «плакальщицей», осуждали за теорию «самовыражения». Может быть, потому, что не скрывала своего почтения к ославленной, ис-

ключенной из Союза писателей Анне Ахматовой⁴⁵. Но не исключено – помнили: Берггольц была из репрессированных... Во всяком случае, ее блокадная поэзия, лучшие поэмы (особенно «Твой путь») никак не были поощрены. Сталинскую премию (1951) дали, как бы в утешение, за весьма среднюю поэму «Первороссийск», отмечая прежде всего революционную тему. О трагическом, тяжком блокадном времени она говорила: «Такою мы свободою дышали, что внуки позабывали б нам». К концу сталинского правления чувствовала себя по-другому. Усиливалась болезнь, которая подтачивала здоровье, ограничивала творческий порыв. Прежней связи с читателем-слушателем не было.

Автору «хотелось бы всех поименно назвать»: все-таки радио – это коллективное дело. Не все, конечно, удалось, да и время тому не способствовало. Рецензенты (и упомянутый выше) наносили по рукописи точечные удары. Вот, со слов М. Меланеда, я записал, что он считает делом своей жизни, «главной миссией» – выступление перед микрофоном 27 января. В этот день Меланед зачитывал приказ войскам Ленинградского фронта и всем защитникам города о полном снятии блокады и салюте в честь победителей. Мне было указано на «нескромность» подобной самооценки. Пришлось от-

---

⁴⁵ Эта догадка нашла подтверждение в записках В. Лакшина «После журнала», которому Берггольц рассказала о некоторых обстоятельствах 1952 года: «После на партколлегии в Смольном ей делали допрос: „Помогала Ахматовой? Помогала Кузнецову?“ А я считала, что в революции нет такой меры наказания, как медленная голодная смерть». См.: Дружба народов. 2004. № 11. С. 140.

ступить, смягчив слова диктора. Вот что получилось: «Но из всего прочитанного в дни войны бывший главный диктор прежде всего вспоминает, как он вел передачу 27 января 1944 года, говорил о полном снятии блокады». «Почувствуйте разницу». Теперь в главе «Прекратить передачу нельзя» написано все как было. После войны далеко не сразу воздали должное блокадному городу и его жителям. Сама память о блокаде стиралась. Разрушили Музей обороны Ленинграда, арестовали его директора Л. Ракова. После «ленинградского дела» расстреляли руководителей ленинградской обороны. Да и «голос Ленинграда» следовало «глушить». Ведь по радио выступали всякие «попковы-кузнецовы». Можно было все, даже перенести с 1953-го на 1957-й празднование 250-летия города. Стоит ли удивляться, что при таком отношении к блокаде и ее истории до архива Радиокomiteта исследователи дошли лишь в середине 1960-х, книга «Голос Ленинграда» вышла в 1975 году, а памятная доска на Доме радио («Каменная летопись Санкт-Петербурга») ждала своего часа более полувека. Не сразу, лишь в конце 2012 года после вмешательства дочери диктора военных лет Д. Беккера – Л. Нимеровский и автора книги на диске появились имена художественного руководителя радио Я. Бабушкина, главы радио В. Ходоренко, журналиста Г. Макогоненко и Д. Беккера. В своей книге автор стремился «всех поименно назвать» и не допустить в ее тексте постороннего вмешательства некоторых «внутренних» рецензентов. Теперь книга о блокадном

радио выходит без постороннего вмешательства.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Добрые вести. Святая память.

Радиофильм «900 дней».

Пuls города. «Голоса мертвых и живых».

В дневниковых записях В. Саянова, относящихся к февралю 1944 года, сказано: «Сегодня иду по улице, и вдруг радио замолчало, как всегда перед тем, как известят об обстреле. Сердце сразу сжалось. Неужто опять по Ленинграду стрелять будут?» Стрелять по городу враг уже не мог, но запись характерна, в ней передано душевное состояние ленинградца. После полного снятия блокады фронтовые заботы уступили место заботам по восстановлению города. В феврале фронт проходил в десятках километров от Ленинграда. Правда, с северной стороны, возле Белоострова и Курорта еще до самого июня стояли финны, но обстановка здесь была спокойной. А в июне началось наше наступление на Выборг.

Довольно скоро Ленинград перестал занимать исключительное положение среди других городов. Разрушены были десятки крупных промышленных центров, сожжены тысячи сел. Сталинград стоял в руинах. Страна отдавала все силы фронту. Там, в лесах Белоруссии и на полях Прибалтики, решались сроки окончания войны. Конечно, в Ленинграде происходили события, которые обращали на себя внимание всей страны. Радио широко освещало первый рейс прямого

поезда Ленинград – Москва, оно отметило во многих передачах годовщину снятия блокады и награждение города орденом Ленина, рассказывало о триумфальном марше по улицам Ленинграда наших бойцов, вернувшихся с победой.

Художественные редакции все чаще обращались не только к литературным и музыкальным произведениям ленинградцев (часть писателей, журналистов ушла с наступающей армией, другие работали над крупными вещами), но и к значительным книгам и музыке столичных авторов. В феврале 1944 года, например, была осуществлена радиопостановка поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», ставились радиоинсценировки по пьесам В. Гусева. Звучали стихи, песни, написанные и в Ленинграде, и на фронте, который уходил от города все дальше.

Постепенно две темы становились наиболее важными для ленинградского радио: тема сегодняшняя, подвиг на войне, и тема непреходящая для Ленинграда – 900-дневная оборона. Во всех стихах, рассказах, очерках напоминание о блокаде естественно связывалось с наступлением наших армий сегодня. Радио освобожденного от блокады города воздавало должное и его армиям, и гражданскому населению, оно высоко оценивало его литературу военного времени.

Когда в конце 1944 года в Ленинград приехал крупный датский писатель Мартин-Андерсен Нексе, радио передало следующее письмо: «Дорогие друзья! Я прибыл в Ленинград с представлением о большом городе, который сильно разру-

шен врагом. Однако, побывав в Ленинграде, я испытал чувство огромного подъема. Я вижу, что население тепло одето, все много и организованно работают, каждый исполняет свой долг... Все это – без малейших следов героической позы. А ведь этому населению – самым храбрым людям в мире – пришлось перенести то, что, мне кажется, не под силу ни одному городу: выдержать тяжелейшую осаду в течение двух с лишним лет, а затем перейти в наступление и послать ко всем чертям гигантские армии, осаждавшие город. Передо мной встают дома, простреленные снарядами или целиком превращенные в руины. Но я нигде не вижу никакой растерянности или уныния. Благодаря сердечному изображению ленинградскими писателями жизни своего города, мы за рубежом знали много о Ленинграде во время блокады! И могли сравнительно точно представить титаническую борьбу его населения. Привет героическим писателям Ленинграда – участникам его обороны! Товарищеский привет всем писателям Советского Союза, ведущим самоотверженную работу на фронте и в тылу!» Такова была справедливая оценка работы ленинградского отряда советской литературы, значительная часть которой связана с ленинградским радио.

Много новостей рождалось в Ленинграде, освобожденном от блокады. Каждая информация несла добрую весть. Открылась выставка: «Героическая оборона Ленинграда». Корреспондент М. Фролов связался по телефону с Киевом –

произошел первый телефонный разговор двух городов после трехлетнего перерыва. 24 мая 1944 года, на тридцать пять дней раньше срока, пошел троллейбус по Международному проспекту. Монтер трамвайно-троллейбусного управления Слабый сказал: «Кто из нас не помнит, как в суровую зиму 1942 года десятки троллейбусов стояли в конце Невского и на Красной площади. Тяжелые дни тогда переживали мы. Но каждый ленинградец знал, что придет время и снова побегут по улицам города трамваи и троллейбусы». Первый телефонный разговор, первый троллейбус, первый прямой поезд Ленинград – Москва. Давно не слышали в городе таких сообщений. Все это грезилось ленинградцам, публицисты блокады с надеждой и верой говорили: «Так будет!» В августе журналисты М. Блюмберг и В. Петушков провели репортаж «Перед открытием театрального занавеса». То был не первый театральный сезон в военном Ленинграде. Однако новый сезон никак не походил на прежние. Теперь спектакли не прерывались воздушной тревогой, снаряды не достигали зрителей возле дверей театра. Да и театров стало куда больше. Летом 1944 года приехал из эвакуации Театр оперы и балета имени С. М. Кирова, в начале июля в городе встретили коллектив Театра драмы имени А. С. Пушкина. Осенью в Ленинграде начались спектакли ТЮЗа и Малого оперного театра. Вместе с артистами БДТ и Театра музыкальной комедии теперь в городе работал большой отряд деятелей искусства, которые выступали перед ленинградцами, живши-

ми в еще нелегких условиях войны. Возвращение ведущих театров позволяло шире приглашать на радио актеров разного профиля для выступлений у микрофона, но вместе с тем радиопостановки уже не могли иметь того значения, как в 1942-м, 1943-м и даже первой половине 1944 года. Это понимали и авторы репортажа о начале сезона, первого после снятия блокады. «Открытие театрального сезона. Правда, товарищ ленинградец, мы ходили с вами в театр и в прошлом, и в позапрошлом году. Мы смотрели на освещенную сцену и прислушивались к грохоту где-то на улицах разрывающихся снарядов». Репортаж велся из нескольких ленинградских театров. Говорили режиссеры, давался отрывок из пьесы А. Крона «Офицер флота», репетируемой в БДТ. Ведущий рассказывал о Театре музыкальной комедии: «Театр учил нас вновь улыбаться. Он был с нами все время: прошел все испытания, все невзгоды».

Вернулись театры, приехали обратно многие ученые, писатели. Их работа привлекала внимание радиожурналистов. Академик И. Крачковский, выступая по радио, говорил о своей книге «Над арабскими рукописями», писатели О. Форш, М. Зощенко, кинорежиссер Ф. Эрмлер делились творческими планами. Меньше стало передаваться корреспонденций с фронта. Лишь в июне – июле 1944 года, в дни наступления на Выборг, Ленинград опять ощутил на время дыхание недалекого боя. Журналисты писали теперь об освобожденной земле. В апреле 1944 года репортажи расска-

зывали о трагедии наших людей, переживших пытки в фашистских застенках. Многие изменилось в характере передач последнего военного года.

В декабре о близкой победе в предновогоднем выпуске «Звукового журнала» говорилось с полной уверенностью. В журнале было несколько сюжетов из жизни города и его людей. Один из кадров журналисты посвятили только что выпущенному календарю. Ведущий сказал: «Перелистывая страницы нового календаря, мы невольно думаем о том, что на одном из его небольших листков будет запечатлена в наступающем 1945 году самая желанная, самая дорогая для нас дата – день окончательной победы над фашистской Германией». Это ощущение проходит через передачи всех редакций – и литературной, и политической, и музыкальной, и детской, которая теперь вновь вернула себе и самую молодую по возрасту аудиторию – младших школьников и дошкольников. Возродился «Школьный радиоклуб». Детские писатели и журналисты готовили радиопостановки, литературные монтажи, конферансы.

В 1944–1945 годах больше стало передач из Москвы, теперь уже никто не мог помешать обмену программами между городами. Работать на радио было легче, а вот роль радио в жизни Ленинграда не могла остаться прежней. Не только оживилась культурная жизнь города, но и радио нередко выключали: воздушные тревоги ушли в прошлое. Радиожурналисты знали, что их слушают не так внимательно, но им была

понятна закономерность этого явления. Они ведь сами делали все, чтобы пришло такое время, когда радио не заменяло бы все виды искусства, когда оно вместе с газетами, журналами, театром общалось со своими согражданами. После снятия блокады Ленинград жил ощущением долгожданной свободы, хотя быт его оставался достаточно суровым и до сытости было далеко.

Летом 1944 года возникла мысль создать радиofilm «900 дней», посвященный блокаде. Поначалу это была чисто формальная идея. Речь шла о монтаже, о том, чтобы собрать вместе материалы, которые бы воссоздали атмосферу блокадных месяцев. Однако, когда журналисты стали прослушивать все имеющиеся записи одну за другой, они пришли к неожиданному выводу. Конечно, слушать все это интересно, однако возникает опасность некоторого однообразия. Нельзя же было превратить радиofilm просто в несколько эпизодов, объединенных связками, ведь уже нередко литературные монтажи, переданные сразу после снятия блокады, звучали как обыкновенные концерты.

Создатели фильма нашли иной путь. Придать единство отобранному материалу, рассказать историю блокады только звуком и голосом – такую задачу поставили перед собой работники Радиокomiteта. В каждом эпизоде, в каждой сцене нужно было уловить главное, то, что больше всего воздействует на слушателя. История блокадной жизни раскрывалась в хронологической последовательности, она застав-

ляла ленинградцев к любому эпизоду прибавлять свое восприятие разных периодов войны. Вот идет репортаж с призывного пункта. Военком называет фамилии – одну, другую, третью. А потом звучат шаги. Печатают шаг бойцы. Только шаги. Голоса ведущего – артиста В. Полицеймако – еще не слышно. Идет Ленинград. Уходят на фронт – отцы, сыновья, братья. Многие не вернутся. Но у них нет другого пути летом сорок первого. Ведущий говорит о симфонии Д. Шостаковича. Сначала тихо, потом все сильнее раздаются такты музыки. Но что это за «посторонние звуки» ворвались в передачу – знакомые и зловещие? Свист снарядов. Еще и еще. Так они стреляли по городу, методично, жестоко. И так они стреляли в музыку. Оказывается, монтажом звуков можно передать глубокую мысль, создать определенную образную систему, а многое в самих звуках значимо. Только нужно найти соответствующие звуковые средства выражения разных явлений.

Свист снарядов, грохот разорвавшихся бомб передавали напряжение, которое испытали ленинградцы от налетов и обстрелов. Но было и другое – мертвая тишина опустевшего, заснеженного Ленинграда. Можно ли передать в звуках... тишину? Выяснилось, что можно. В большом репетиционном зале был включен метроном. Тук-тук-тук-тук... Сколько раз днем и в бессонные ночи слышали в Ленинграде этот звук. У каждого он связывался в сознании с тем временем, с блокадой. Возникало страшное, щемящее чувство. Прислушиваясь к звукам метронома, советовались с оператором (Л.

Спектор), тонмейстером (Н. Рогов): сколько щелчков дать, чтобы лучше скрепить эти щелчки метронома голосом ведущего, летописца. Медленно, в такт метронома вступал еще один звук – говорил артист В. Полицеймако. О Ленинграде. О его подвиге. О его людях. О жизни – день за днем. И снова метроном. Опять эти бесконечные щелчки. И другой голос, знакомый горожанам, читает стихи. Ольга Берггольц. Можно сказать о прорыве блокады. Повторить репортаж митинга, посвященного приходу первого поезда с Большой земли. Но что здесь главное, где ключ к звуковому образу? Свисток паровоза! После замерших вокзалов, после перерезанных путей, после 125 граммов хлеба – вот оно, сбывшееся, осуществленное, то, о чем мечтали умирающие люди зимой 1941–1942 годов. Паровозный свисток. Со слезами на глазах слушали эти эпизоды из радиофильма сами его создатели, как бы вновь переживая 900 дней ленинградской обороны.

Создатели фильма стремились к подлинности во всем. Они не имитировали звуки, в течение нескольких месяцев отбирали самое значительное. Пригодились записи, сделанные впрок. Так, еще осенью 1942 года В. Ходоренко и Н. Свиридов на крыше Дома радио записали «симфонию ночного Ленинграда». И суровая «музыка», которую еженощно слышал блокадный Ленинград, прозвучала в радиофильме.

Из радиофильма возникал образ города, его героическая эпопея, возникал не из отдельного репортажа – из совокупности всех звуковых средств. Слово и музыка, свисток па-

ровоза и щелчок метронома, лязг буксующих на Ладожском льду грузовиков с мукой и нечеловеческий крик матери, увидевшей убитого ребенка, – все сливалось вместе, воскрешая не отдельные эпизоды, не сиюминутное, бытовое, а эпоху, ее трагедию и подвиг.

В радиофильме была попытка синтеза нового жанра, который широко использовал возможность вещания. Он в известной мере своей формой спорил с передачами, где довольно разные материалы нанизывались на один сюжет, а ведущий и музыкальное сопровождение становились некими дополнительными компонентами. Здесь же все строилось по-другому. И музыка не была простой иллюстрацией, сопровождением – несла эмоционально-образную нагрузку. Так было и с отрывком из Седьмой симфонии, и с мелодией «Интернационала», под звуки которого бойцы уходили на фронт.

Можно услышать и представить себе, как все было летом сорок первого, как звучало тогда: «Это есть наш последний и решительный бой...» Заменить музыку другой оказывалось невозможным. Она становилась не музыкальной заставкой – действующим лицом фильма. В самой работе осуществлялись известные принципы кино. Название «радиофильм» точно определяло жанр.

Из десятков репортажей, из сотен передач, из тысяч выступлений отбирались наиболее характерные, выразительные, разнообразные. Таким образом, удалось выстроить сю-

жет этой необычной передачи, и сюжетом стала история. Тут, конечно, дело не только в хронологической последовательности, но и в том, что через все испытания прошла тема духовной победы ленинградцев. Показать же эту духовную победу можно было только через человеческие судьбы. И вот это сочетание рассказа о важных вехах в жизни города с голосами конкретных людей – защитников Ленинграда – дало возможность свести воедино общее и частное.

Говорил Ленинград, и говорили композитор Д. Шостакович, профессор К. Огородников, работница Ольга Новикова. Но и здесь не хотелось ограничиться цитированием прежних передач. Возникла мысль сопоставить сказанное и сделанное, по возможности проследить дальнейший путь людей, выступавших в свое время у микрофона. В 1941 году рабочий, мастер одного из заводов, говорил: «Мы умрем, но не отдадим Ленинграда». И работница Ольга Новикова, молодая, энергичная, сказала на оборонительном рубеже города: «Мы клянемся, что не уйдем отсюда, пока врага не оставят». Три года назад эти люди были живы – они клялись не щадить себя в борьбе. Как сложилась судьба этих людей, нельзя ли снова услышать их голоса? Радиожурналисты поехали по адресам. В одном случае оказывалось, что адреса больше нет, на месте дома пустырь, в другом выяснилось – погиб человек, умер от голода или убит.

Умерла Ольга Новикова, а мастер жив и снова выступил у микрофона... Получился необычный репортаж. Ра-

диофильм рассказывал о судьбе людей, связавших себя с Ленинградом до конца. Эффект звукового фильма был поразительный. И так же, как не могли сдержать слез создатели этой необычной передачи, плакали и всё повидавшие блокадники. После очередного эпизода, обычного для блокированного Ленинграда, после записи жестокого обстрела улицы Рубинштейна, вслед за выстрелами и грохотом снова вступал голос ведущего. Он говорил, что так было ежедневно, по несколько раз в день. Снаряды попадали в дома, переполненные трамваи. Падали убитые и покалеченные дети, женщины, старики. И снова раздавался сигнал тревоги и характерный свист и стук метронома. Но теперь удары были не редкими, размеренными, как в спокойные часы, а частыми. Казалось, слышен пульс города, его напряженное дыхание.

И опять говорил ведущий. Теперь о нашей армии. Она знала, как сейчас живут в Ленинграде. Она чувствовала – там, на Мойке и Фонтанке, у Невы, на Выборгской и Петроградской, есть опасная сторона улицы: армия вела контрбатарейную борьбу, прочно стояла на рубежах обороны, готовилась к прорыву блокады и полному ее снятию.

В основе этого сюжетного фильма была правда. Содержание его можно было раскрыть так: «Вы слышите, что такое Ленинград в дни блокады. Это страдания и подвиг, смерть и самоотверженность и через все испытания – это победа». Над радиофильмом работало несколько человек – Г. Макогоненко, Л. Маграчев (сценаристы), Л. Спектор, Н. Свири-

дов, М. Блюмберг, О. Берггольц, Н. Рогов (Н. Беляев).

Множество чисто технических трудностей встретилось при монтаже всех этих материалов, ведь техника была не нынешняя. Идея такого фильма оказалась осуществимой благодаря трофейному магнитофону. Стоит напомнить, что первые попытки создания радиофильма относятся еще к маю 1943 года и связаны они также с использованием магнитофона, правда, наряду с другими формами звукозаписи (воск, шоринфон). Так создавались репортажи «Город, который ты защищаешь» и «С микрофоном по фронтовому Ленинграду». (В нем записан потрясающий душу рассказ домохозяйки Евдокии Ивановны Садовой о том, как попали под обстрел ее дети: «Весь в крови прибежал ко мне на пост Толя и сказал: „Мамочка, дорогая! Геночку убили“».) Репортажи 1943 года, в которых уже использован монтаж материалов, называли радиофильмами, видя новые возможности вещания. Был тогда же записан и стучащий метроном. Вот текст, на который накладывалась эта запись: «Город настроженно притих, готовый в любую минуту подняться. (Метроном.) И, как сердце его, бьет метроном в репродукторах улиц».

Знакомясь с другими репортажами 1941–1944 годов, видишь, как постепенно шли радиожурналисты к своей большой, итоговой работе. Сила документа, его воздействие на читателя, слушателя, зрителя необычайно проявилась в нашем искусстве и литературе послевоенной поры. Достаточ-

но вспомнить лучшие мемуарные книги, фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм», вторжение хроники в художественный кинематограф («Освобождение», «Семнадцать мгновений весны») и спектакли («Час пик» в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина), чтобы понять, насколько точно авторы фильма уловили тенденции развития искусства.

Ставшие теперь обычными формы монтажа звуковых материалов во многом обязаны тем первым шагам, которые были сделаны на ленинградском радио военных лет. Конечно же, радиofilm явился результатом всей деятельности ленинградского радио блокадной поры. Поэтому фактически авторами его были десятки людей. Они-то и позволили через звук передать эпоху, добиться благодаря звуку не просто воспроизведения тех или иных бытовых эпизодов, но огромного обобщения. Эти сотни метров пленки дали возможность людям вновь услышать героическое время, услышать блокадный Ленинград.

В Радиокomitee гордились этой работой. В одном из отчетов говорилось, что фильм представляет собой «исторический документ, впервые созданный средствами радиовещания». Фильм прозвучал 27 января 1945 года, в годовщину освобождения города, он повторялся многократно уже в мирное время. А 18 февраля В. Вишневский писал О. Матюшиной: «...показывали нам в „Правде“ звукофильм „Оборона Ленинграда“. Растрясло нас, заволновались. Опять пах-

нуло незабываемым... И стук метронома, и голоса мертвых и живых, и героика, и бомбы, и первый поезд на Финляндском вокзале».

Радиофильм, конечно, не мог вобрать в себя все самые значительные передачи блокадного времени. Не в этом была его задача. Но он запечатлел то главное, что делало ленинградское радио в годы блокады. В одной передаче отразилась вся специфика искусства, которое через звук передавало время, – радиоискусства, теперь уже неотделимого от подвига Ленинграда...

Мы говорим: «Никто не забыт, и ничто не забыто». Называем даты, имена, события. Произносим: «Здесь». Здесь проходила линия обороны. Сюда приземлялись самолеты с Большой земли. «Отсюда». «Отсюда передачи шли на город». Вот названия – «Ленинградский метроном», «Слушают радио», «Позывные памяти», «Баллада о репродукторе»... Кинофильм... гравюра... очерк. На наших глазах искусство создает монумент блокадному радио. Уже десятилетия отделяют нас от суровых блокадных дней. Уходит, почти ушло, поколение, вынесшее невероятный груз войны. Но память народная сохранит и немеркнувший подвиг, и неслыханные страдания, и непреклонную веру людей. В этой памяти всему будет место. И блокадному братству, и торжеству духа, и укороченным жизням. И будет звучать сквозь время неумолкнувший голос Ленинграда.

1969 – 2010

Ленинград – Санкт-Петербург